

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Ф. МОРОЗОВА»

МЕТАФИЗИКА ПАТРИОТИЗМА : ВОСПИТАНИЕ ДУХА
И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНИНА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Воронеж, 24 апреля 2025 г.

Воронеж 2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
"VORONEZH STATE UNIVERSITY OF FORESTRY
AND TECHNOLOGIES NAMED AFTER G.F. MOROZOV"

METAPHYSICS OF PATRIOTISM: FOSTERING THE SHIRIT AND
SHAPING THE CITIZEN

Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference

Voronezh, April 24, 2025

Voronezh 2025

УДК 355.233.231.1

М54

М54 Метафизика патриотизма: воспитание духа и формирование гражданина : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 24 апреля 2025 г. / отв. ред. О. Н. Квасов ; М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛТУ». – Воронеж, 2025. – 245 с. – URL: <https://vgltu.ru/nauka/konferencii/2025/metafizika-patriotizma-vospitanie-duha-i-formirovanie-grazhdanina/> – Текст : электронный.

ISBN 978-5-7994-1176-3

Проблематика конференции «Метафизика патриотизма: воспитание духа и формирование гражданина», прошедшей в ВГЛТУ 24 апреля 2025 г., продиктована 80-летием Великой Отечественной войны и актуальными мировыми событиями. Сакральный образ Победы в наши дни, это не просто символ исторической состоятельности народа, знак его подлинности в социокультурной парадигме, но и выражение его онтологической сущности, метафизической проекции национального духа в масштабах эпохи. В этой связи аналогичный, высший метафизический смысл, обретает гражданская патриотика, уникальный вектор формирования которой, "механика" патриотического выбора, личностного, в измерениях совести, соответствия своему времени, становятся чрезвычайно важными темами для рассмотрения, требуют взвешенной научно-исследовательской оценки. Этим вопросам посвящена данная конференция.

Материалы конференции ориентированы на широкий круг читателей – практикующих специалистов, учёных, студентов, обществоведов и педагогов.

ISBN 978-5-7994-1176-3

© ФГБОУ ВО «ВГЛТУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СУХОРУКИХ А.В. Метафизика прошлого и феномен памяти в онтологическом контексте национального этоса	5
ЕМЕЛЬЯНОВА Н.Н. Метафизика патриотизма как безусловная основа подлинной идентичности.....	12
МЕЩЕРЯКОВА Е.И. Смысловое воспитание молодежи в условиях современного ментального противоборства.....	20
КОСТРОВА Е.Н., ТИТОВ О.Ю. Патриотизм в современном обществе и культуре: сравнительный анализ.....	25
КСЕНОФОНТОВ В.А. Военное насилие: основные акценты	32
ПОЛЕВОДОВ Г.В. Россия в парадигме сетецентрической войны	41
ПАНОВА Н.А. Тема патриотизма в творчестве И.А. Ильина	47
АРАСЛАНОВА С.С. Особенности русского характера в творчестве Н. Бердяева.....	51
УДАЛЫХ Е.Ю. Война как экзистенциальный феномен: антропологический анализ взглядов Николая Бердяева.....	54
ЧУЧУПАЛ В.В. Герои Великой войны: генерал-штурм – «Стоять насмерть!»	59
КВАСОВ О.Н. Подвиг советского народа	65
КУЛЬБАШНАЯ Е.В., МАШИНА А.В. Роль «русского слова» как высокоточного оружия в войне против фашизма: история и современность.....	71
МАМОНОВ М.А., НИКОНОВА Т.Ю. Педагогический маршрут воспитательной деятельности: ключевые аспекты образовательной среды развивающего детского отдыха ...	78
БЕЛЯНСКАЯ Т.Э. Развитие психологических установок в рамках сотрудничества и сотворчества преподавателя и студента	83
ГРИШИН А.А. Образовательный процесс как расширение сферы интимности.....	88
СЕМЫНИНА Е.В., РОМАНИХИН А.Р. К вопросу о дихотомии религиозного и психоаналитического (философского) мировоззрений. Взгляд на патриотизм	99
БЕЛЯЕВ М.В., РУССУ А.В. Влияние христианских религиозных текстов на формирование общественно-политической лояльности: сравнительный анализ протестантской и православной традиций.....	108
МЯЗИН В.А. Роль личности в истории: эволюция взглядов.....	114
ПЕТРЯЕВА Т.А. Гражданственность как нравственная категория в историческом контексте.....	119
СЕРГЕЕВ С.С. Пределы человеческой свободы в контексте власти.....	125
ПОПОВ А.С. Детская проза воронежских писателей ранней «оттепели»	131
ТИТОВА О.Ю. Семантика дарообмена в южнорусской свадебной обрядности	137
КЛЮЧНИКОВ Н.В. М.Н. Катков как защитник основ русской государственности.....	142
КИТАЕВА А.В. Проблема интеллигенции в публицистике Л.Е. Оболенского второй половины 1890-х гг.	146
КАНДЫБИНА Е.Л. Символы трансформации в юнгианской песочнице.....	151

ПОДЛЕСНЫХ С.Н. Судебная система Российской империи в первой трети XIX в. в проекте М.А. Балугьянского	154
ПОТРАШКОВА В.В. Исторический образ Николая II: современный взгляд российских историков	162
БАЛАБАЕВ М.В. Берлинский кризис 1953 г. – народное восстание или мятеж?.....	168
БАШКАТОВ Д.В. Англо-русские отношения в период английской революции.....	176
СЕМЁНОВА Е.В. Помощь воронежского губернского земства населению и фронту в годы Первой мировой войны	181
КРЮЧКОВА Н.Ю. Воспитание патриотизмом в Воронежском епархиальном женском училище (середина XIX – начало XX вв.)	186
МАМОНОВ М.А. Воспитательная актуализация ценностных основ общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» посредством коллективной творческой деятельности	191
САЛМАНОВ П.П., КОЛКУНОВ А.Н. Отношение молодежи к памяти о Великой Отечественной войне (на примере студентов СПО)	199
ВОЛВЕНКИН М.Н. Николай Ростов в военном госпитале: миазмы тифа и тщеславия	205
ПИВОВАРОВА Ю.И. Проблемы восстановления архитектурного облика освобожденного Воронежа (1943-1945 гг.)	213
РАЗИНЬКОВ М.Е. Места памяти о Великой Отечественной войне в Воронежском государственном лесотехническом университете: формирование и эволюция	221
ТОВСТОПЯТ К.И. Деятельность комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан как пример реализации политики по делам ветеранов (по материалам Воронежской городской комиссии)	226
ВОСТРИКОВ П.В. Киевский клуб русских националистов (1908-1919 гг.)	232
Сведения об авторах	241

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_5-11

УДК 1.111.115.17

**МЕТАФИЗИКА ПРОШЛОГО И ФЕНОМЕН ПАМЯТИ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭТОСА**

**METAPHYSICS OF THE PAST AND THE PHENOMENON OF MEMORY
IN THE ONTOLOGICAL CONTEXT OF NATIONAL ETHOS**

Сухоруких А.В., доктор философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Sukhorukikh A.V., Doctor of Philosophy Sciences, associate professor

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: в статье рассматриваются онтологические феномены «время», «прошлое», «память» в контексте метафизических коррелятов социально-исторических процессов, актуализируется этическая составляющая традиции национальной исторической памяти, обуславливающей вневременной фактор духовного бытия народа.

Abstract: The article examines the ontological phenomena of "time", "past", "memory" in the context of metaphysical correlates of socio-historical processes, actualizes the ethical component of the tradition of national historical memory, which determines the timeless factor of the spiritual existence of the people.

Ключевые слова: память, вечность, этика, история, Победа

Keywords: memory, eternity, ethics, history, Victory

Если категория «свободы» в своём предельном аксиологическом статусе ассоциируется с футуристическим контекстом, обуславливая будущее ценностным целеполаганием, то наиболее значимым гуманистическим фактором, максимально сближающим метафизику Абсолюта с диалектикой формирования общественного сознания, с константой идеи общенационального бытия, его историчностью, становится феномен «прошлого» – этический, по существу, феномен человеческой памяти.

Берущий свой имманентный исток в глубинах человеческого сознания, символизм памяти соотносим с историческим контекстом, коррелирует фундаментальным онтологическим категориям «время» и «вечность», аккумулирует их пространственный контент в человеческом существе, суммируя физические и метафизические значения этих понятий в предельные смыслы Абсолютного бытия. Таким образом, перед нами интегральный гуманитарный дискурс для рассмотрения самых глубоких, по сути, сакральных измерений культуры – это её метафизический пласт архетипов, рождающих историчность личной памяти

(«всё, что было не со мной, помню») и её бесконечность в онтологических проекциях («мы звёздная память друг друга»).

Прежде всего, дадим краткий обзор феномена «память» в концептуальной философской традиции с позиций онтологии, истории, социума и культуры.

Память нерасторжима с понятием природы времени: метафизической, органической, социальной, и в этом значении – с естеством самой жизни. Её абсолютный онтологический контекст, «вечность», детерминирует понимание органичности «ткани» времени как «пространства» памяти: именно она оставляет неизменной суть перемен, циклов и эпох. Классический архетип родовой культуры народов мира актуализирует эталон «Золотого Века»: времени, в которое следует вернуться и навсегда остаться в нём, как в божественном измерении сущностного первоначала, – в частности, память о божественном Рае стала ключевым атрибутом христианской культуры.

Понимание природы времени менялось в культурно-исторических контекстах. Античность видела его ход цикличным и объёмным: всё уже было и всё будет, и лишь противостоящие Року герои жертвуют собою так, чтобы цикл времен повторился по-новому – иными словами, «прошлое», которое станет бывшим, уже есть в будущем, но его варианты всегда непредсказуемо новы. Средневековая мысль понимала время сотворенным божественным атрибутом, проистечением из будущего в прошлое, и наконец, центробежным «от рождества Христа». И только «Новое время» сделало свой ход линейным – из прошлого в будущее.

Мыслители разных эпох пытались обозреть ход времени в онто-историческом масштабе, рассматривая свойства памяти в антропологическом значении. Платон, развивая идею о вечном воспоминании о Едином, Благе и Добродетели всех душ, совершающих метампсихоз, полагал время субъективным: оно растяжимо и обратимо, а образ вечности подвижен (это «время подвига») [3, с. 11, Тимей 37 д].

У Плотина время только незавершенность полноты вечности, время, по сути, отрицаемо, тогда как именно память – критерий совершенства высшей реальности духа, утверждает само бытие [4, с. 219-236].

Христианский контекст, начиная с Августина, акцентирует вневременное причастие памяти как источнику совершенного знания, такого же неизменного, как божественный абсолют морали и добра. Время действительно только в мышлении – это форма для помышления вечного. Прошлое – настоящее, и человеческая душа вместилище прошлого, памяти. Именно душа измеряет время, воскресает в памяти универсальное, выходит из него в вечность. Человек видится образом Божиим, время действительно только в его мышлении, всё временное указывает на образ вечного [6, р. 46].

Сущностно тот же, фундаментальный для Просвещения кантовский тезис о субъективности времени как форме постижения мыслью реальности, возможно, впервые наглядно манифестировал пространство памяти как непостижимо-реальный этический императив долга быть и оставаться человеком [5, с. 15]. М.М. Бахтин, возродивший для XX в. сущность сократовского диалога, был убеждён, что в общем единящем пространстве памяти

происходит наиважнейшая для человека экстраполяция на социальный контекст образа другого как себя [2].

Память – время «вне потока времени», её момент – не дискретность фрагментов настоящего, а пространство неделимости, цельности и единства вечности как единственной воспринятой реальности. Погружение в память есть акт одномоментности: это вновь сотворенное бытие, где нет генезиса, становления. В этом уникальном качестве феномен памяти – субъективная категория, наполняющая ход времен сугубо личным. Минуя логическую объективацию, она коррелирует абсолютным характеристикам бытия, большим, чем жизнь: это прямая детерминация существования в вечности – для человека, общества, государства. Это философская сущность историзма, созидания человечеством своей наилучшей социальной природы: через предельно возможное приближение к умопостигаемым критериям своей собственной вечности. Интересно в этой связи замечание советского историографа М.А. Барга: «Мысленно воссоздавая прошлое, наследником которого он является, общественный индивид в действительности воспроизводит процесс собственного становления» [1, с. 10]. В таком «воспроизведении», в осмыслении собственной уникальности и историчности, в едином этическом ключе соединяются индивидуальная и социальная проекции человека, расширяя его идентичность до масштабов гражданской, государственной, национальной личности.

Вместе с тем, «частная», субъективная историчность, история как совокупность эпизодов, преобразуется для человека в целостное событийное вневременное единство и обнаруживает «вечные истины» только при погружении в этос национальной памяти – именно он видится определяющим фактором исторического сознания.

Историческая детерминация бесплодна вне преемственности народной памяти: только «воспоминание» национального прошлого как реальности бытия вечности в её абсолютных, этических константах, как единение, Собор, единство духовного континуума национального сообщества, рождает идею общенационального бытия.

Следовательно, определяя фундаментальную значимость прошлого в традиции преемственности исторической памяти, следует говорить, прежде всего, об этосе национального самосознания. В этом случае, пространство памяти, пространство времени есть пространство сознания – это этический континуум, вечность совести, начало предсущего, в котором нет «было» и «будет», но всегда постоянство «есть».

В этом контексте онтологические масштабы «Вечной России» – не территориальное пространство, но пространство бытия исторической памяти, бытия соборности народов, национальный духовный этос.

Только постоянно присутствующий этический коррелят национальной культуры (духовное достоинство ушедших поколений, которое «не посрамим») рождает вневременное достояние: идею национальной чести ради торжества правды и соборного начала («за други своя»). Это воплощенное единство прошлого, настоящего и будущего, преемственность живущих, живших, и тех, кому предстоит быть – по сути, так формируется императив нравственной цели, «пронизывающей» время.

Этос национального бытия больше, чем жизнь, масштабнее, чем категория времени. Соборный императив нравственен, он видится неизмеримо важнее, чем даже угроза неминуемой личной гибели. В такой метафизике понимания прошлого, будущее обусловлено принципиально моральным целеполаганием: универсальная ли это природа христианского общежития, философия ли «всеединства», идеалы «коммунизма» как «счастья для всех», или же – геополитически фатальная идеологема «нового мышления» как торжества общезначимых гуманистических ценностей, блага для всех народов планеты. Этот исторический нонсенс конца XX века: факт жертвенности советской государственностью за идею справедливого и мирного сосуществования, – ещё не вполне осмыслен современным российским обществом.

Только в контексте феномена памяти, акта воспоминания, то есть сопричастия с духовным Абсолютом, или с Правдой в символике русской онтологической модели, следует говорить о возрождении общенационального исторического мышления, об органичном, идущем в недрах национального самосознания процессе, соотносимом с самой жизнью – о рождении национальной идеи при длительной рефлексии, «сосредоточении» на этическом ядре национального организма.

Здесь принципиально важна не конструкция или реконструкция идеологии, но сакрализация исторической памяти, возврат национального самосознания к своему истоку, к абсолютным онтологическим значениям национального бытия, возвращение к сущностному, этическому началу природы национального организма, к его нравственной целостности, имманентным интенциям Духа, выраженным, в том числе, сакральной символикой воспитательных традиций.

Современная историческая ситуация по-своему уникальна для общенационального бытия: ещё не осознавая вполне, соотнося с опытом прошлого, российское общество интуитивно чувствует онтос истории, реалии духовных оснований, смысложизненную весомость Правды как фактора единения и мира.

Интуиция исторической памяти русского народа говорит и о реализации совершенно «невозможного» в настоящем «всепрощения» – не сколько в будущем, сколько именно в прошлом, как «прошлое». Рождённая, как правило, «священной войной», метафизика русского «всепрощения» коррелирует с «сопротивлением злу» как сила и сила, как прямо пропорциональные силовые факторы.

«Прошлое» примиряет непримиримое. Память естественна, именно в этом её преимущество, она стирает зло только тогда, когда оно не забывается, не игнорируется и не перестает именоваться таковым. Прощение рождается стихийно, именно вопреки «исторической логике» как единственная сила, способная стереть боль совершённого в прошлом зла. Примирение происходит органично, без искусственных реконструкций реванша: природа примирения исходит из абсолютной сущности памяти, оставляющей существенными лишь светлые воспоминания, и примирение – это только нечто пережитое, продуманное, прожитое, изжитое.

Метафизический опыт исторической памяти народа, общенациональный, соборный этос всеобъемлющ – его смыслы не сопоставимы с идеологическими конструктами временной

конъюнктуры. Следующему в континууме исторической памяти невозможно навязать «модель добра». Рождающуюся в национальном сознании мысль о прощении ждёт испытание сопоставлением с аналогиями прошлого. Схематически упрощая, можно назвать константу исторического отклика русского национального характера на развитие и провокацию метафизического «зла»: сначала это долготерпение и моление о милости, и лишь затем – «дубина народной войны», благородная ярость «войны священной», спасение большинства ценой несопоставимой жертвенности.

За XX век дважды была разрушена «историческая Россия», дважды была произведена десакрализация национальной памяти, «перечеркнуты» века собирания «Русской земли», усилия сплочения «советских республик», объединения «русского мира» как духовного начала, «скрепленного», «державного» актом жертвенности и русской кровью – разрушена «сакральность времени» в преемственности духовной памяти, формирующей традицию государственности и культуры.

Если в 1920-е гг. в театре Мейерхольда демонстрировался «эстетический расстрел прошлого», то в 1990-е стала реальностью эклектика глумления над всем «советским». Между тем, оказалось невозможным убрать важнейшее связующее звено сакральной преемственности поколений, символ священной войны, совершить деформацию глубинной исторической памяти, основ национального духа.

Память великой Победы обнажила жизнестойкость национального этоса – важнейшей, самоочищающейся «державы» общественного сознания, сознания духовных основ исторического бытия. И если говорить в терминологии сакральной государственной традиции о «сосредоточении» России, мы подразумеваем органическое «самоскрепление» национального духовного самосознания, факт его «самоудержания» на краю беспамятства, по сути, факт его «самодержавности».

Праздник Победы, символизм её общенациональной (соборной) жертвенности, обнажает реальность абсолютного начала, реальность вечности бытия в конкретном образе прошлого. Победа остаётся единственно значимым в народном сознании сакральным торжеством, таинством причастия исконной (родовой) памяти, залогом возрождения общенационального единства и образом преемственности и сплочения «вневременной», соединившей поколения, «русской идеи».

Красноречива общественная инициатива «Бессмертный полк». Его феномен не экзистенциален, он трансцендентален. Это именно феномен реализующейся, являющей саму себя абсолютной константы памяти, стирающей логическую несовместимость аспектов времени.

Символ прошлого, ожившего в духе и уходящего, «как журавли», в вечность – это редкий сегодня, но подлинный акт соборности, всесловности и национального самосознания, иллюстрация того, что «священная память», сакральное время, есть деятельное подвижничество причастия подвигу вне исторических координат, причастие вечной памяти, памяти вечности, памяти Бога.

Обратим внимание, что именно этико-философский концепт памяти акцентирует аморальность акта забвения едва ли не в масштабе античной трагедии: отсутствие социальной (полис) и метафизической (этнос) целостности – это шаг (правителя и общества) к безумию и, в конечном итоге, к безвестности – себя, как части единого, и единого в себе самом.

Сфокусированная общенациональным сознанием память Победы возродила идею Победы – как, хочется верить, предтечу общенациональной идеи. Сегодня национальное сознание «очнулось»: его воспоминания стали реальностью настоящего, а точнее, подлинного – реализовалась, пусть отчасти, «ностальгия по настоящему».

Без памяти о прошлом в своей оценке темпоральных перспектив, в актуализации приемлемого будущего, человек не воспринимает вечность даже при абсолютизации интуитивных аспектов сознания, он не может избежать многофакторности онтологических допущений: за «порогом» его разума будущего «не существует». В экстраполяции этих положений на национальное сознание, историзм соборной памяти обретает непреходящее значение, и в этом контексте Родина – принципиально «прошлое», корни твоего рода, чистота символики национальных святынь, без которых немислима и бессмысленна жизнь приходящих поколений.

В контексте духовных доминант национальной культуры борьба за цивилизационное будущее фактически предстаёт борьбой за место в истории, борьбой за не оболганное «прошлое»: это борьба не за пространство, а за «время», выводящее в «вечность», борьба за бытие национального самосознания.

Национальный опыт исторических поколений представляет по существу хронологический континуум духовной памяти, соотнесенный с вектором абсолютных истин. И в этом случае особый сакральный смысл обретает самая существенная мистерия борьбы – «война за память», за бытийствующую, являющую саму суть бытия, правду, так как лишь в памяти, в подлинно, без прикрас, былом, а не идеологически смоделированном прошлом, черпаются духовные силы человека и общества в целом.

Хрестоматийная дилемма демокритовой диалектики, заключённая в парадоксальном тезисе о «войне как матери всего» разрешается именно этическими презумпциями о ценности борьбы, ничтожащей иллюзии и софизмы, проявляющей сущностные начала абсолютных универсалий миропорядка, обнажающей этос бытия, цена которого дороже жизни. Не течение вод, в которые не войти дважды, а их бездонность и постоянство очертаний берегов аллегорически обозначают ту истину, принципиальность борьбы за которую обращает деяниями героев в вечность тот момент исторического времени, когда в общественном сознании совесть национального духа вырывается из ситуации политической конъюнктуры и обыденных форм предметно-вещественного мира.

В этом смысле подлинность национального самосознания определяется не сиюминутным настоящим, но «прошлым» как единением с предвечным – в христианском понимании такое сознание надмирно, по существу есть Дух, и тем самым истинно живо. Сущностное национальное сознание соборно, и жизнь Духа для него реальна настолько, насколько реальное будущее строится на основе реального прошлого.

Сопричастность вечности через многовековое прошлое – соборность с ушедшими ради обретения будущего – являет охват общенационального бытия, соизмеримого с произошедшем, что стало былью, и с происходящим, акцентирующим самое важное, самое явное – быть самим собой, и это в значении национального этоса означает «быть русским». Характерно, что такое качество нравственной природы национального сознания, предполагает именно неброскость своего естества, органичность своего проявления, равно как незаметно течёт время, предоставляя состояться событию, которое становится вехой исторической судьбы, бесценным прошлым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. – М.: Мысль. 1987. – 348 с
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. Платон Тимей. – М.: Нобель-пресс, 2024. – 170 с.
4. Плотин. Космогония. – М.: REFL-book 1995. – 304 с.
5. Торубарова Т.В. Пространство и время как модели понимания в метафизике И. Канта // *НОМОТНЕТИКА* Философия. Социология. Право. – 2015. – № 2. (199). – С. 14-22.
6. Brabant H. Time and Eternity in Christian Thought. – London, 1937. – 283 p.

REFERENCES

1. Barg M.A. Epochs and ideas: the formation of historicism. – M.: Thought, 1987. – 348 p.
2. Bakhtin M.M. Literary and critical articles. – M.: Fiction, 1986. – 543 p.
3. Platon Timei. – M.: Nobel Press, 2024. – 170 p.
4. Plotinus. Cosmogony. – M.: REFL-book 1995. – 304 p.
5. Torubarova T.V. Space and time as models of understanding in I. Kant's metaphysics // *NOMOTHETIKA* Filosofiya. Sociology. Right. – 2015. – № 2. (199) – Pp. 14-22.
6. Brabant H. Time and Eternity in Christian Thought. – London, 1937. – 283 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_12-19

УДК 118.1:172.15

**МЕТАФИЗИКА ПАТРИОТИЗМА КАК БЕЗУСЛОВНАЯ ОСНОВА ПОДЛИННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

**THE METAPHYSICS OF PATRIOTISM AS THE UNCONDITIONAL BASIS OF AUTHENTIC
IDENTITY**

Емельянова Н.Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, Россия.

Yemelyanova N.N. Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Chair of Philosophy
FGBOU VO “Donetsk State University”, Donetsk, Russia.

Аннотация: В статье исследуется метафизика патриотизма, неразрывно связанная с поисками подлинной идентичности. Феномен патриотизма анализируется на основе трудов отечественных философов – представителей Русского Религиозного Ренессанса. Доказывается, что в их учениях обосновываются и утверждаются традиционные ценности Русского мира, обусловленные ментальностью нашего народа и противостоящие культурным приоритетам западного сообщества. Проводится исследование национализма как с негативной, так и с позитивной точки зрения. Показана актуальность патриотических идей русских мыслителей в условиях военного противостояния 2014-2025 гг.

Abstract: The article explores the metaphysics of patriotism, which is inextricably linked to the search for authentic identity. The phenomenon of patriotism is analyzed on the basis of the works of Russian philosophers, representatives of the Russian Religious Renaissance. It is proved that their teachings substantiate and affirm the traditional values of the Russian world, conditioned by the mentality of our people and opposed to the cultural priorities of the Western community. A study of nationalism is conducted from both a negative and a positive point of view. The relevance of the patriotic ideas of Russian thinkers in the context of the 2014-2025 military confrontation is shown.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, Россия, метафизика, идентичность, ценности.

Keywords: patriotism, nationalism, Russia, metaphysics, identity, values.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № государственной регистрации 124101500444-8

Исследование метафизики патриотизма предполагает не только философский анализ его ментальных особенностей, но и обращение к проблеме идентичности, выражающей устойчивое единство индивида и соответствующего культурного сообщества. Будучи учением

о сверхприродном, метафизика нацелена на обнаружение основополагающих сущностей феноменального мира. Однако любое исследование мира вещей погружает нас в экзистенциальную проблематику, поскольку мы всегда имеем дело с критической работой мысли, требующей личностного самоопределения.

Философия патриотизма становится остро востребованной в условиях столкновения жизненно важных ценностных установок, когда политические, религиозные и моральные приоритеты враждующих сторон становятся непримиримыми. Так было в годы Великой Отечественной Войны, так происходит и ныне в ходе СВО. Политические и аксиологические запросы социальных субъектов, участвующих в вооруженном конфликте, вскрывают глубинные противоречия персональной, социальной, этнической и региональной идентификации. Патриотизм знаменует не только стремление народа сохранить себя в качестве целостного субъекта: «Идентичность современного человека связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, "выбирая" который индивиды формируют свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностями» [9, с. 269]. Несомненно, воля к ценностному самосохранению лежала в основе драматических событий 2014 г., положивших начало патриотической борьбе полиэтнического Донбасса за право собственного экзистенциального выбора. Попытки разрушить национальную идентичность, переписать историю и переформатировать сознание людей натолкнулись на стойкость и мужество защитников Отечества, уверенно отстаивающих ценности Русского мира.

Феномен патриотизма, неразрывно связанный с поисками подлинной идентичности, раскрывает свою бытийную сущность в ходе человеческой истории. Этот феномен был глубоко исследован русскими мыслителями, принадлежавшими к такому уникальному периоду отечественной истории, как Русский Религиозный Ренессанс. Философы Серебряного века, будучи истинными патриотами России, неустанно призывали к обогащению жизни подлинными ценностями науки, религии, морали, искусства. Пережив политические и нравственные гонения, многие из них оказались в вынужденной эмиграции, а оставшиеся познали все тяготы идеологического непонимания и политической травли. Но даже в самых трудных жизненных обстоятельствах они выступали против духовной нищеты и потери ценностных ориентиров. В годы тяжких испытаний они обращались к своей вечной любви – Родине: «Чем более мы несчастны, чем более пусты наши души, тем острее, болезненнее мы любим ее и тоскуем по ней» [10, с. 163]. Их философское творчество было нацелено на возрождение свободы и величия матери-России, а их изголодавшиеся души искали встречи с Богом как вечным источником жизни.

В. Розанов отмечал, что Отечество нередко представляется человеку неисповедимой Вавилонской башней, которую он постоянно достраивает, чтобы дотянуться до Бога и обрести вечность. При этом русская и европейская ментальность проявляется по-разному, о чем свидетельствует даже устройство церквей и соборов. Сравнивая православные и католические храмы, философ обращал внимание на сумрачность католических кафедралов, трудно сдержанный порыв в церковной западной музыке, и, в противовес этому, – на внутренний покой и чуждость всякой экзальтации наших светлых храмов, в которых церковные напевы

лишены порывистости и страстности: «Существеннейшая черта православия заключается в этом: оно ожидает, оно долготерпит; не проклинает, не ненавидит, не гонит» [8, с. 94].

Широта русской души, великодушие и сердечность обусловили ее тягу к соборности – тому духовному коллективизму, аналогов которого в истории, пожалуй, не было. В свое время П. Юркевич, развивавший идеи христианского платонизма, разработал философию сердца как носителя телесных и духовных сил человека: «Сердце есть седалище всех познавательных действий души. <...> Сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований, волнений и страстей. <...> Наконец, сердце есть средоточие нравственной жизни человека» [11, с. 70, 71]. В то же время, двойственность русского национального характера, соединявшего в себе европейское и азиатское начала, позволяла интегрировать противоречивые тенденции – приверженность традициям и тягу к новому, экзальтированную православную веру и противостояние церковной обрядности, стремление к государственному центризму и беспощадность народного бунта. Русская ментальность вобрала в себя готовность к самопожертвованию и потребность в покаянии, переизбыток жизненной силы и энергию разрушения, отказ от прагматизма и готовность к духовному подвигу. На эту ментальную двойственность обращал внимание Д. Мережковский, считавший русский народ самым апокалиптическим в мире: «Беспредельное религиозное отчаяние, доходящее до страшной «нетовщины», этого простонародного нигилизма – в настоящем, беспредельная религиозная надежда, чаяние еще невиданного на земле воплощения правды христовой – в будущем – вот две крайности, между которыми вечно колеблется религиозная стихия русского народа. Ничего в настоящем, все в будущем» [6, с. 69].

Н. Бердяев, философское творчество которого знаменует вершину Русского Религиозного Ренессанса, был истинным патриотом России, экзистенциально пережившим ее революционные разломы и испытания на прочность. Характеризуя Россию как страну великих контрастов, вбирающую в себя и первобытную тьму, и ослепительный свет, он обнаружил трансцендентный дуализм (признание ценности сверхчеловеческого совершенства и недооценку совершенства человеческого) не только в религиозности народа, но и в атеизме интеллигенции. Исследуя ментальность русской души, философ указывал на ее антиномичность, объединяющую в себе, с одной стороны, аполитичность и склонность к анархии, а, с другой стороны – беспредельное смирение и терпение, полное отсутствие шовинизма и национализма. Если европейцы в массе своей самоуверенны и самодовольны, то русские обладают свободой духа, жертвенностью и национальным бескорытием: «Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни» [1].

Патриотизм русских людей сыграл решающую роль в национальном возрождении Отечества от иноземного гнета. По убеждению Л. Гумилева, уже в начале XIII в. на территории Руси имел место пассионарный толчок, когда начали рождаться «новые» люди, ставшие исторической силой в известных событиях 1380 г. Особую роль в этом процессе сыграл Александр Невский, который принадлежал к поколению новых людей, поднявших Русь на

недосягаемую высоту: «Сформулированная Александром доминанта поведения – альтруистический патриотизм – на несколько столетий вперед определила принципы устройства Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях. И наконец, именно потомками Александра Ярославича Невского строилась в XIV в. на развалинах древней Киевской Руси новая Русь» [2]. Эта новая Русь, получившая сакральное наименование «Святой Руси», представляла собой новый великорусский этнос. Попутно от смешения славян с иными племенами возникали литовский, украинский и другие этносы.

Заметим, что понятие патриотизма нередко употребляется в контексте размышлений о таком явлении, как национализм. При этом в термин «национализм», как правило, вкладывается отрицательный смысл, объединяющий в себе идею национального превосходства и враждебное отношение к другим нациям. В этом случае в массовом сознании национализм зачастую отождествляется с нацизмом. Однако в своем первоначальном значении национализм означает признание нации как высшей формы человеческой общности и предполагает обоснование ее ценности – политической, экономической, нравственной и т. д. В свое время национализм явился той идеологией, которая позволила многим народам избавиться от колониального гнета. Безусловно, на переломных этапах истории, когда война становится реализованным феноменом человеческого бытия, имеет место переход так называемого «здорового» национализма в нацизм или фашизм. Так, на фронтах СВО стало привычным и оправданным употребление понятий «укронацизм» и «укрофашизм», включающих в себя непомерное самовозвеличивание и лютую ненависть ко всему русскому.

В свою очередь, стремясь оправдать свои военные преступления против гражданского населения, православной церкви и военнопленных, украинская пропаганда широко оперирует таким термином, как «рашизм» (русский фашизм). Невольно вспоминается поговорка, утверждающая, что лучший вид обороны – это наступление. Все то, что приписывается российской идеологии – человеконенавистничество, милитаризм, культ силы (в том числе культ личности президента), тотальная цензура, агрессивная внешняя политика и пр. – не что иное, как отзеркаливание событий, происходящих на самой Украине: уничтожение оппозиции, жажда бесконечного вооружения, жестокая «бусификация» и т.п. Правда, сюда вряд ли можно отнести культ президента: все-таки для того, чтобы был культ личности, прежде всего, нужна *личность*. Так или иначе, псевдоразоблачение «рашизма» на деле предстает репликацией агрессивного курса нынешней киевской власти. Здесь национализм оборачивается своей темной ипостасью, бытующей за счет мифологизации прошлого, патологической мании собственного величия и даже языческой ритуальности.

Национализм в его радикальной форме требует насыщения ненавистью, враждебностью, жадой разрушения, перерастающей в ксенофобию. В его основе лежит непомерная гордыня и агрессивное неприятие «чужого». Такой национализм руководствуется ничем не обоснованной идеей этнического превосходства одной нации над остальными. Впрочем, в этом случае всегда находятся «теоретики», претендующие на научное обоснование

особой роли собственной нации в историческом процессе. Именно так в преддверии Второй Мировой Войны появилась печально известная теория превосходства арийской расы; точно так же в наше время штампуются псевдонаучные открытия Трои как украинского города, происхождения Будды от древних «укров» и пр. Человеконенавистническая позиция, свойственная представителям подобного ультранационализма, исключает возможность продуктивного диалога с противоборствующей стороной.

Напротив, «светлый» лик национализма связан с патриотическим мироотношением, в котором гармонично соединяются неизбежная любовь к Отчизне и рефлексия над ее катастрофическими заблуждениями, ментальное растворение в ее культурных ценностях и принципиальная критика устаревших догм, глубокое осознание собственной идентичности и признание прав на свободу и достоинство других культур и этносов. Патриотизм питается положительными чувствами и стремлениями: душевным теплом, заботой, привязанностью, самоотверженностью, единением – иначе говоря, человечностью. В основе патриотизма лежит бескорыстная любовь к своей Родине, но, вместе с тем, формируется уважение к другим нациям; вместо идеи национального доминирования предлагается идея взаимного культурного сотрудничества. Подлинный патриотизм, основанный на силе народного духа, не ставит целью подавление чужой идентичности. Напротив, он включает в себя идею жертвенного мессианизма – так, как это было в философии Всеединства В. Соловьева и его идейных последователей.

Метафизика патриотизма получила оригинальную философскую разработку в трудах И.А. Ильина, поставившего целью выявить глубинные основы русского национализма. В цикле статей, посвященных данному феномену, философ исследует проблему метафизического своеобразия народа, размышляет об искажении русской истории, дает суровую отповедь «расчленителям» России. Осмысливая особенности русского национализма, И.А. Ильин обнаруживает его сущность в инстинкте самосохранения, подчиненном законам духа и добра, в здоровом и оправданном настроении души, в культурном самостоянии, в могучем национальном единении. Миссию России он видит в выработке национального творческого акта, верного историческим корням славянства и духу русского Православия: «И вот, русский национализм есть не что иное, как *любовь* к этому исторически сложившемуся духовному облику и акту русского народа; он есть *вера* в это наше призвание и в данные нам силы; он есть *воля* к нашему расцвету; он есть *созерцание* нашей истории, нашего исторического задания и наших путей, ведущих к этой цели; он есть бодрая и неутомимая *работа*, посвященная этому самобытному величию грядущей России» [4, с. 57-58]. Сама идея русского национализма обусловлена не духом завоевания, зависти и ненависти, а духом свободы, созерцания и любви.

И.А. Ильин не сомневается в величии будущей России, но указывает на опасность, исходящую от Запада, которому всегда было чуждо все прекрасное, созданное духом русского народа. Поэтому философ предлагает усвоить наглядный урок и уяснить, что нашим врагам выгодно искажать русскую историю, давая ее политически предумышленную трактовку, но самое главное – им надо осуществить свой план властолюбия и ненависти, погубить Россию.

Для этого необходимо ее расчлениить, потому что им не нужна единая Россия, сила которой – в самостоятельной культуре и твердой вере. Однако все попытки расчленения России обречены на провал: «Россия, как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую *никто не осилит*, на которой *все перессорятся*, которая вызовет к жизни *неимоверные и неприемлемые* опасности для всего человечества... Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обречённым на новые невиданные испытания» [5, с. 120]. Оставаясь верным русской идее, составляющей основание всей вдохновенной жизни России, И.А. Ильин ставит перед русской интеллигенцией ответственную задачу воспитания новых поколений – задачу, которая должна стать директивой на века: «Нам нет спасения в западничестве. <...> Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи» [3, с. 158].

Как видим, эти прогнозы И.А. Ильина оказались пророческими: поучительный опыт «лихих девяностых» показал, что России действительно нет спасения в некритичном заимствовании западных идей, а события 2014-2025 гг. доказали как тщетность попыток Запада расчлениить и ослабить Россию, так и увеличивающуюся шаткость мирового равновесия. Пророчества русских мыслителей относительно миссии России актуализируется в трудах современных философов, размышляющих о необходимости культивирования таких ценностей, как свобода, вера, любовь, соборность, семья, страдание, справедливость, собственность, власть: «...Россия – за счет определенным образом полагаемых ценностей – сегодня обязана дать миру новый шанс, т.е обрести (в режиме диалога и поиска кооперативных решений) позитивную полицентрическую формацию для мировой истории» [7, с. 182]. Во все времена русские патриоты не отделяли свою национальность и свою судьбу от истории и судьбы России.

Таким образом, метафизика патриотизма, разработанная отечественными философами, является безусловной основой подлинной идентичности и убедительно демонстрирует незыблемость наших ценностных приоритетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/sudba-rossii-174567> (дата обращения: 11.03.2025).
2. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – URL: [https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1734094138&tld=ru&lang=ru&name=gumilev_lev-ot_rusi_do_rossii-royallib.ru](https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1734094138&tld=ru&lang=ru&name=gumilev_lev_ot_rusi_do_rossii-royallib.ru) (дата обращения: 16.03.2025).
3. Ильин И.А. О русской идее / Ильин И.А. О русском национализме: Сборник статей. – Симферополь: Издательство Шпатакова «Родное слово», 2016. – С. 146-202.
4. Ильин И.А. О русском национализме / Ильин И.А. О русском национализме: Сборник статей. – Симферополь: Издательство Шпатакова «Родное слово», 2016. – С. 14-58.

5. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России / И.А. Ильин. О русском национализме: Сборник статей. – Симферополь: Издательство Шпатакова «Родное слово», 2016. – С. 59-145.
6. Мережковский Д. Больная Россия. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 272 с.
7. Муза Д.Е. О русской культуре и цивилизации: уроки XXI века (культурфилософские и искусствоведческие исследования): Монография / Центр стратегической конъюнктуры. – Пушкино: Издатель Воробьев А.В., 2024. – 188 с.
8. Розанов В.В. Черта характера древней Руси // В.В. Розанов. Том 1. Религия и культура / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.В. Барабанова. – М.: Правда, 1990. – С. 82-95.
9. Философский словарь / Под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, С.М. Малков. – 10-е изд., дораб. и доп. – М.: Мир философии, Алгоритм. 2024. – 975 с.
10. Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю.П. Сенокосова. – М.: Правда, 1990. – С. 111-180.
11. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // П. Д. Юркевич. Философские произведения. Сост. и подгот. текста А. И. Абрамова, И. В. Борисовой; вступ. ст. и примеч. А. И. Абрамова. – М.: Правда, 1990. – С. 69-103.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. The Fate of Russia [Electronic resource] / N.A. Berdyaev. Access mode: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/sudba-rossii-174567> (date of request: 03/11/2025).
2. Gumilev L.N. From Russia to Russia [Electronic resource] / L.N. Gumilev. Access mode: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1734094138&tld=ru&lang=ru&name=gumilev_lev-ot_rusi_do_rossii-royallib.ru (date of request: 03/16/2025).
3. Ilyin I.A. On the Russian idea / I.A. Ilyin. About Russian nationalism: A collection of articles. – Simferopol: Shpatakov Publishing House "Rodnoe slovo", 2016. – Pp. 146-202.
4. Ilyin I.A. On Russian nationalism / I.A. Ilyin. About Russian nationalism: A collection of articles. – Simferopol: Shpatakov Publishing House "Rodnoe slovo", 2016. – Pp. 14-58.
5. Ilyin I.A. What the dismemberment of Russia promises the world / I.A. Ilyin. About Russian nationalism: A collection of articles. – Simferopol: Shpatakov Publishing House "Rodnoe slovo", 2016. – Pp. 59-145.
6. Merezhkovsky D. Sick Russia. – L.: Leningrad Publishing House. University, 1991. – 272 p.
7. Muza D.E. About Russian culture and Civilization: Lessons for the 21st century (cultural philosophical and art studies): Monograph / Center for Strategic Conjunction. – Pushkino: Publisher Vorobyov A.V., 2024. – 188 p.
8. Rozanov V.V. Character trait of ancient Russia // V.V. Rozanov. Volume 1. Religion and culture / Intro. art., comp., preparation. text and notes by E.V. Barabanov. – Moscow: Pravda, 1990. – Pp. 82-95.

9. Philosophical Dictionary / Edited by A.A. Huseynov and Yu.N. Solodukhin. Comp. P.P. Apyrshko, A.P. Polyakov, S.M. Malkov. – 10th ed., dorab. and additional – M.: The World of philosophy, Algorithm. 2024. – 975 p.

10. Frank S.L. The collapse of idols // Frank S.L. Essays / Intro. art., comp., prepared. text and notes by Yu.P. Senokosov. – Moscow: Pravda, 1990. – Pp. 111-180.

11. Yurkevich P.D. The heart and its significance in the spiritual life of man, according to the teachings of the word of God // P.D. Yurkevich. Philosophical works. Comp. and get ready. text by A.I. Abramov, I.V. Borisova ; introduction and notes by A.I. Abramov. – Moscow: Pravda, 1990. – Pp. 69-103.

DOI: 10.58168/MPFSSC2025_20-24

УДК 378; 37.035.7

**СМЫСЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО
МЕНТАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА**

**SEMANTIC EDUCATION OF YOUTH IN THE CONTEXT OF MODERN MENTAL
CONFRONTATION**

Мещерякова Е.И., доктор

педагогических наук, профессор

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия.

Mesheryakova E.I., Doctor of Pedagogic Sciences, Professor

Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh), Russia

Аннотация. в статье проблема смыслового воспитания молодежи рассматривается в аспекте влияния на сознание человека факторов современного ментального противоборства. Предлагается для повышения эффективности воспитания использовать сочетание методов конкретных ситуаций и ментальных репрезентаций, что не только позволяет снизить (нейтрализовать) негативное влияние указанных факторов, но и осуществить успешное продвижение по траектории актуализации потенциала мышления.

Abstract: The article considers the problem of semantic education of young people in the aspect of the influence of factors of modern mental confrontation on human consciousness. It is proposed to use a combination of methods of specific situations and mental representations to increase the effectiveness of education, which not only reduces (neutralizes) the negative impact of these factors, but also makes it possible to successfully advance along the trajectory of actualizing the potential of thinking.

Ключевые слова: смысловое воспитание, ментальное противоборство.

Keywords: semantic education, mental confrontation.

Проблемы современного ментального противоборства, которое мы определили как целенаправленное разрушительное воздействие на сознание и мировоззрение представителей самых разных слоев населения и социальных групп государства-противника, осуществляемое для достижения установленных целей с использованием совокупности военных и невоенных мер, методов, средств, технологий [5, с. 27], привлекают внимание исследователей самых разных научных областей – от военных и военно-технических до гуманитарных. В настоящей статье представлены результаты исследования лишь одного из аспектов комплекса проблем ментального противоборства, а именно – смысловое воспитание молодежи, приобретающее

под влиянием факторов противоборства принципиально новые качественные характеристики. Акцент на обозначенный аспект объясняется тем, что важнейшей сущностной характеристикой ментального противоборства становится его смысловое наполнение. Такое противоборство осуществляется как в мирное время, так и в условиях ведения боевых действий.

Как известно, смысл в различных его трактовках – это одно из фундаментальных понятий многих гуманитарных наук. В изучение феномена внесли существенный вклад как зарубежные (А. Адлер, Ю. Джендлин, Дж. Келли, В. Франкл, Г. Фрейд и др.), так и отечественные (Ф.В. Бассин, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.В. Налимов и др.) исследователи. «Сегодня, – утверждает В.В. Ушакова и с ней трудно не согласиться, – наиболее динамично развивающимися подходами к проблеме смысла являются подходы, трактующие смысл как единицу межличностного взаимодействия и понимания» [8, с. 207]. А это означает, что смысл важно актуализировать в связи с воспитанием молодежи, где межличностное взаимодействие и понимание становятся базовыми характеристиками субъект-субъектного взаимодействия. Именно поэтому целесообразно говорить о смысловом воспитании, ведь ни для кого не секрет, что «существенная часть молодёжи, в том числе студенческой, не ставит перед собой задач обретения смысла, познания ценностей ... а среда, которая их окружает, не оказывает им помощи в этом направлении» [3, с. 187].

Когда речь идет о воспитании будущих офицеров Российской армии, в отношении которых использование факторов противоборства приобретает характер ментальной интервенции, проблематика смыслового воспитания приобретает особое звучание. Уже древнекитайский полководец Сунь-Цзы в своем цитируемом и сегодня трактате «Искусство войны» [7] утверждал, что наилучшая победа – это победа без сражения, т.е. победа путем деморализующего воздействия на противника. Такое воздействие современные исследователи называют когнитивной (O. Backes, A. Swab, B. Claverie, F. du Cluzel, S.A. Green), информационно-психологической (R. Szafranski, Н.Л. Волковский, Д.В. Рахинский), ментальной (А.М. Ильницкий, И.Н. Караваев, В.С. Овчинский, А.Ю. Школьников) войной. Систематизируя представления о современной войне без сражения, мы выделяем следующие уровни ментального противоборства, понимание которых имеет особенно важное значение в связи с характеристикой смыслового воспитания будущих офицеров: ментальная война (стратегический уровень), когнитивная война (оперативный уровень), информационно-психологическая война (тактический уровень). Для каждого из приведенных уровней характерно использование противником соответствующих установленным целям методов, средств, технологий, что во многом определяет смысловое наполнение воспитания курсантов в образовательном процессе военных вузов.

Смысловое воспитание требует понимания тех факторов (внешних – объективных и внутренних – субъективных), под влиянием которых развивается сознание и самосознание курсантов в субъект-субъектном взаимодействии с преподавателями и командирами в образовательном процессе военных вузов. Ведь исключить действие объективных факторов невозможно, но можно снизить (нейтрализовать) негативный и усилить позитивный характер

действия таких факторов в воспитательном взаимодействии. Мы рассматриваем объективные факторы как «все то, что влияет, определяет, преобразовывает – это причины, импульсы, которые способны воздействовать и влиять» (И.Ф. Бережная) [1, с. 8] и объединяем их в группы социально-экономических, культурно-исторических и морально-нравственных. Однако, по справедливому утверждению одного из ведущих отечественных исследователей С.Л. Рубинштейна, «внешние причины всегда действуют через внутренние условия, так что конечный эффект любого внешнего воздействия ... неизбежно приобретает и этический смысл – соотношения свободы и необходимости в человеческом поведении» [6, с. 350]. Это означает, что результативным воздействие факторов становится лишь в том случае, если оно затрагивает самосознание курсантов, то есть проникает через сознание в самосознание личности, вызывая в нем необходимые изменения. В этом утверждении – связь объективного и субъективного, которую необходимо использовать в смысловом воспитании, актуализируя внутренние факторы, представленные мотивационными, познавательными и нравственно-этическими характеристиками личности военнослужащих и отражающие мотивы, интересы, направленность, способности, уровень знаний, личностный опыт, ценностные ориентации, ментальность. Все это находит проявления в отношении будущих офицеров к общественным и государственным интересам в аспекте исполнения ими своих военно-профессиональных обязанностей по защите Отечества.

Подчеркнув значение учета особенностей влияния внешних и внутренних факторов на сознание и самосознание будущих офицеров, переходим к характеристике методики смыслового воспитания, выстраиваемой с учетом влияния факторов ментального противоборства. Как известно, методика воспитания представляет собой совокупность знаний о взаимосвязанных и взаимообусловленных методах организации воспитательного процесса, в которой (в совокупности) можно выделять наиболее значимые для исследователя методы. В нашем исследовании в качестве наиболее значимых для достижения целей смыслового воспитания курсантов были выделены два метода – метод ментальных репрезентаций и метод конкретных ситуаций (case-study), сочетание которых позволяет существенно повысить эффективность воспитания. Метод конкретных ситуаций широко используется в воспитательной практике, характеризуется исследователями как «метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на решении конкретных задач-ситуаций» [2]. Что же касается метода ментальных репрезентаций, то мы предлагаем его использование в практике смыслового воспитания, давая ему подробную характеристику в своих публикациях [4].

Сочетание в смысловом воспитании методов конкретных ситуаций и ментальных репрезентаций позволяет не только снизить (нейтрализовать) негативное влияние факторов ментального противоборства на сознание курсантов, но и осуществить успешное продвижение по траектории использования потенциала мышления, его развития как одного из основных познавательных процессов личности: от абстрактно-логического к наглядно-образному и затем к наглядно-действию мышлению. Успех воспитания зависит и от того, насколько удастся задействовать когнитивный компонент сознания, развитие которого неразрывно

связано с получением курсантами знаний на определенных этапах обучения в военном вузе. Так, на первом этапе (преимущественно 1-2 курсы обучения) осуществляется формирование установленных компетенций в процессе изучения гуманитарных, естественнонаучных дисциплин, включенных в соответствующие циклы учебного плана. Одновременно происходит адаптация к несению воинской службы в условиях профессиональной подготовки в соответствии с избранной специальностью. На втором этапе (преимущественно 3-4 курсы обучения) установленные компетенции формируются в процессе изучения дисциплин, включенных в профессиональный цикл. Здесь смысловое воспитание целенаправлено на формирование личностно-профессиональных качеств будущего офицера – военнослужащего Российской армии. Третий этап (преимущественно 4-5 курсы обучения) – это этап формирования установленных компетенций в процессе изучения дисциплин специализации и прохождения практики. На этом этапе акцент смыслового воспитания смещается в сторону развития формирующихся личностно-профессиональных качеств будущих офицеров посредством целенаправленной подготовки к адаптации в воинских коллективах, адаптации к военно-профессиональной деятельности в соответствии с полученной специальностью. Смещение доминанты развития мышления от абстрактно-логического на 1 этапе к наглядно-образному на 2 этапе и к наглядно-действенному на 3 этапе позволяет существенно повысить не только эффективность профессиональной подготовки курсантов к успешному осуществлению военно-профессиональной деятельности, но и результативность смыслового воспитания курсантов.

Подводя итоги представлению в настоящей статье результатов исследования проблемы смыслового воспитания в условиях современного ментального противоборства, которое проведено в контексте воспитания будущих офицеров в образовательном процессе военных вузов, можно утверждать, что они (результаты) могут быть адаптированы к воспитанию молодежи различных социальных групп с учетом особенностей влияния на их представителей факторов современного ментального противоборства

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бережная И.Ф. Индивидуализация как ведущая тенденция развития системы высшего образования в современных условиях // Развитие личности как стратегия современной системы образования: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 22-23 марта 2016 г. Часть 1. – Воронеж, 2016. – С. 6-11.
2. Вертаев А.В. Метод конкретных ситуаций как современная информационная технология в образовательной деятельности вузов внутренних войск МВД России // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2013. – № 34. – С. 119-123.
3. Дмитриева Т.В. Ценностно-смысловое воспитание студентов как педагогическая проблема // Вологдинские чтения. – 2010. – №78. – С. 185-192.
4. Зибров Г.В., Белошицкий А.В., Мещерякова Е.И. Формирование готовности сотрудников силовых ведомств к принятию решений с использованием метода ментальных

репрезентаций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. – 2025. – № 1. – С. 248-256.

5. Мещерякова Е.И. Гуманитарные аспекты современного ментального противоборства // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Специальный выпуск Материалов XVII Международной научно-практической конференции (Вольск, 17-18 октября 2024 г.). – Вольск, 2024. – С. 26-35.

6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – Санкт-Петербург.: Питер, 2004. – 461 с.

7. Сунь-Цзы. Искусство войны (в переводе академика Н.И. Конрада). – М.: АСТ, 2023. – 384 с.

8. Ушакова В.В. Смысл как многозначное понятие // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 2. – С. 205-210.

REFERENCES

1. Berezhnaya I. F. Individualization as a leading trend in the development of the higher education system in modern conditions // Personality development as a strategy of the modern education system: A collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference on March 22-23, 2016. Part 1. – Voronezh, 2016. – Pp. 6-11.

2. Vertaev A.V. The method of specific situations as a modern information technology in the educational activities of universities of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Psychology and Pedagogy: methodology and problems of practical application. – 2013. – № 34. – Pp. 119-123.

3. Dmitrieva T.V. Value-semantic education of students as a pedagogical problem // Vologda readings. – 2010. – No. 78. – Pp.185-192.

4. Zibrov G.V., Beloshitsky A.V., Meshcheryakova E.I. Formation of the readiness of law enforcement officers to make decisions using the method of mental representations // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs. – 2025. – No. 1. – Pp. 248-256.

5. Meshcheryakova E.I. Humanitarian aspects of modern mental confrontation // Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. Special issue of the Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference (Volsk, October 17-18, 2024). – Volsk, 2024. – Pp. 26-35.

6. Rubinstein S. L. Fundamentals of general psychology. – St. Petersburg: Peter, 2004. – 461 p.

7. Sun Tzu. The Art of War (translated by academician N. I. Konrad). – Moscow: AST, 2023. – 384 p.

8. Ushakova V.V. Meaning as a polysemous concept // Knowledge. Understanding. Ability. – 2006. – No. 2. – Pp. 205-210.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_25-31

УДК 314.04

**ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
PATRIOTISM IN MODERN SOCIETY AND CULTURE:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Кострова Е.Н., преподаватель**Титов О.Ю.**, курсант

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия.

Kostrova E.N., teacher**Titov O.Yu.**, The cadet

Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh), Russia

Аннотация. статье рассматривается, как в разных современных обществах и культурах функционирует понятие «патриотизм». Для примера взяты такие страны как Англия, Франция, Россия, США, Япония.

Abstract: The article examines how the concept of "patriotism" functions in different modern societies and cultures. For example, countries such as England, France, Russia, the USA, and Japan are taken.

Ключевые слова: Патриотизм, Англия, глобализация, национальная самобытность, Франция, Россия, Российская Федерация, патриотические программы, США, национализм, экспансия, День независимости, День ветеранов вьетнамской войны, Япония, национализм, Основной закон об образовании, Кодекс Бусидо, молодежь Японии.

Keywords: Patriotism, England, globalization, national identity, France, Russia, Russian Federation, patriotic programs, USA, nationalism, expansion, Independence Day, Vietnam War Veterans Day, Japan, nationalism, Basic Law on Education, Bushido Code, youth of Japan.

Мой друг,
Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
А.С. Пушкин

На протяжении множества лет человеческой истории особое место в обществе, культуре, создании и развитии цивилизаций, а также при защите государства во время войны занимал патриотизм. Он являлся одним из основных факторов, играющих ключевую роль в становлении и развитии общества и культуры любого государства. Патриотизм –

политический принцип и социальное чувство, осознанная любовь и привязанность к родине, преданность ей и готовность к жертвам ради неё, осознанная любовь к своему народу и его традициям.

Патриотизм – это не только вопрос государственной политики, но и личного выбора каждого гражданина. Патриотизм явление довольно древнее и у каждого государства и нации свое представление о патриотизме. В данной статье мы рассмотрим, как в разных современных обществах и культурах функционирует это понятие. Неотъемлемой составляющей чувства патриотизма является отношение к политическому лидеру страны. Политическое лидерство в любом обществе тесно связано с вооруженными силами. Также важной составляющей патриотизма выступает образ страны, проблема исторической памяти, вопрос ведения внешней политики и сохранение национальной самобытности в условиях глобализации. Рассмотрим эти составляющие на примерах обществ Англии, Франции, России, США и Японии.

Слово «Патриотизм» происходит от греческого *патри́ос* – «отеческий» через посредство французского *patriote* – «соотечественник». В политический язык Западной Европы слово «патриот» прочно входит в течение XVII в. В этот период служение стране понималось как служение монарху. Ярким примером такой страны является Англия.

Англия была и есть географически обособленным государством. Это страна глубинного патриотизма, отличающегося от других стран Европы. В Англии монархия всегда понималась как единственная возможная форма существования государства. В 1816 г. Роберт Оуэн открыл воспитательно-образовательный комплекс «Институт формирования характера». Главная цель его воспитательной системы – раннее развитие духа общественности, создание нового типа людей, которые в противоположность индивидуализму старого мира будут основывать свое счастье на счастье коллектива. Идеалом считалось воспитание граждан, приносящих «пользу для общества». Также в Англии была создана система скаутов, нацеленная на умственное и физическое развитие человека, решительность, инициативу и любовь к родине. Всё это части данной системы пропаганды патриотизма.

Английский писатель Клайв Стейплз Льюис писал в 1960 г. об «амбивалентности патриотизма» и выделял четыре его разновидности:

1. Любовь к дому; к старым друзьям, к знакомым лицам, к знакомым видам, запахам и звукам.
2. Особое отношение к прошлому своей страны.
3. Грубая вера в то, что своя страна или свой народ действительно лучше всех.
4. Своя нация настолько лучше всех, что просто обязана править всеми [1].

В современном мире национальное самосознание англичан биполярно. С одной стороны, англичане истинные патриоты. В пример этому можно привести рекламную акцию в 2003 г. На автозаправках Великобритании появились вывески с надписью «Горжусь тем, что я британец» и изображением гамбургера на фоне британского флага и сообщением, что здесь можно купить гамбургер из британской говядины. С другой стороны, Англия в условиях глобализации, противясь этому, становится частью огромной монокультуры.

Сохранение национальной самобытности проявляется в увлечении идеями массового регионализма, заботе о культурном и историческом наследии страны, в негативном отношении к представителям других стран. Англия сегодня более активно интегрируется в мировой контекст, а этнические меньшинства в Великобритании отчаянно борются за сохранение своей самобытности. Глобализация стала мотивирующим фактором для сохранения патриотизма [2].

Во Франции просветители всегда придавали патриотическому воспитанию огромное значение. «Дитя, раскрывая глаза должно видеть отечество и до смерти не должно ничего видеть, кроме отечества», – писал французский философ Жан Жак Руссо. Патриотизм во Франции проявляется на деле. Французы отдыхают на территории только своей родной страны, на французских дорогах ездят только французские автомобили. Высшее образование получают только те, кто будет работать в науке, праве, медицине, экономике, остальные же профессии требуют только обучения на курсах. Хорошие манеры являются частью жизни во Франции, там нет коррупции, на улицах можно чувствовать себя безопасно, за исключением кварталов с этническими эмигрантами. Патриотизм во Франции проявляется также в активном образе жизни, в отношении к еде. В школах проводятся уроки патриотического воспитания. Свое мнение французы любят высказывать в постоянных протестах, митингах, забастовках.

В России термин «Патриотизм» официально появился в XIX в. В общественной мысли патриотизм существовал уже намного раньше. В пользу этого говорят события Древней Руси, объединившейся для борьбы с внешним врагом, и модель отношений по «Домострою».

В дореволюционной России академик Императорской академии наук Владимир Соловьёв в своей статье утверждал: «как любовь к отечеству не противоречит непременно привязанности к более тесным социальным группам, например, к своей семье, так и преданность всечеловеческим интересам не исключает патриотизма» [3].

В Советском Союзе основными органами патриотического воспитания являлись такие организации, как пионерия, комсомол, Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), которые действовали каждая в своей возрастной категории, занимались организацией и воспитанием общества, проводили идеологию страны путем воспитания и просвещения. Образ героя в Советском союзе ассоциировался с воинскими доблестями, со спортивными достижениями. После распада СССР новыми героями для молодежи стали другие фигуры.

В современной России наблюдается планомерный рост внимания государства и общества к вопросам формирования патриотизма и развития патриотической культуры населения. Этому посвящены нормативные акты, проекты, публикации. Формирование патриотизма проводится по двум направлениям. Первое – на основе общих интересов и ценностей Российской Федерации, второе – на региональном местном уровне.

12 сентября 2012 г. Президент РФ В. В. Путин обратился к идеологии патриотизма: «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм» [4].

Одним из ярких проявлений патриотизма в России являются государственные праздники, такие как День Победы, День народного единства, День России и другие. Эти

праздники связаны с важными событиями в истории России, которые оказали огромное влияние на ее развитие.

В России активно функционируют различные организации и гражданские объединения, такие как НОД, Волонтеры Победы, Бессмертный полк, Память поколений, Юнармия, Движение первых, Орлята России и другие. Во многих регионах страны наблюдается возобновление популярных в прошлом военно-патриотических игр и соревнований, таких как «Зарница» и «Орлёнок». В 2013 г., по инициативе руководства страны и региональных властей, было принято решение о модернизации и возрождении комплекса ГТО. Большую роль в патриотическом воспитании играют учреждения культуры – библиотеки, дома культуры, клубы, дворцы культуры на региональном и местном уровнях, областные центры народного творчества, проводящие патриотические фестивали и праздники. В создании образа героя также отвечают учреждения культуры и образования.

В настоящий момент в Российской Федерации существует Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Начиная с 2001 г., в России реализовывались три государственные программы, посвященные патриотическому воспитанию. В 2016 г. Правительством РФ было принято Постановление № 1493 от 30.12.2015 г., утверждающее государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.». Эта программа охватывает различные направления, включая научно-исследовательскую, информационную и методическую работу, а также совершенствование методов и форм патриотического воспитания и развитие добровольческого движения. Предполагается, что данная программа станет основой для разработки федерального закона о патриотическом воспитании.

В США понимание слова «патриотизм» и «патриотическое воспитание» отличается от российского. Содержание понятия патриотизма в США пересекается с понятием национализма. Феномен американского патриотизма американский социолог и политолог Сэмюэл Хантингтон определил, как «не только как любовь к своей территории или истории, но и как приверженность идеям и идеалам, которые исповедует американское государство. Их совокупность он назвал «американским кредо». В него входят идеологические и культурные принципы, в силу и непоколебимость которых верит каждый американец. Это свобода, власть, закон, индивидуализм, прогресс и культурный плюрализм [5]. В Америке успешно реализуется военная, культурная экспансия. Армия в США исключительно контрактная. В школах, колледжах и университетах общая численность бойскаутов и герлскаутов составляет около 3 млн человек. Специальные военные курсы финансируются государством. В большинстве школ введены строгие запреты на использование неанглийских языков и не протестантских обычаев. В школе ученики дают клятву верности флагу и одной нации под Богом. Перед началом занятий в колледжах, университетах свято соблюдается традиция исполнения гимна США перед началом занятий. Известны случаи, когда студенты, не вставшие и не приложившие руку к сердцу во время исполнения гимна, подвергались бойкотированию и различным санкциям, вплоть до исключения из учебного заведения. На воспитание патриотических чувств воздействует американская массовая культура – прежде

всего, кино. Правительство США на государственном уровне участвует в процессах создания фильмов патриотической направленности. В Америке доминирует доктрина американской исключительности.

В США имеют место быть такие праздники как День Независимости и день ветеранов вьетнамской войны. Первый повествует о войне против английского владычества, так как американцы считали, что англичане ведут себя к ним несправедливо. В настоящее время национальный праздник, отмечаемый 4 июля, насыщен фейерверками, пикниками и другими мероприятиями на открытом воздухе, а также концертами и патриотическими речами, фестивалями и историческими реконструкциями. Американцы вывешивают на своих домах государственный флаг США. Другой праздник является днём памяти, так как эта война оставила глубокий след в истории Соединённых Штатов Америки. За время войны во Вьетнаме США потеряли, по разным данным, от 40 до 60 тысяч человек. После её окончания еще 129 тысяч ветеранов этой войны погибли в результате стрессов и самоубийств. Эта дата служит как напоминание о цене человеческой жизни, а также заставляет задуматься о смысле войны в целом.

Япония – страна Восходящего солнца – также может похвастаться множеством традиций, связанных с воспитанием молодёжи. В японском языке есть слово *aikokushin*, которое переводится «такое чувство как любовь к родине» и имеет одно значение как для «патриотизма», так и для «национализма». С патриотизмом очень тесно связан Основной закон об образовании, принятый в 2006 г., в который внесена отдельная статья о воспитании любви к малой родине и уважении культуры и истории других наций, а также дискуссии в обществе, касавшиеся инициативы правительства по патриотическому воспитанию. Вопрос современного патриотизма в Японии ещё мало исследован, так как сами японцы обратились к этой идее в XIX-XX вв., однако старые традиции, прописанные в «Кодексе Бусидо», до сих пор имеют свои отголоски. В первую очередь это кодекс воина, ориентированный на развитие сильной личности, а также на укрепление семейных уз, общественный долг, вопросы этики. Внешними показателями этой традиции являются кино, живопись, литература, спектакли театра кабуки. Сегодня в Японии среди молодежи главную роль играет возможность удовлетворения своих потребностей, что зависит от экономического потенциала страны. Удовлетворенность жизнью, безусловно, положительно влияет на восприятие собственной страны и стимулирует чувство принадлежности к нации. А политический лидер Японии, по представлению японцев, должен сочетать в себе умение достигать целей, полезных для страны, используя методы сотрудничества и кооперации, и при этом не быть «слишком большим патриотом» [6].

Л. Толстой в своей статье «Патриотизм и мир» обращал внимание: «Если бы патриотизм был только один: патриотизм одних англичан, то можно бы было его считать объединяющим или благодетельным, но когда, как теперь, есть патриотизм: американский, английский, немецкий, французский, русский, все противоположные один другому, то патриотизм уже не соединяет, а разъединяет» [7]. Главное, что патриотизм не стал разъединяющим фактором для всего человечества. Поэтому сегодня концепция патриотизма

приобретает исключительную важность. Патриотизм это не только эмоция, патриотизм – это действие, основанное на грамотных принципах. Жители России и других стран стремятся к сохранению своей уникальной культуры, и правительства активно поддерживают эти устремления. А молодому поколению важно изучать историю, так как исторические события часто повторяются, и знание прошлого может помочь избежать многих ошибок в будущем. Патриотом можно оставаться, отдавая предпочтения во вкусах зарубежным странам. Уважение к другим обществам и культурам не означает предательство своей Родины, а наоборот, усиливает любовь к ней и уважение к традициям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Патриотизм. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 24.04.2025).
2. Храброва А.А. Английский патриотизм в условиях глобализации // Система ценностей современного общества. – URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Шадрин В. А., Беловолова С. П. «Патриотизм, как социально-педагогический феномен». – URL:// <https://elibrary.ru/item.asp?id=21684758> (дата обращения: 24.04.2025).
4. Путин: РФ сталкивается с попытками влияния извне на самосознание нации // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/society/20120912/74857253.html> (дата обращения: 28.11.2017).
5. Примеры национального воспитания: США. Концепция патриотического воспитания в России: историческая память и гражданское самосознание. – М.: Институт национальной стратегии, 2014. – С. 16-25.
6. Мельникова Н. М. Патриотизм и Национализм глазами японской молодежи // Вестник Московского университета. – Сер. 12. – Политические науки. – 2019. – № 3. – С. 23–36.
7. Толстой Л. Н. Патриотизм или мир? – URL: <https://tolstoy.ru/creativity/journalismguide/172.php> (дата обращения: 24.04.2025).

REFERENCES

1. Patriotism. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of request: 24.04.2025)
2. Khrabrova A.A. English patriotism in the context of globalization // The value system of modern society. – URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/> (date of request: 24.04.2025).
3. Shadrin V.A., Belovolova S.P. "Patriotism as a socio-pedagogical phenomenon". – URL:// <https://elibrary.ru/item.asp?id=21684758> (date of request: 24.04.2025).
4. Putin: Russia is facing attempts to influence the nation's self-awareness from the outside // RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/society/20120912/74857253.html> (date of request: 28.11.2017).
5. Examples of national upbringing: USA. The concept of patriotic education in Russia: historical memory and civic Consciousness. Moscow: Institute of National Strategy, 2014. Pp.16-25.
6. Melnikova N.M. Patriotism and Nationalism through the eyes of Japanese youth // Bulletin of the Moscow University. – Ser. 12. – Political sciences. – 2019. – No. 3. – Pp. 23–36.

7. Leo Tolstoy. Patriotism or peace? – URL:
<https://tolstoy.ru/creativity/journalismguide/172.php> (date of request: 24.04.2025).

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_32-40

УДК 355.01

ВОЕННОЕ НАСИЛИЕ: ОСНОВНЫЕ АКЦЕНТЫ
MILITARY VIOLENCE: MAIN ACCENTS

Ксенофонтов В.А. , кандидат философских наук, доцент	Ksenofontov V.A. , PhD (Philosophy), Associate Professor
УО «Военная академия Республики Беларусь», Минск, Беларусь	Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Аннотация: В условиях усиления в международных отношениях военно-силового противоборства анализ его технологий является важнейшей задачей в целях обеспечения национальной безопасности. Показаны основные закономерности социального насилия и его крайней формы – военного конфликта. Рассмотрены аспекты гибридной и ментальной войны, а также нарастания невоенных форм противоборства в военной насиллии. В целях эффективного функционирования военной сферы национальной безопасности необходимо продолжить анализ тенденций международной, военно-политической обстановки, а также трансформации технологий ведения военного конфликта.

Abstract: In the conditions of increasing military-violent confrontation in international relations, the analysis of its technologies is the most important task in order to ensure national security. The basic regularities of social violence and its extreme form – military conflict – are shown. The aspects of hybrid and mental warfare, as well as the growth of non-military forms of confrontation in military violence are considered. For the purpose of effective functioning of the military sphere of national security it is necessary to continue analyzing the trends of international, military-political situation, as well as the transformation of technologies of military conflict.

Ключевые слова: Союзное государство, национальная безопасность, военная сфера национальной безопасности, военное насилие, военный конфликт, диалектика, национальные интересы, гибридная война, ментальная война, мировые отношения.

Keywords: Union State, national security, military sphere of national security, military violence, military conflict, dialectics, national interests, hybrid war, mental war, world relations.

Геополитические трансформации на рубеже XX-XXI вв., экономическая асимметрия в развитии государств планеты, порождаемые ей кризисы, разрушение биполярной модели мироустройства и изменение статуса многих стран привели мир не только к накалу всеобщей социальной напряженности и росту многочисленных противоречий между государствами и их коалициями, но и к нарастанию межгосударственного противоборства. Решение проблем национальной безопасности становится приоритетной задачей.

Современное мировое развитие, по мнению автора, характеризуется состоянием *мировоенных отношений*, под которыми понимается состояние социального бытия, условия развития государств, характер отношений между народами и государствами (коалициями государств), основывающихся на конфликтном взаимодействии, игнорировании национальных интересов одной из сторон, проведении внешней политики скрытыми и открытыми насильственными средствами, не переходя порог до прямого военного столкновения (вооруженной борьбы), основывающихся не на силе права, а на праве силы. Мирвоенные отношения могут переходить в военное насилие [5].

Доктор военных наук К.В. Сивков отмечает: «Гибридный характер противоборства на данном этапе начального периода дает основание выделить гибридным этап периода Третьей мировой войны» [8, с. 105]. Западная локальная человеческая цивилизация стремится навязать собственную систему ценностей другим субъектам международных отношений. Степень ее насильственных действий на оппонентов существенно возрастает. В целях обеспечения военной безопасности Беларуси и Союзного государства необходимо совершенствовать методологию военно-политического прогнозирования, учитывающей перспективы развития форм, способов, средств вооруженной борьбы и иных насильственных действий со стороны недружественных государств, динамику изменения комплекса противоречий, выявленных в результате анализа международных отношений, военно-политической, стратегической обстановки, а также социально-политической ситуации в стране. Существует вероятность попыток со стороны США и ряда государств Запада с опорой на силовую поддержку НАТО дестабилизировать белорусское и внутрироссийское социальное пространство, системно воздействовать на социально-политическую ситуацию в Союзном государстве.

Указанные особенности геополитической нестабильности требуют готовности военной сферы национальной безопасности (ВС НБ) противостоять рискам, вызовам и угрозам XXI в. ВС НБ как самостоятельный компонент общей системы национальной безопасности, является сложноорганизованным системным образованием, осуществляющим защиту в военном отношении социальной системы (государства), позволяющим функционировать остальным сферам системы национальной безопасности. Убеждены, что социально-философское осмысление диалектики военного насилия и ВС НБ поможет нам определить необходимые мероприятия по обеспечению мирного развития государства.

Важнейшим аспектом данного анализа является осмысление в социальном развитии места и роли насилия и его крайней формы – войны, которая, несмотря на все ее ужасы и последствия, органично вошла в ткань социального бытия. Если принять во внимание, что в текущем столетии в планетарном масштабе не было ни одного дня без военного насилия, то идея «вечного мира» пока выглядит утопично. Сегодня насчитывается около 55 вооруженных конфликтов.

В борьбе противоположностей (насилие – национальные интересы) важным фактором является понимание закономерностей социального насилия и его разновидности – военного конфликта. Это позволит определить уязвимые места в защите национальных интересов как стержневых в системе национальной безопасности и ее военной составляющей.

По нашему мнению, *основными закономерностями социального насилия* являются: возрастающая интенсивность насилия по мере развития человеческой цивилизации; использование насилием основных сфер человеческой жизнедеятельности (политической, экономической, социальной, духовной);

дальнейшее развитие и увеличение не прямых насильственных действий на личность, общество и государство;

перенос тяжести с военного на другие (невоенные) виды насилия (информационное, концентриальное, психологическое, моральное, культурное, образовательное, демографическое и т. п.);

«гибридизация» насилия, заключающаяся в комплексном использовании его различных технологий, а также системное воздействие на объект подчинения по наиболее уязвимым и слабо защищенным местам;

технологизация и сокрытие от непосредственного восприятия человеком насильственного воздействия (СМИ, реклама, социальные сети, технологии манипулирования и др.);

сложность распознавания и выявления, а порой невосприятие скрытого насильственного воздействия;

значительная сложность идентификации субъектов насильственных действий;

использование различных форм насилия для хаотизации социальных связей в интересах нарушения стабильности социальной системы с последующим ее реформатированием в интересах управляющего субъекта.

Наиболее масштабный вид социального насилия – военные конфликты и войны, имеющие собственные закономерности развития [11]. В условиях дальнейшего нарастания насилия и развития его форм особенно остро стоит вопрос о защите от насильственных проявлений в отношении отдельной личности, общества и государства. Иными словами, оборона (защита) от насильственных проявлений и сохранение государства является не только теоретической, но и практической проблемой.

Обратимся к словам Н.А. Бердяева: «Мы живем в насилиии, поскольку живем в физическом теле. Законы материального мира – законы насилия. Абсолютное отрицание насилия и войны возможно лишь, как явление глубоко индивидуальное, а не как норма и закон» [7, с. 293]. Поэтому мы должны глубоко разбираться в сущности насилия и различных его проявлений. Как отмечал В.С. Соловьев: «Организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира» [7, с. 33].

Напомним, что существует *закономерность* – по мере «взросления» общества количество военных конфликтов увеличивается. Следовательно, возрастают и требования к системам национальной безопасности и их военным компонентам. Под *ВС НБ* понимается *важнейший элемент национальной безопасности, обеспечивающий состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних военных угроз, гарантирующий ее устойчивое развитие*. Иными словами, это сфера социальной активности субъектов системы национальной безопасности, обеспечивающих защиту национальных

интересов Беларуси от реальных (перспективных) угроз в условиях военно-силового противоборства. ВС НБ имеет собственную структуру, особенности, закономерности и принципы функционирования. Она развивается вместе с обществом и его системой национальной безопасности, исходя из диалектики войны и безопасности социума.

Для понимания развития и содержания ВС НБ необходимо видеть в ней результат предшествовавшей эволюции войны во всем ее разнообразии, комплексности, многосторонности и объективной противоречивости. Военное дело возникло вместе с появлением человечества в интересах обеспечения его безопасности.

Центральный вопрос военно-философской мысли во все времена – это определение сущностного содержания войны, ее причин, связей с политикой, способов ведения, тенденций развития и избегания войны. Это обусловлено «борьбой» двух противоположностей как состояний общества: война и мир (состояние социальной безопасности). Для того чтобы среди двух противоположностей взяла верх желаемая вторая – мир, важно либо устранить первую (войну), либо окончательно ее ликвидировать из человеческой истории. В силу того, что полное исключение из социального бытия противоречий невозможно, а они, в свою очередь, часто разрешаются военным насилием, то рациональное поведение социального субъекта заключается в научном осмыслении военного насилия (войны) и путей защиты от него как невоенными, так и военными средствами.

Правомерно при анализе войны опираться на теорию К. Клаузевица. Без сомнения, в сущности, *война* – это политический акт, направленный на достижение определенной цели. Но абсолютизировать только политическую составляющую его учения не рационально. К. Клаузевиц пишет: «Война – это акт насилия, имеющий *целью заставить противника выполнить нашу волю* (курсив. – В.К.)» [4, с. 35], – таково одно из его определений войны. Поэтому, *война – это управление противником*. В случае несговорчивости или неуступчивости противоположной стороны применяется крайний аргумент – военная сила.

Современная война из классической или традиционной парадигмы, в которой сущностными признаками ее (войны) выступают политика и вооруженное насилие, трансформировалась в неклассическую, когда политические цели достигаются в основном силовыми невоенными средствами [10]. Идея управления противником с использованием механизмов дипломатической, политической, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой и военной сфер получила развитие в активно используемой западной коалицией против своих конкурентов теории и практике гибридного насилия и ментального противоборства. На наш взгляд, среди комплекса *закономерных тенденций* современного военного насилия явно выделяются *три* основные:

- а) широкое использование невоенных мер в военном противоборстве;
- б) гибридизация или комбинирование военного насилия с использованием различного инструментария силового принуждения и подавления;
- в) усиление ментальной составляющей воздействия на противника.

Важнейшей чертой современности является то, что мир как состояние общества в «чистом» виде уже не существует и становится, как и война «гибридным». Сегодня война –

это расширенное противоборство, которое может осуществляться «без выстрелов». Если нет прямой военной агрессии, то это не означает, что геополитический противник отказался от своих целей и не ведет комбинированное или системное воздействие на избранную страну-жертву. Иными словами, в противоборстве изменились средства (инструмент) насилия на объект воздействия (страна-жертва).

Активное использование в военно-политической практике гибридной и ментальной войны стратегами западной коалиции обусловлена комплексом *факторов*:

экономических (менее затратные в сравнении с непосредственным применением военной силы);

международно-правовых (сложность идентификации агрессора и невозможность привлечения его к ответственности);

международно-политических (уход непосредственного агрессора «в тень» с сохранением своего международного имиджа, но включением в насилие других «игроков» и реализацию прокси-войны);

демографических и внутривнутриполитических (сохранение своих военнослужащих и населения страны, сохранение политической поддержки власти собственным обществом);

духовно-интеллектуальных и военно-научных (выработка и апробация новых теоретических концепций в управлении, снижении потенциала противника, его подчинении и «обезглавливании»);

психологических и эгоистических интересов (уверенность в невозможности противника поменять статусные роли в управлении (доминировании), а также в нерегулируемом использовании его природных и материальных ресурсов) и др.

Важно помнить тезис, что *война* – это путь обмана (Сунь-Цзы, К. Клаузевиц). Война – это интеллектуальное противоборство, где одна противоположность стремится силой разума переиграть и овладеть другой. Важнейшее измерение современного военного насилия – это не только применение военной силы, а многоходовая высокоинтеллектуальная операция по демонтажу (хаотизации) противоположной стороны и подчинению ее своей воле с использованием широкого комплекса средств (невоенных и военных). Поэтому, кроме военной организации государства – основного средства военной политики, к современной войне должна быть готова вся социальная система (государство). Акцент в недопущении войны должен быть сделан на аналитику и интеллект, прогнозирование возможного военного конфликта, систему стратегического сдерживания агрессивных намерений потенциального противника. Данный тезис не отменяет наличия достаточной и высокотехнологичной военной силы для своевременного реагирования на агрессию.

В современном военном насилии радикально возрастает роль науки и системы образования, которые являются важнейшими мишенями в рамках ментальной войны (МВ).

Кратко рассмотрим выделенные основные особенности современного военного насилия. Методология гибридной войны (ГВ) достаточно основательно разработана. Среди авторов выделяются: А.А. Алаудинов, А.А. Бартош, С.М. Иншаков, К.В. Сивков, К.Н. Соколов, И.Н. Панарин и др. Так, член-корреспондент АВН А.А. Бартош разработал

теорию ГВ [1, 2]. С учетом доминирующей тенденции военного насилия – ГВ, обратимся к ее законам. Понимание законов и принципов гибридной войны, ведущейся как против России, так и против Беларуси (Союзного государства), позволит ВС НБ выстраивать систему защиты от гибридных угроз. А.А. Бартош выделяет девять законов ГВ:

1. Использования продажных местных элит в качестве важного инструмента ослабления и развала государства.
2. Формирования «серой зоны» как театра ГВ.
3. Отрицания факта ведения ГВ.
4. Многоферного сдерживания.
5. Скрытности применения против противника комплекса гибридных угроз.
6. Всеобъемлющего охвата территории государства при проведении операций ГВ.
7. Опережающего отражения при разработке стратегии ГВ.
8. Приоритетности операций по оказанию когнитивного разрушительного воздействия на сознание и психику людей.
9. Специфичности развития военной техносферы. Эти законы отражают специфику феномена ГВ, «стратегия которой строится на способности противника синхронизировать по месту, времени, видам и интенсивности использование рукотворных гибридных угроз против уязвимостей государства-жертвы на всей его территории» [2, с. 11].

Акцентируем внимание, что знание законов и принципов ГВ в военно-политической деятельности «могут послужить важными “опорными точками” при разработке вопросов теории и практики “вышей стратегии”» [2, с. 14], призванной обеспечить мирное развитие как России, так и Беларуси.

В рамках функционирования ВС НБ необходимым является определение перспективных моделей военных конфликтов. Обратим внимание на модель военного конфликта будущего, разработанную военным ученым А.В. Смолковым, включающую восемь этапов [9, с. 152].

Первый этап – подготовка благоприятных условий для начала агрессии.

Второй – введение в заблуждение и дезинформация политических лидеров и населения государства, подвергающегося агрессии. Использование информационных методов противоборства.

Третий – запугивание и подкуп высокопоставленных чиновников из администрации, армии, во многом определяющих политику государства, а также олигархической верхушки.

Четвертый – дестабилизация социальной обстановки в стране с активизацией подрывной (диверсионной) деятельности. Формирование вооруженных структур из радикально настроенной части населения.

Пятый – установление изоляции для ограничения помощи извне. Обращение сформированной оппозиции к руководству противостоящего государства якобы для стабилизации обстановки. Ввод контингента миротворческих сил. Широкое применение частных военных компаний и сил специальных операций во взаимодействии с отрядами вооруженной оппозиции.

Шестой – начало военных действий мобильными группировками экспедиционных сил с нанесением точечных ударов по ключевым (критически важным) объектам.

Седьмой – полномасштабное (или ограниченное) вторжение с применением ВС.

Восьмой – ликвидация оставшихся пунктов сопротивления, установление новой, лояльной к противостоящему государству власти. Как отмечает разработчик, «применение “гибридных” методов противоборства ведет к размыванию границ этапов. Отсутствует четко обозначенный начальный этап. Некоторых последующих этапов может вообще не быть, или они будут другими. Размыта граница, определяющая момент прекращения конфликта» [9, с. 83]. Разделяем вывод ученого, что военный конфликт будущего «будет представлять собой комбинацию с использованием силы оружия или без него (в разноплановом сочетании одного с другим) с единственной целью – заставить противника подчиниться той стороне, которая считает себя сильной» [9, с. 86].

Закономерной тенденцией военного насилия является существенное усиление ментального противоборства. Среди авторов, разрабатывающих данные проблемы можно выделить: А.М. Ильницкого, И.Н. Караваева, И.Ф. Кефели и др. На наш взгляд, *МВ – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида или социального образования является предметом замены или духовной оккупации.* Методологические основы МВ проанализированы автором в статье «Ментальная война и национальная безопасность» [6]. В целях обеспечения ментальной безопасности страны важно комплексно обосновать и сформировать необходимые силы и средства для успешного ведения МВ. Существует необходимость принятия Концепции ментальной безопасности государства как важнейшего условия сохранения мировоззренческого суверенитета.

Исходя из анализа современного межгосударственного противоборства и указанных нами основных направлений просматривается ведущая тенденция широкого использования невоенных мер в военном противоборстве для достижения политических целей войны. Соответственно, противостоять таким средствам насилия можно лишь с помощью невоенных средств с более высокими количественно-качественными показателями, способными «переиграть» и заблокировать противоположную сторону. Это касается не только техники и технологий, но и качества человеческого потенциала.

Уяснение технологий и законов ведения современной войны будет способствовать ее выявлению и рациональным управленческим решениям в ВС НБ на ранней стадии зарождения военного конфликта. В этой связи, кроме понимания смены парадигмы военного конфликта, важнейшее условие обеспечения военной безопасности страны – это прогнозирование возможностей его эскалации как элемент управленческой культуры [3].

Безусловно, ВС НБ как социальное образование, подвержена воздействию деструктивных проявлений военно-силового характера. Следовательно, в интересах недопущения ее дестабилизации и потери управляемости, все ее компоненты должны иметь разработанные алгоритмы (модели) поведения в случае проявления тех или иных силовых (невоенных и военных) действий. Причем они могут быть разработаны для различных вариантов: оптимистичный, реалистичный и пессимистичный. Такая аналитическая работа

должна быть выполнена в условиях мирного и стабильного развития общества. Полученные результаты научного прогнозирования, содержащие предполагаемые сценарии развития военно-политической ситуации и действия противоборствующих сторон, стоит апробировать в ходе различного рода тренировок (учений) с субъектами управления данной подсистемы.

Тенденции развития современных международных отношений и их военно-политической составляющей свидетельствуют, что в настоящее время ВС НБ выступает приоритетным направлением функционирования общей системы национальной безопасности. Ее состояние должно обеспечить гарантированную защиту интересов личности, общества, государства от военно-силовой агрессии в любых условиях военно-политической обстановки. Раз современная война касается всей нации и является тотальной и многосферной, то с точки зрения диалектики, такой же должна быть и система ее стратегического сдерживания и ведения в случае крайней необходимости.

Мир и международные отношения находятся в активной динамике, отражающейся на военно-политической и стратегической обстановке, что обязывает нас постоянно вскрывать противоречия нашим национальным интересам. Военное насилие радикально трансформировалось, наметилась закономерная тенденция невоенного или нетрадиционного насилия с акцентом на волю, сознание, мировоззрение и культуру человека. Это насилие способно решать геополитические задачи. Существует объективная необходимость дальнейшей разработки философии современной войны в контексте геополитики. Разработанная теория будет служить теоретико-методологической основой подготовки как ВС НБ, так и всей социальной системы к возможному военному насилию. Убеждены, что философия национальной и военной безопасности как состояние социума должна стать самостоятельным направлением исследования и разделом дисциплины «Социальная философия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартош А.А. Вопросы теории гибридной войны. – М.: Горячая линия – Телеком, 2022. – 324 с.
2. Бартош А.А. Законы и принципы гибридной войны // Военная мысль. – 2022. – № 10. – С. 6–14.
3. Кокошин А.А. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 88 с.
4. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. – М.: ИК «Логос: Междунар. академ. издат. компания «Наука», 1991. – 448 с.
5. Ксенофонтов В.А. Мирвоенные отношения как фактор социального бытия // Науч. тр. РИВШ. Философско-гуманитар. науки: сб. науч. ст. – Вып. 23 / Пред. редкол. В.А. Гайсенек. – Минск: РИВШ, 2024. – С. 57–66.
6. Ксенофонтов В.А. Ментальная война и национальная безопасность // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гумантар. наук. – 2022. – Т. 67. – № 4. – С. 351–364.

7. Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. – М.: Кучково поле, 2005. – 496 с.
8. Сивков К.В. Вероятный характер третьей мировой войны // Вестн. АВН. – 2022. – № 3 (80). – С. 102–109.
9. Смоловый А.В. Военные конфликты будущего // Вестн. АВН. – 2022. – № 3 (80). – С. 80–87.
10. Стригунов К.С. Современные неклассические войны: формы, методы, технологии / Под ред. проф. А.В. Манойло. – М.: Горячая линия – Телеком, 2024. – 244 с.
11. Тюшкевич С.А. О законах войны (вопросы военной теории и методологии). – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 352 с.

REFERENCES

1. Bartosh A.A. Issues of the theory of hybrid warfare. – М.: Goryachaya Liniya – Telekom, 2022. – 324 с.
2. Bartosh A.A. Laws and principles of hybrid warfare // Voen. mysl. – 2022. – № 10. – С. 6–14.
3. Kokoshin A.A. Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars. – М.: LENAND, 2021. – 88 с.
4. Clausewitz K. On War / per. from German. – Moscow: IC “Logos: International Academic Publishing Company “Nauka”, 1991. – 448 с.
5. Ksenofontov V.A. World relations as a factor of social being // Nauch. tr. RIVSH. Philosophical and humanitarian sciences: a collection of scientific articles. – Vyp. 23 / edited by V.A. Gaisenok. – Minsk: RIVSH, 2024. – С. 57–66.
6. Ksenofontov V.A. Mental warfare and national security // Vesti Nats. akad. nauk Belarusi. Ser. of Humanities. – 2022. – Т. 67., № 4. – С. 351–364.
7. Russian philosophers about war: F.M. Dostoevsky, V. Solovyov, N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubetskoy, S.L. Frank, V.F. Ern. – М.: Kuchkovo Pole, 2005. – 496 с.
8. Sivkov K.V. Probable character of the Third World War // Vestn. AVN. – 2022. – № 3 (80). – С. 102–109.
9. Smolovy A.V. Military conflicts of the future // Vestn. AVN. – 2022. – № 3 (80). – С. 80–87.
10. Strigunov K.S. Modern non-classical wars: forms, methods, technologies / Edited by Prof. A.V. Manoilo. – Moscow: Goryachaya Liniya – Telekom, 2024. – 244 с.
11. Tyushkevich S.A. On the laws of war (issues of military theory and methodology). – 2nd ed. revision and addendum. – Moscow: Prospect, 2018. – 352 с.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_41-46

УДК: 172.4

РОССИЯ В ПАРАДИГМЕ СЕТЕЦЕНТРИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
RUSSIA IN THE PARADIGM OF NETWORK-CENTRIC WARFARE

Полеводов Г.В., соискатель, член Русского философского общества.
г. Донецк, Россия

Polevodov G.V., соискатель, член Русского философского общества.
г. Донецк, Russia

Аннотация: В статье определяется основная философская и концептуальная проблематика отношения России, как государства к парадигме сетецентрической войны. Определяется ряд эвентуальных вызовов в рамках современного вооруженного и гуманитарного конфликта и пути их решения, применительно к концепции Русского мира.

Ключевые слова: сетецентрическая война, Русский мир, боевые действия, гуманитарный конфликт, вероятные угрозы.

Abstract: The article defines the main philosophical and conceptual issues of Russia's attitude as a state to the paradigm of Network-centric warfare. A number of eventual challenges within the framework of the modern armed and humanitarian conflict and ways to solve them, in relation to the concept of the Russian world, are identified.

Key words: network-centric warfare, Russian world, military operations, humanitarian conflict, possible threats.

Современный вооруженный конфликт, который развивается на Украине с 2014 г., относится к парадигме сетецентрической войны или Network-centric Warfare (NCW) [4]. Концептуально такая война имеет целый ряд качественных признаков, детерминирующих процессы на поле боя. Среди них: высокая интенсивность – ситуация для противника меняется с очень большой скоростью. В этом случае штабы теряют ситуационную осведомленность и возможность принимать оперативно-стратегические решения. Действия боевых систем, видов и родов войск происходят в едином «цифровом поле боя». Применяются «асимметричные» виды вооружения. Широко используются информационные технологии [8]. Концепция сетецентрической войны – NCW сформировалась с дальнейшей целью повышения эффективности действий различных видов и родов войск в условиях их массированного применения на едином поле боя.

С формированием сетецентрической концепции боевых действий сам феномен войны абсолютизировался на новой ступени цивилизационного развития. В более масштабном смысле геополитики концепцию сетецентрической войны можно описать как совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей. Нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризисного состояния или войны» [141].

Во-первых, феномен NCW вобрал в себя весь опыт войн предыдущих социально-политических процессов и исторических периодов развития человечества.

Во-вторых, с накоплением этого опыта как информационного массива в потоке времени произошла диалектическая трансформация количества в новое качество ведения боевых действий.

В-третьих, если ранее переход к качественно новому виду противостояния сводился к превосходству одной стороны конфликта над другой, то на сегодняшний день мы наблюдаем всеобщность доктринального сетцентрического подхода к ведению боевых действий. В предыдущие исторические периоды в войнах каждая последующая концепция ведения боевых действий являлась своего рода качественным ответом на ранее разработанную стратегию. Но на сегодняшний день концепция NCW объединяет все известные доктрины и стратегии ведения войн на качественно-новом уровне.

В отношении доктрины NCW в России сложилась парадоксальная ситуация.

С другой стороны, нет понимания общей парадигмы NCW как важнейшего элемента современной реальности применительно к феноменам войны и мира. «Власти необходимо совершить колоссальное интеллектуальное усилие, поскольку сетевые войны, их практика. Их стратегия, их тактика, их методология основана на серьезном философском понимании процессов, протекающих в современном мире», – пишет А. Дугин в работе «Русская война» [3, с. 247]. По мнению философа, Россия не готова к ведению именно сетцентрической войны во всем ее многообразии форм и методов.

В этом отношении русский философ, с присущим ему гражданским мужеством, как и за 100 лет до него – другой русский философ, Н. Бердяев, обозначил острую и актуальную проблему неготовности России к ведению войны. Мыслитель Н. Бердяев утверждал подобное с точки зрения своего времени и той социально-политической и социокультурной парадигмы, которая сформировалась в Российской Империи накануне Первой Мировой войны [1]. Мыслитель А. Дугин утверждает о неготовности России к ведению сетцентрической войны накануне более глобальной перестановки сил во всем мире, которая сформирует будущее человечества на ближайшие, как минимум, полтора столетия. Более того, отметим еще одну важную особенность парадигмы сетцентризма: сколь бы ни были стремительными военно-политические и социокультурные изменения в эпоху NCW, их последствия ощущаются на протяжении более длительного исторического периода развития человечества.

Однако, несмотря на неготовность отдельных государственных институтов страны, президент РФ В. Путин вступил в сетцентрическое противостояние с Западом, причем само это противостояние оказалось предопределено самой изменившейся конъюнктурой мировой политики. «Годы правления Путина были арьергардными боями против тех сетей, которые сложились в 80-х и особенно 90-х. Это была гигантская контрразведывательная операция, направленная на оборону», – считает А. Дугин [3, с. 251].

Однако США с помощью финансово-экономических механизмов поддержки различных националистических движений открыли окно Овертона. Как следствие, Россия, которая полагалась на формальные политические договоры, оказалась не готова к такому

асимметричному политическому и социокультурному давлению. У нашей страны на тот момент просто не оказалось подобных американским рычагов влияния на стремительно меняющуюся социально-политическую и социокультурную ситуацию внутри Украины. «Провал России и пророссийских сил на Украине был предопределен до начала всей ситуации, так как между собой столкнулись силы совершенно несимметричные – индустриальные технологии против информационных (постиндустриальных)», – пишет А. Дугин [3, с 252].

С мировоззренческой точки зрения в этом аспекте следует обратить внимание на осознание морально-этической стороны вопроса, что, на наш взгляд, также входит в круг задач философии. Недопустимость страданий людей, угрозы их жизни и здоровью и являются тем детерминирующим фактором проведения СВО на территории Украины. Подобная детерминанта не может вызывать сомнений с точки зрения концепции справедливой войны, сформулированной в мировой философии.

Однако, на наш взгляд, развитию концепции сетецентрической войны в России не хватает философского осмысления и выработки собственной глобальной доктрины. По сути, в масштабных военных конфликтах ВС РФ способны вести лишь боевые действия по концепции схожие с Remote Warfare, то есть «дистанционной войны». На предшествующем уровне вооруженного конфликта – хоть и с разветвленной и весьма обширной системой применения технологий, а также форм и методов, характерных для парадигмы NCW. В этом контексте необходимо отметить, что и в направлении рефлексии над мировоззренческой проблематикой сетецентрической концепции работа русской философской мысли продолжается.

В то же время объективности ради необходимо осветить и еще один немаловажный нюанс. Рассуждая о сетецентрической парадигме современной войны многие, особенно западные философы и военные аналитики, слишком увлекаются «датацентричностью» современных конфликтов, воспринимая их, следуя терминологии З. Бжезинского, как игру на «глобальной шахматной доске» [2]. Но все же война в своем онтологическом статусе продолжает оставаться антропоцентричной – то есть, направленной все же на силовое воздействие, прежде всего, на человека. В этом отношении уместно помнить, что украинское контрнаступление в Запорожской и Херсонской областях летом 2023 г. остановили эшелонированные полевые укрепления. Так называемая «Линия Суровикина».

Но все же – в излишней приверженности к «дистанционным» методам ведения войны прослеживается и мировоззренческое отношение западной мысли – как к спорту или состязанию. В то время как русскому воину присуще воспринимать войну, как тяжелую, грязную и кровавую, но необходимую работу. Семантически это выражается в таком устоявшемся выражении в русском языке, как «ратный труд». На наш взгляд, именно отношение к войне, как труду и является одной из характерных детерминант русского мировоззрения. Соответственно, и русская доктрина NCW должна учитывать этот аспект.

Что же касается сетецентризма как геополитической, общемировой парадигмы, то в этом отношении в России ведется с некоторых пор довольно серьезная работа. Помимо трудов А. Дугина, стоит упомянуть работы таких известных русских политологов и философов, как

Т. Сергейцев, Д. Куликов и П. Мостовой и их коллективный научный труд «Идеология русской государственности» [6]. А также другие работы: «Мировой кризис. Восток и Запад в новом веке», «Запад – Россия: тысячелетняя война», «Судьба империи», [5]. Такие философские и политологические работы современных актуальных авторов, несомненно, необходимы. Например, в книге «Судьба империи» проведен глубокий, и вместе с тем понятный широкой аудитории философско-экономический анализ роли нашей страны в глобальном и стремительно меняющемся мире. Переосмысливается новейшая история России в 2000-х гг., а также, что важно, даются практические рекомендации в преодолении кризисов.

Отметим, что и сейчас российское общество, несмотря на ряд позитивных перемен, испытывает влияние последствий западной либеральной экспансии, которое особенно значимым стало еще в эпоху заката СССР, во второй половине 1980-х гг. Либеральная экспансия США и стран Запада еще более усилилась на протяжении 1990 – 2000-х гг. Только с недавнего времени мы принялись переосмысливать произошедшую, по словам В. Путина, «геополитическую катастрофу», связанную с распадом СССР и последующими событиями.

Более того, стоит отметить, что Россия уже существует в парадигме сетецентризма, и свои действия руководство страны и наше общество в целом должны соотносить с современными социально-политическими, культурными и экономическими реалиями.

Построение концепции Русского мира как универсального поля смысла и наднационального проекта стало определенным ответом на экзистенциальные вызовы быстро меняющихся геополитических условий. И в этом отношении стоит обратить внимание на опыт наших геополитических соперников.

Более того, если мы допускаем, что в сетецентрической парадигме важна не столько опора на ресурсы, промышленность или территорию, сколько способность государства к адаптации в быстро меняющихся условиях внешней и внутренней политики – именно поэтому необходимо повышать эффективность самого общества. Но это означает не отказ от традиционных ценностей, но использование всего гуманитарного, научного и мировоззренческого потенциала для качественно новых изменений. Судя по всему, России такие качественные перемены вполне по силам – именно потому, что мы формируем свою уникальную концептуальную модель Русского мира.

Современная парадигма сетецентризма показывает, что эффективность государственной системы также детерминирована возможностями быстрой адаптации к быстро меняющимся факторам внешней и внутренней политики.

Таким примером адаптации и гибкости России стало создание и расширение международного союза БРИКС. Состоявшийся 22 октября 2020 г. XVI-й саммит этой организации при участии генсека ООН А. Гутерриша только подтвердил исключительную важность геополитического союза. На сегодняшний день в него входят Бразилия, Россия, Китай, Южная Африка, Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия. После окончания XVI-го саммита в Казани еще 13 государств получили статус «Страна-партнер БРИКС+». Среди них: Алжир, Белоруссия, Казахстан, Турция, Куба. То есть в БРИКС входят не только ведущие экономики мира, но и перспективные с точки зрения темпов экономического развития страны.

Более того, именно на полях XVI саммита БРИКС в Казани 22-24 октября 2024 г. председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Наредра Модии впервые за пять лет провели совместные переговоры и обсудили территориальный спор вокруг Тибета. Учитывая, что сам по себе предмет конфликта восходит еще к колониальным временам британского владычества в Индии [7].

Подобная тенденция к объединению и решению сообща актуальных общественно-политических, культурных, финансово-экономических вопросов является несомненной победой России. И основана эта победа на формировании качественно нового мировоззрения, которое учитывает стремительно меняющиеся геополитические реалии, но при этом основывается на многовековом прочном фундаменте русской философской мысли и исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: АСТ, 2023. – 382 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска / Пер. с англ. О. Уральской. – М.: АСТ, 2023. – 384 с.
3. Дугин А.Г. Русская война / Под ред. В.М. Коровина. – М.: Родина, 2024. – 272 с.
4. Полеводов Г.В. Сетевая война в аспекте философской пропедевтики. // Вестник Донецкого национального университета. – Серия Б: Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С. 74-79.
5. Куликов Д., Сергейцев Т., Валитов И. Судьба империи. Русский взгляд на европейскую цивилизацию. – М.: Издательство «Э», 2016. – 480 с.
6. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. – СПб.: Питер, 2020. – 688 с.
7. РИА Новости: Китай и Индия сделали России главный подарок в Казани. – URL: <https://ria.ru/20241024/briks-1979677687.html> (дата обращения: 12.12.2024).
8. Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-centric Warfare: Its Origin and Future. Proceedings, January 1998 // US Naval Institute. – URL: <http://www.usni.org/magazines/proceedings/1998-01/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (date of application: 15.08.2022).

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. The Fate of Russia. – Moscow : AST, 2023. – 382 p.
2. Brzezinski Z. The Great Chessboard / Translated from English by O. Uralskaya. – Moscow : AST, 2023. – 384 p.
3. Dugin A.G. The Russian War / Edited by V.M. Korovin. – Moscow : Rodina, 2024, – 272 p.
4. Polevodov G.V. Network-centric warfare in the aspect of philosophical propaedeutics // Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities. – 2023. – No. 1. – Pp. 74-79.

5. Kulikov D., Sergeitsev T., Valitov I. The Fate of the Empire. The Russian view of European Civilization. – Moscow : Publishing house "E", 2016. – 480 p.
6. Sergeitsev T. Kulikov D., Mostovoy P. Ideology of Russian Statehood, the Continent of Russia. – St. Petersburg : Peter, 2020. – 688 p.
7. RIA Novosti: China and India gave Russia the main gift in Kazan. – URL: <https://ria.ru/20241024/briks-1979677687.html> (date of request: 12.12.2024).
8. Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-centric Warfare: Its Origin and Future. Proceedings, January 1998 // US Naval Institute. – URL: <http://www.usni.org/magazines/proceedings/1998-01/network-centric-warfare-its-origin-and-future> (date of application: 15.08.2022).

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_47-50

УДК 172.15

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. ИЛЬИНА
THE THEME OF PATRIOTISM IN THE WORKS OF I.A. ILYIN

Панова Н.А., кандидат философских наук,
доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный аграрный университет им. императора
Петра I», Воронеж, Россия

Panova N.A., Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor
Voronezh State Agrarian University named after
Emperor Peter I, Voronezh, Russia

Аннотация: В статье представлен анализ идей русского философа И.А. Ильина о патриотизме. Патриотизм рассматривается русским мыслителем, прежде всего, в контексте духовного опыта. В этом ключе, он связывал такие понятия как – родина, национальная идентичность, служение и др. Анализ духовных причин патриотизма позволяет выстроить воспитание патриотических чувств, уважение к ценностям своего народа, к памяти о культурном прошлом страны, а также решать другие задачи общественного развития.

Abstract: The article presents an analysis of the ideas of the Russian philosopher I.A. Ilyin about patriotism. Patriotism is considered by the Russian thinker primarily in the context of spiritual experience. In this vein, he connected such concepts as homeland, national identity, ministry, etc. The analysis of the spiritual causes of patriotism allows us to build the education of patriotic feelings, respect for the values of our people, for the memory of the cultural past of the country, as well as to solve other tasks of social development.

Ключевые слова: патриотизм, духовный опыт, национальная идентичность, русская философия, духовные ценности, родина

Keywords: patriotism, spiritual experience, national identity, Russian philosophy, spiritual values, homeland.

Иван Александрович Ильин (1883-1954) – русский философ, общественный деятель и писатель, чьи идеи о патриотизме остаются актуальными и сегодня. Ильин, эмигрировавший после Октябрьской революции, продолжал разрабатывать свои взгляды на судьбу России, национальную идентичность и патриотизм, что сделало его одной из ключевых фигур русской философской традиции XX в.

Творчество Ильина включает множество эссе, статей и философских трактатов, где он обсуждает вопросы патриотизма и любви к родине. Как отмечает исследователь Е.В. Мочалов, Ильина с полным правом можно назвать философом патриотизма всего «Русского зарубежья» первой половины 20 века. [4, с. 3]. Одним из ярких произведений мыслителя является работа «Путь духовного обновления». Автор констатирует в ней, что патриотизм вырастает из

эмпирических условий земного существования и разделения человечества на территориальные, языковые, национальные общности. Однако проживать на территории государства, в котором родился, не означает автоматически обрести Родину и быть патриотом. Обретение Отечества предполагает процесс духовного самоопределения как следствие самопознания и добровольного решения. Это осмысленный выбор и проживание душой всех событий не только своей жизни, но и судьбы своего народа. По словам философа, если человек никогда не ощущал сердцем, что для него Родина, с ним бесполезно беседовать на подобные темы [1, с. 218]. И все другие мотивы патриотических порывов, такие как самосохранение и взаимная оборона не могут достичь своей цели и быть верно реализованы, если они не направлены более глубокими духовными смыслами.

Если чувство патриотизма не осмыслено духовным поиском человека, то временами вспыхивающие патриотические порывы, основанные на привычке жить в определенной местности и с определенным укладом жизни, ведут к слепому, а иногда и агрессивному противостоянию с другими народами, проявляясь как национализм и шовинизм. Философ называет такой патриотизм «слепо-инстинктивным» и предлагает альтернативный «духовный» патриотизм. Патриотизм всегда инстинктивен, по мнению автора, но не всегда духовен.

Можно удивляться тому, насколько актуально звучат сегодня цитаты русского философа: «... ныне пришло время, когда человечество особо нуждается в духовно-осмысленном и христиански-облагороженном патриотизме, который совмещал бы страстную любовь и жертвенность с мудрым трезвением и чувством меры, – ибо только такой патриотизм сумеет разрешить целый ряд ответственных проблем, стоящих перед современным человечеством» [1, с. 219].

Ильин утверждал, что родина – это «духовная категория», которая формирует личность человека. Он поднимал вопрос о том, что именно через любовь к родине человек может найти свое место в мире и осознать свою принадлежность к чему-то большему. Любить родину, подчеркивал мыслитель, значит любить то, что достойно любви. Для того, чтобы определить, найти это достойное, человеку нужно произвести внутри себя духовную работу по самосозиданию, самому устремиться к своему духу, обрести духовный стержень, найти «ключ к своему духу». Тот человек, кто испытывает неопределенность в вопросах патриотизма, должен задуматься о своем духовном самоопределении и развитии. Истинный патриотизм видит духовные свершения своего народа, ценит то величие Родины, которое веками формировалось национальным самосознанием народа и его трудовыми усилиями. Подобное видение духовного величия своего народа, позволит видеть достойное и у других народов. Таким образом, подлинный патриотизм, по Ильину, имеющий духовные основания ведет к уважению и сотрудничеству между народами, а не распрям и противостоянию [6, с. 215]. Любовь к духовным достижениям других народов несколько не мешает любить свою родину. Чем более человек способен постигать духовную жизнь своего народа, тем более он способен постигать общечеловеческие ценности. Такова взаимосвязь национального и общечеловеческого в патриотизме.

Основной причиной, которая, по мнению И.А. Ильина, ведет к утрате истинного чувства патриотизма, есть бессердечность жизни. Он отмечал, что современное человечество создает свою культуру «неверным внутренним актом», исключив из нее совесть, веру и сердце. Люди воспринимают друг друга больше из ума, воли, но стыдятся добрых и сердечных чувств, теряя духовную связь друг с другом, заменяя ее «рядомжительством», которое по любому поводу может перерасти во «взаимное нападение» [2, с. 296]. И вот здесь Ильин предлагал осознать отличие человека от всех других существ, которое коренится в его духе. Он определяет «дух» как способность к «благовому и ответственному служению» из ощущения «предстояния чему-то Высшему и Священному» [2, с. 300]. Без этого нет культуры и собственно, нет самого человека. Человек освобождается из эмпирической природной обусловленности своим прорывом к духу, через создание новых ценностей в творческом делании. Такая трактовка «духа» и духовной жизни является у И.А. Ильина критерием для понимания многих процессов и явлений человеческой жизни и общества. Духовная связь между людьми может быть крепче любых других социальных связей [5, с. 88]. Самое глубокое единение люди проживают в «созерцании единого Бога», и истинный патриотизм, по мнению философа, также приближается к такому единству. Только духом человек может преодолеть инстинкт самосохранения и служить своему Отечеству, обнаруживая в нем Большее и Высшее для себя, только через осознанный духовный выбор человек может жертвовать своей жизнью и спасать других. Чувство любви к родине обретается в духовном единстве со своим народом в творческом служении и понимании своей ответственности.

Также Ильин часто обращается к образу России как «земли святой», подчеркивая ее уникальность и значимость для мировой культуры. В произведениях Ильина Россия предстает как живая сущность, обладающая своей душой и характером: «есть патриотизм, исходящий от религиозного и нравственного облика родного края, от его духовной красоты и гармонии» [1, с. 223]. Он использует богатый язык и метафоры, чтобы передать глубину своих чувств. Россия для него – это не просто страна, а символ духовной силы и надежды. При этом, он не идеализирует Россию и ее народ, а показывает те условия, которыми наделена она от Бога, которые способствуют ее дальнейшему развитию, наряду с другими народами и странами, имеющих собственную миссию. Понимание любви к родине как духовного единства стало основой философии Ильина.

Таким образом, важно отметить, что понимание патриотизма в творческом наследии русского философа тесно взаимосвязано с пониманием человека как духовного существа, как творения Бога, призванного к благовому творческому проявлению любви, созидания, взаимного служения. Понятие любви к Родине являлось для Ильина свидетельством и критерием духовного служения Богу. Патриотизм может жить лишь в душе того человека, у которого есть в душе место священному. Ценность Родины заключаются по Ильину не столько в самой территории, природе, хозяйстве или организации общества, сколько в духовной жизни народа. Это то, ради чего можно бороться, идти на смерть, что достойно почитания и сохранения. В духовной жизни своего народа русский философ видел живое служение Богу, которое оправдано само по себе и которое для всех других народов также ценно и священо. Такая

великая миссия требует от человека ответственности и разумного выбора, а главное, духовной зрелости, возрождения духовного опыта и духовной жизни, во многом утраченного в современном мире.

Любить свой народ, свое Отечество, свою историю означало проделать огромную внутреннюю работу по созиданию своей духовной жизни, через призму которой можно понять и своеобразие своей страны, и ее место в мировом целом. Стать участником этого процесса и значит проявить патриотические чувства, это и значит быть патриотом своего государства. Патриот любит родину не потому, что она уникальная или особенная, а потому что она великая своими духовными достижениями, которые ценны для всего человечества. Для современного человека идеи И.А. Ильина могут помочь разобраться во многих процессах общественной жизни и получить «ключи» понимания как национальных, так и общечеловеческих ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления. // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: «Республика». – 1993. – С. 134-290.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: «Республика». – 1993. – С. 290-404.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. – М. 1994. – Т. 4. – С. 321.
4. Мочалов Е.В. Патриотические идеи в творчестве И.А. Ильина // Социально-политические науки. – 2016. – № 3. – С. 1-4.
5. Панова Н.А. Роль интуиции в морали: Диссертация на соискание уч. ст. кандидата филос. наук. – Воронеж, Изд-во ВГЛТА, 2005. – 146 с.
6. Федорова Е. В. Проблема национализма и патриотизма в творчестве И.А. Ильина и ее актуальность в современной России // Вестник МГУ. – 2015. – № 4. – С. 210-218.

REFERENCE

1. Ilyin I. A. The path of spiritual renewal // I. A. Ilyin. The path to evidence. – М.: "Republic". – 1993. – Pp. 134-290.
2. Ilyin I. A. The path to evidence // I. A. Ilyin The path to evidence. – М.: "Republic". – 1993. – Pp. 290-404.
3. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness // I.A. Ilyin. Collected works in 10 volumes. – Moscow, 1994. – Vol. 4 – p. 321.
4. Mochalov E.V. Patriotic ideas in the works of I. A. Ilyin // Socio-political sciences. – 2016. – No. 3. – Pp. 1-4.
5. Panova N.A. The role of intuition in morality// Dissertations. For the application of the academic degree of the candidate of Philos. sciences'. Voronezh, VGLTA Publishing House, 2005, 146 p.
6. Fedorova E.V. The problem of nationalism and patriotism in the works of I. A. Ilyin and its relevance in modern Russia. // Bulletin of Moscow State University. – 2015 – No. 4 – pp. 210-218.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_51-53

УДК 39

**ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ХАРАКТЕРА
В ТВОРЧЕСТВЕ Н. БЕРДЯЕВА
THE PECULIARITIES OF THE RUSSIAN CHARACTER
IN N. BERDYAEV'S WORKS**

Арасланова С.С., кандидат культурологии,
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Araslanova S.S., candidate of Cultural
Studies, Senior lecturer,
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье осуществляется анализ взглядов Николая Бердяева на особенности национального характера и менталитета русского народа. Исследование данной темы позволяет глубже понять сущность национального самосознания русского народа, выявить его уникальные черты и особенности.

Abstract: The article analyzes the views of Nikolai Berdyaev on the peculiarities of the national character and mentality of the Russian people. The study of this topic allows us to understand more deeply the essence of the national identity of the Russian people, to identify its unique features and characteristics.

Ключевые слова: Русский национальный характер, менталитет, нация, этнос, самобытность, Бердяев.

Keywords: Russian national character, mentality, nation, ethnos, originality, Berdyaev.

В условиях активного межкультурного взаимодействия в современном обществе всё острее встают вопросы об особенностях национального характера. Под национальным характером подразумевают наиболее общие черты восприятия окружающего мира, менталитет, поведенческие шаблоны, которые отличают одни народы от других. Национальный характер формируется под влиянием истории, географии, культуры народа. Национальный характер выражается в разных сферах жизни: семье, работе, общественной деятельности, межличностных отношениях, а также в эмоционально-чувственных проявлениях, настроениях, скорости реакций на происходящие события.

Тема русского характера представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных проблем в творчестве отечественного философа Николая Бердяева [1-4].

Главная особенность России, согласно мнению Н. Бердяева, проявилась из-за её географического положения. Россия, находясь на стыке Востока и Запада, объединила в себе

черты восточной и европейской культуры, что проявилось в антиномичности, противоречивости характера русского народа.

Н. Бердяев выделяет два противоположных начала русского характера. С одной стороны, русский менталитет обладает природным, языческим, женским дионисическим началом. С другой, в нём ярко проявляется аскетически-монашеское православие, мужественность. «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь, поистине Христова любовь, сочетаются с человеконенавистничеством и жёсткостью. Жажда абсолютной свободы во Христе мирится с рабьей покорностью» [1, с. 43]. Русский характер одновременно сочетает в себе такие качества, как мягкость и деспотизм, открытость к внешнему миру и замкнутость, религиозность и стремление к личной свободе, анархизм и индивидуализм, вольность и безличный коллективизм, твёрдость и обостренное сознание личности. Пересечение между двух восточной и западной культурами обусловило поляризованность русского характера, его апокалипсичность, нигилизм, которые в свою очередь, порождают излишнюю поспешность, суетливость в поступках.

Бескрайность территорий России отразилась на широте русской души, а также на отсутствии чувства меры у русского народа, в его способности легко впадать в крайности, в желании «хватать через край», в бездумном риске, но также и в высокой силе духа и стойкости. Особенно ярко данные качества проявились в периоды экстремальных ситуаций. Исторические примеры, такие как Первая Мировая война, Великая Отечественная война, свидетельствуют о способности русского народа демонстрировать высокую степень духовной стойкости в условиях, требующих максимальной концентрации и самоотдачи. Самоотверженность и готовность к самопожертвованию наиболее ярко проявляется в контексте военных действий, когда люди готовы жертвовать своими интересами ради благополучия других. Примером могут служить многочисленные подвиги героев, русских бойцов, выполняющих свой долг перед Родиной.

Смыслообразующей чертой русского характера по мнению Н. Бердяева является его религиозность. Православие сформировало лучшие черты национального характера, такие как: бескорыстие, доверчивость, открытость. Когда речь заходит о России, то часто можно услышать выражение «Святая Русь». Это означает, что Россия – страна, которая исторически ориентирована на духовную жизнь, придерживается традиционных ценностей и опирается на православные устои.

Семья играет ключевую роль в формировании национального характера русского народа. Родители проявляют готовность к пониманию и принятию своих детей, даже в условиях, когда последние сталкиваются с серьёзными жизненными трудностями. Русские люди традиционно демонстрируют верность и преданность принципам, высокую степень лояльности к своим близким.

В условиях современной трансформации ценностных ориентиров русский характер сохраняет свои базовые характеристики. Люди по-прежнему проявляют способность к глубоким эмоциональным переживаниям, готовность оказывать помощь окружающим,

умение мобилизовать внутренние ресурсы в кризисных ситуациях, верность своим принципам и семейным узам.

Русский характер представляет собой сложное и многогранное явление, проявляющееся в различных аспектах социальной и личной жизни. Она характеризуется удивительной глубиной, способностью к внутренним противоречиям, антиномичностью.

Его ключевые характеристики включают силу духа, стойкость, готовность к самопожертвованию, а также приверженность семейным ценностям и традициям. Эти черты формируют основу национального самосознания и способствуют успешному преодолению жизненных трудностей. В современных условиях данные качества продолжают играть важную роль в формировании поведенческих моделей и сохранении культурной идентичности русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб.: Азбука-классик, 2008. – 320 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Книга, 1992. – 446 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Философское общество, 1990. – 251 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism. – M.: Science, 1990. – 224 p.
2. Berdyaev N.A. Russian idea. – Saint Peterburg: Azbuka-klassic, 2008. – 320 p.
3. Berdyaev N.A. Self-knowledge. (An attempt at philosophical autobiography). – M.: Book, 1992. – 446 p.
4. Berdyaev N.A. Fate of Russia. – M.: Philosophical society, 1990. – 251 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_54-58

УДК 130.2

**ВОЙНА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА**

**WAR AS AN EXISTENTIAL PHENOMENON: AN ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS
OF NIKOLAI BERDYAEV'S VIEWS**

Удалых Е.Ю., кандидат философских наук, преподаватель Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия.

Udalykh E.Yu., PhD in Philosophical sciences Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh), Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу философских взглядов Николая Бердяева на природу войны. Рассматривается интерпретация войны как метафизического феномена, связанного со свободой человека, проблемой зла и историческим процессом. Н. Бердяев отвергает упрощенные трактовки войны как исключительно политического или социального явления, предлагая вместо этого глубокий экзистенциально-религиозный анализ. В работе исследуются ключевые аспекты его философии: война в контексте истории, ее связь с духовным преображением. Особое внимание уделено актуальности идей Н. Бердяева для понимания современных конфликтов.

Ключевые слова: Н. Бердяев, философия войны, метафизика зла, свобода, историсофия, духовное преображение, современные конфликты, персонализм.

Annotation. The article is devoted to the analysis of Nikolai Berdyaev's philosophical views on the nature of war. The interpretation of war as a metaphysical phenomenon related to human freedom, the problem of evil and the historical process is considered. N. Berdyaev rejects simplified interpretations of war as an exclusively political or social phenomenon, offering instead a deep existential-religious analysis. The work explores key aspects of his philosophy: war in the context of history, its connection with spiritual transformation. Special attention is paid to the relevance of N. Berdyaev's ideas for understanding modern conflicts.

Keywords: N. Berdyaev, philosophy of war, metaphysics of evil, freedom, historiosophy, spiritual transformation, modern conflicts, personalism.

Война сопровождает человечество на протяжении всей его истории, оставаясь одним из самых трагических феноменов. Она разрушает цивилизации, меняет судьбы народов и в то же время заставляет человека задуматься о предельных вопросах бытия: о природе зла, смысле

страдания, свободе и смерти. Война – это не только политическое или экономическое явление, но и глубокий экзистенциальный кризис, раскрывающий метафизическую сущность человека.

Русский философ Николай Александрович Бердяев (1874-1948) – один из самых значительных русских философов XX века, чьи работы охватывают широкий спектр тем: от метафизики свободы до философии истории и этики. Особое место в его творчестве занимает осмысление войны как феномена человеческого бытия. Бердяев рассматривал войну не только как социально-политическое явление, но и как духовную проблему, связанную с вопросами смысла истории, свободы, зла и искупления, как проявление фундаментальных противоречий человеческого существования. Его экзистенциально-персоналистический подход позволяет увидеть в войне не только разрушение, но и своеобразный вызов, заставляющий человека переосмыслить свою природу и место в истории.

Цель данной статьи – провести антропологический анализ взглядов Н. Бердяева на войну как экзистенциальный феномен, уделяя особое внимание его пониманию свободы, трагедии истории и духовного преодоления насилия. Автор обращается к его основным работам, таким как «Смысл истории», «Философия неравенства», «О назначении человека» и другим, чтобы раскрыть его понимание войны как трагедии, испытания и, возможно, пути к преодолению кризиса современной цивилизации.

Н. Бердяев считал, что корни войны лежат не только в экономических или политических противоречиях, но в самой природе человеческой свободы. В работе «Философия свободного духа» он утверждает, что свобода изначально двойственна: она может вести как к творчеству и добру, так и к разрушению и злу. Война, с этой точки зрения, – следствие искаженной свободы, ее падшее состояние. Однако даже в этом состоянии она остается знаком человеческой способности к трансценденции, к выходу за пределы обыденности [3]. Таким образом, война – не просто социальная катастрофа, но экзистенциальный вызов, заставляющий человека задуматься о своей природе.

Н. Бердяев отвергает идею неуклонного исторического прогресса, характерную для философии Просвещения, гегельянства и марксизма. В отличие от этих концепций, он видит историю как драму свободы – противоречивый и нелинейный процесс, в котором сочетаются творческие взлеты и катастрофические падения. Война играет роль катастрофического, но неизбежного момента. В «Смысле истории» он пишет, что история движется не линейно, а через катастрофы, которые обнажают ее противоречия. Война, с его точки зрения, – это не случайное отклонение от разумного пути развития, а неизбежное следствие греховной природы мира. Он пишет, что война является раскрытием внутренних противоречий исторического бытия, которые не могут быть разрешены чисто рациональными средствами. Война, по Н. Бердяеву, – это не просто столкновение народов, но столкновение метафизических сил: добра и зла, духа и механистической цивилизации. Она выявляет ложные ценности, развенчивает идолов прогресса и заставляя человека искать подлинный смысл существования [2].

Таким образом, война – не только трагический, но неизбежный элемент исторического процесса. Н. Бердяев видел в ней не только разрушение, но и возможность духовного

пробуждения нации, подчеркивая, что война выявляет экзистенциальные основы бытия: героизм, жертвенность, борьбу за высшие ценности. Однако он предостерегал против абсолютизации войны, утверждая, что окончательная победа возможна лишь в преодолении ее через творческое преображение общества [4, с. 59-60].

Н. Бердяев считает, что войны возникают в моменты глубоких цивилизационных кризисов, когда старые формы жизни изживают себя, а новые еще не сформировались. Например, Первая мировая война, по его мнению, ознаменовала конец европейского гуманизма и рационализма XIX в. В «Новом Средневековье» он развивает мысль о том, что современные войны – это симптомы перехода от секулярной эпохи к новому религиозному этапу истории. Война разрушает иллюзии о «вечном прогрессе» и заставляет человека задуматься о вечных вопросах: смерти, зле, смысле страдания [5, с. 119-120].

Парадоксально, но Н. Бердяев отмечает, что войны иногда становятся катализаторами культурного и духовного обновления. Например, он ссылается на эпоху Возрождения, которая во многом выросла из кризиса Средневековья, или на русскую философию, расцвет которой пришелся на период между революциями и мировыми войнами. Однако он предостерегает от романтизации этого процесса: война не создает культуру, но обнажает ее подлинные основы, заставляя человека искать опору в вечном, а не в преходящем.

Н. Бердяев был философом свободы, и именно через призму свободы он рассматривал войну. В «Философии свободного духа» (1927) он утверждает, что война – это результат не только политических и экономических причин, но и глубинного кризиса человеческой свободы. Человек, обладая свободой, может выбирать между добром и злом, и война – это крайнее проявление зла, порожденного отчуждением человека от духовных ценностей. Однако Н. Бердяев также говорит о том, что война может быть жертвенным актом, если она ведется во имя высших идеалов, а не ради наживы или власти. Здесь Н. Бердяев близок к христианской идее «справедливой войны», но с оговоркой: даже в справедливой войне нельзя забывать о её трагической природе [4, с. 60].

Несмотря на ужасы войны, Н. Бердяев видит в ней не только разрушение, но и возможность духовного пробуждения. В работе «О назначении человека» он пишет, что в экстремальных условиях войны человек может либо окончательно погрузиться в варварство, либо обратиться к высшим ценностям – вере, жертвенности, любви.

Интересный аспект философии Н. Бердяева – связь войны и творчества. В «Смысле творчества» он пишет, что катастрофы истории, включая войны, иногда стимулируют культурный расцвет. В моменты кризиса рождаются великие произведения искусства, философии, литературы. Но он подчеркивает: это не оправдание войны, а свидетельство того, что дух способен преодолевать хаос. Н. Бердяев приводит примеры послевоенных эпох (например, Возрождение после Средневековья), когда человечество, пережив трагедию, находило новые формы творчества.

В контексте философии истории Н. Бердяева можно сказать, что современные военные конфликты предстают не как принципиально новые явления, а как закономерное продолжение той же метафизической драмы свободы и насилия. Н. Бердяев предвидел, что в эпоху

технологического прогресса войны не исчезнут, но примут новые, более изощренные формы. Так, в «Новом Средневековье» он пророчески писал о том, что техническая эпоха доведет средства разрушения до такого совершенства, что это станет угрозой самому существованию цивилизации. Это предвидение особенно актуально сегодня. Гибридизация насилия (сочетание военных, информационных, экономических и киберметодов) подтверждает его мысль о том, что война всегда находит способы адаптироваться к изменяющимся условиям, принимая все более бесчеловечные формы, ибо техника, оторванная от духа, становится демонической. Современные кибервойны и информационные атаки иллюстрируют его идею о «невидимых фронтах» нового времени.

Н. Бердяев предсказывал кризис гуманизма в современных конфликтах. Его идея и том, что техника убийства совершенствуется, а человек деградирует, звучат особенно злободневно.

По мере роста разрушительного потенциала человечества (ядерное оружие, экологические угрозы) усиливается эсхатологическое напряжение, что делает размышления Николая Бердяева о «конце истории» особенно актуальными. Он говорил об опасности машинной цивилизации, где войны ведутся с помощью технологий, дегуманизирующих человека. В «Человеке и машине» он предупреждал, что техника, оторванная от духовных ценностей, превращает войну в безличный механизм убийства. Современные формы войны (кибервойны, дроны) подтверждают его опасения.

При этом Н. Бердяев настаивал, что суть войны всегда остается прежней – столкновение не только материальных интересов, но и духовных принципов, только сегодня они маскируются под геополитическими нарративами.

Н. Бердяев не верил в политические утопии «вечного мира», но считал, что преодоление войны возможно только через глубокое духовное обновление.

Таким образом, можно сказать, что Н. Бердяев рассматривает войну как сложный и трагический феномен, имеющий не только политические, но и метафизические корни. Война для него – это испытание свободы, проявление зла в истории, но также и возможность духовного прозрения. Его философия не дает утешительных ответов, но заставляет задуматься о глубинных причинах насилия и путях его преодоления через творчество, веру и утверждение высших ценностей. Его философия войны остается актуальной в наше время, когда человечество вновь сталкивается с угрозами глобальных конфликтов. Николай Бердяев напоминает, что за любыми внешними причинами войн стоят глубинные вопросы смысла человеческого существования. Анализ взглядов Н. Бердяева показывает, что война для него – не просто социальное явление, но экзистенциальный феномен, раскрывающий трагическую природу человеческой свободы. Современные конфликты (гибридные войны, терроризм, кибервойны) лишь подтверждают его идеи: пока человек не изменится духовно, войны будут продолжаться в новых формах. Философия Бердяева предлагает не утопические проекты «вечного мира», а трудный путь личного преображения – единственную возможность преодоления войны как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. – М.: АСТ, 2010. – 316 с. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/o-rabstve-i-svobode-cheloveka/ (дата обращения: 10.04.2025).
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье. – М.: Канон+: ОИ «Реабилитация», 2002. – 446 с. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/smysl-istorii/#source (дата обращения: 10.04.2025).
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 226 с. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/filosofija-svobodnogo-duha/2 (дата обращения: 10.04.2025).
4. Бойко В.А., Лихоманов И.В. Философия войны Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 68. – С. 56-69.
5. Сидорин В.В. Русские философы о смысле войны: persona in bello // Соловьевские исследования. – 2016. – №1 (49). – С. 114-122.

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. On slavery and human freedom. – Moscow: AST, 2010. – 316 p. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/o-rabstve-i-svobode-cheloveka/ / (date of reference: 04/10/2025).
2. Berdyayev N.A. The meaning of history. The New Middle Ages. – M.: Canon+: OI "Rehabilitation", 2002. – 446 p. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/smysl-istorii/#source (date of reference: 04/10/2025).
3. Berdyayev N.A. Philosophy of the free spirit. – Moscow: Respublika, 1994. – 226 p. URL: https://azbuka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyayev/filosofija-svobodnogo-duha/2 (date of request: 04/10/2025).
4. Boyko V.A., Likhomanov I.V. Philosophy of war by N.A. Berdyayev // Vestn. Volume of the State University. Philosophy. Sociology. Political science. – 2022. – No. 68. – Pp. 56-69.
5. Sidorin V.V. Russian philosophers on the meaning of war: persona in bello // Solovyov studies. – 2016. – No. 1 (49). – Pp. 114-122.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_59-64

УДК 355/359.05

**ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: ГЕНЕРАЛ-ШТУРМ –
«СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ!»**
**HEROES OF THE PATRIOTIC WAR: GENERAL-STURM –
«STAND TO THE DEATH!»**

Чучупал В.В., старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет имени Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Chuchupal V.V., Senior Lecturer,

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Победа под Сталинградом ознаменовала начало коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, подрывав наступательный потенциал вермахта и инициировав стратегическую инициативу Красной армии. Обороной города успешно руководил Василий Иванович Чуйков – выдающийся советский военачальник, Маршал Советского Союза и дважды Герой Советского Союза. Под его руководством армия отстояла город, что стало переломным моментом в Великой Отечественной войне. За свою особую тактику ведения боя в городских условиях, которая включала ближний бой и максимальное сближение с противником, что лишало врага возможности использовать артиллерию и авиацию, получил прозвище «Генерал Штурм», что отражает его решительность и умение вести наступательные операции.

Ключевые слова: Сталинградская битва, боевые действия, героизм, тактика, патриотизм, контрнаступление, штурмовые группы, ближний бой.

Abstract: The victory at Stalingrad marked the beginning of a radical breakthrough in the course of the Great Patriotic War, undermining the Wehrmacht's offensive potential. and initiated the Red Army's strategic initiative. The defence of the city was successfully defence of the city was successfully led by Vasily Ivanovich Chuikov, an outstanding Soviet military commander, Marshal of the Soviet Union and twice Hero of the Soviet Union. Under his leadership, the army defended the city, which was a turning point in the Great Patriotic War. For his tactics in urban combat which involved close combat and maximum proximity to the enemy, which deprived the enemy of artillery and air power, he was nicknamed. «General Sturm», reflecting his determination and ability to conduct offensive operations.

Keywords: Battle of Stalingrad, combat operations, heroism, tactics, patriotism, counteroffensive, assault groups, close combat.

Важность научного анализа тактики и стратегии В.И. Чуйкова обусловлена важностью битвы за Сталинград. Этот город, в начале 40-х гг. XX в. являлся стратегическим военным,

политическим, экономическим и транспортным центром. Период Великой Отечественной войны стал символом общественного героизма, мужества, патриотизма, инициативы. Сражение за Сталинград имеет особое значение [1]. Город обладал военным потенциалом и удобным географическим положением, поэтому важно было не допустить немецко-фашистские войска за Волгу и на Кавказ. Целью противника был захват плодородных земель нашей страны, регионов Кавказа, Крыма, Придонья, Волги и Кубани. В случае захвата Сталинграда СССР лишался шахт, металлургических заводов, сельскохозяйственных площадей Поволжья и Кубани, нефти Азербайджана и Чеченской республики [2].

Полководческий талант маршала проявился в новых способах ведения городского боя с применением штурмовых бригад, которые показали свою эффективность и в оборонительной линии Сталинграда, и при взятии Берлина.

Разрушительный авианалет на город был осуществлен 23 августа 1942 г. Он привел к гибели 40 тысяч человек, что сравнимо с количеством жертв в Дрездене и при более поздней бомбардировке американцами Хиросимы и Нагасаки. Даже в таких условиях немецкой стороне не удалось сломить оборону города и боевой дух солдат, офицеров, мирных жителей, героизм которых полностью разрушил все планы Гитлера. Провал немцев под Сталинградом завершил первый периода Великой Отечественной войны, способствовал контрнаступлению наших войск, которое привело к истощению противника. Враг был сломлен и повержен. В плен было взято командование 6-й армии, возглавляемой генерал-фельдмаршалом Паулюсом, солдаты были вынуждены капитулировать.

Что же послужило основой успеха советских войск после долгого периода кровопролитных боев и отступления? Во-первых, это мужество и стойкость солдат, во-вторых, умелое руководство и правильные тактические действия в условиях города.

Ведение городского боя имело свои особенности, значение приобретали такие факторы, как расстояние и время. Такой бой характеризуется как ближний и скоротечный. Тактически он предполагает наличие штурмовых групп, впервые предложенных к применению во время оборонительной операции генерал-лейтенантом В.И. Чуйковым, командиром 62-й армии (сентябрь 1942 г.). Заступая в должность, он получил приказ: «Стоять насмерть! Отстоять город любой ценой». Из воспоминаний этого периода войны самим полководцем мы узнаем, что люди «...не думали о спасении, а только о том, как бы подороже отдать свою жизнь», а фашисты могли занять Сталинград, только перебив всех наших солдат до единого» [2].

До получения должности командующего армией В.И. Чуйков находился в Китае (с 1928 г.), в качестве военного атташе в штабе Чан Кайши. В тот момент велась война Китая с Японией, которая захватила часть Китая. В функции Чуйкова входило объединение враждебных сторон коммунистической партии Китая и сторонников Гоминьдана для совместных действий против японских милитаристов. В планировании каждой боевой операции в Китае в 1941 г. принимал участие генерал-лейтенант В.И. Чуйков. Значима роль В.И. Чуйкова в Победе под Москвой. Удержав японские войска в Китае, он позволил избежать открытия второго фронта на Востоке, который был бы для СССР крайне губительным.

Войска армии В.И. Чуйкова успешно провели такие военные операции, как Изюм-Барвенковскую, Донбасскую, Никопольско-Криворожскую, Березнеговато-Снигиревскую, форсировали Северный Донец и Днепр.

Вернемся к анализу Сталинградской баталии. Уничтожение наступающих частей под Харьковом привело к стремительному продвижению немецко-фашистской армии к Волге. Будучи заместителем командарма 64-й армии, Чуйков командовал оперативной группой войск, создавшей преграду на реке Аксай, которая вела оборону в условиях отсутствия надежной связи, но смогла остановить немецкую армию. Главный приказ в своей жизни: «Стоять насмерть!», Василий Иванович выполнил, не покидая передовую, его штаб находился в трехстах метрах от линии фронта.

Василий Иванович имел исключительную способность наблюдать за поведением врага, его сильными и слабыми сторонами и применять это при проведении операций, используя существующие возможности [3]. За использование не применяемого нигде ранее механизма городского боя генерал-лейтенанта Чуйкова называли «генерал-штурм».

Для обороны В.И. Чуйкову осталась одна десятая часть города. Для генерала-штурма неприемлемым считалось шаблонное ведение боя. В условиях города вынуждали армию строить оборону без оборонительных сооружений, что было достаточно сложно. Контратаки штурмовых бригад наносили серьезный удар противнику. В мемуарах В.И. Чуйков писал: «62-я армия вырабатывала новые приемы и методы ведения боя в условиях большого города. В ходе сражений наши офицеры и генералы непрерывно учились» [4].

Операции штурмовых групп, включавших от двадцати до пятидесяти стрелков, сопровождались ударами огнеметов и артиллерии с целью отражения контратак и закрепления рубежей. В наступательных операциях штурмовые группы снабжались ранцевыми огнеметами. Базу укрепления позиций армии составляли городские здания, связанные между собой траншеями и ходами. Вместе со штурмовыми группами поддерживалось снайперское движение.

Превосходство немецко-фашистской армии в сентябре 1942 г. было очевидно. Враг направил против 62-й армии 980 тысяч солдат и офицеров армий вермахта и их союзников, 3000 орудий, что в 2,2 раза превышало оснащение Советской армии, 500 танков и штурмовых орудий (превышение составляло 4,5 раза). На город совершено 1500 вылетов и сброшены тысячи тонн бомб. Законы военной науки говорили об одном, победа могла быть на стороне Германии. Однако, имея превосходство, она проиграла [4].

Новая эффективная тактика генерала В.И. Чуйкова стала ключевым фактором, позволившим советским войскам отстоять улицы Сталинграда и, в конечном итоге, окружить и разгромить 6-ю армию Паулюса. Основные принципы тактики ведения уличного боя, в условиях разрушенного города, заключались в следующем:

1. Ведение «ближнего боя» (сокращение дистанции до противника). Чуйков приказал своим войскам максимально сближаться с немцами, иногда до 30-50 метров, он говорил: «Прижмись к врагу так, чтобы он не мог стрелять по тебе, не задевая своих!» Это было необходимо для того, чтобы:

- лишить противника преимущества авиации и артиллерии (немцы опасались бить по своим);

- нейтрализовать эффективность немецких снайперов и пулеметных точек;

- вступать в рукопашные схватки, в которых у советских солдат был опыт и моральное превосходство.

2. Создание «штурмовые групп» (гибких малых подразделений). Вместо классических ротных и батальонных построений создались штурмовые группы (5-10 солдат) и штурмовые отряды, состоявшие из 30-50 человек, которые действовали автономно.

Состав штурмовых групп включал:

- огневую поддержку (пулеметчики, снайперы);

- саперов (подрывники, закладывающие фугасы в зданиях);

- разведчиков (обнаружение слабых мест в обороне);

- пехотинцев (штурм и зачистка зданий).

Тактика действий подразумевала следующие ходы:

- «мышиную возню» – внезапные атаки из подвалов, канализаций, развалин;

- «клещи» – одновременный удар с нескольких направлений;

- «засады» – минирование подступов, ловушки в зданиях.

3. Использование руин и подземных коммуникаций:

- канализационные тоннели – для скрытного перемещения и внезапных ударов в тыл врага;

- «дом Павлова» – превращение отдельных зданий в неприступные крепости;

- ложные позиции – макеты орудий, фанерные «танки» для отвлечения огня.

4. Психологическое давление оказывалось через:

- ночные атаки – немцы боялись темноты, где советские бойцы действовали смелее.

- «музыкальный террор» – громкоговорители с советскими маршами и сообщениями о потерях вермахта.

- контратаки после бомбежек – немцы ожидали затишья, но Чуйков бросал войска в бой сразу после авиаударов.

5. Взаимодействие с артиллерией подразумевало:

- «огневой вал в городе» – артиллерия била почти в упор, поддерживая штурмовые группы;

- минометы на прямой наводке – разрушение опорных пунктов в зданиях;

Чуйков доказал, что даже в условиях катастрофического неравенства в силах можно побеждать за счет гибкости, хитрости и нестандартных решений.

Во-первых, стандартный механизм ведения боя в дневное время (пехота выдвигается в атаку после танков, а танки переходят в наступление только после бомбардировок) и разрозненные огневые налеты позволили рассчитать возможности нападения 62-й советской армии на армию Паулюса, нарушив данную шаблонность. Во-вторых, применение неординарных подходов ведения боя Чуйковым позволило наносить удары неожиданно и в разное время, а также расположение наших окопов вблизи немецких (около 50 метров) не

давало возможность самолетам бомбить наши позиции, так как могли быть уничтожены и немецкие солдаты. Паулюс рассчитывал, что на южном направлении сопротивление Советских войск будет минимальным, поэтому планировал в кратчайшие сроки захватить месторождения нефти в Грозном и Баку, перерезать речное сообщение на Волге и железнодорожные коммуникации. В ответ на нападение Паулюса контратаки 62-й армии проводились ночью, что позволяло возвращать потерянные днем позиции. Шестая армия вермахта, включая командование, сдалась в плен 31 января 1943 г.

Победу Сталинградского фронта Чуйков объяснял подвигом рядовых солдат, которые бесстрашно сражались, не боялись смерти, обладали высоким моральным духом. Смелость и уверенность солдатам придавало нахождение их командира непосредственно среди солдат. Наряду с выполнением главного приказа в своей жизни Чуйков стремился избежать больших потерь среди солдат. Он умел правильно поставить боевую задачу и донести ее до личного состава и вдохновить его. Обладая упорством и настойчивостью, Чуйков предвидел необходимость применения различных боевых приемов для успешного исхода боя. В апреле 1943 г. 62-я армия за массовый героизм и стойкость личного состава была преобразована в 8-ю гвардейскую армию, которая проводила операции по освобождению Одессы, приняла участие в Белорусской операции, прорвав оборону противника на Зееловских высотах, вела боевые действия за Берлин. По воспоминаниям Чуйкова, «бои за этот последний район обороны третьего рейха отмечены массовым героизмом советских воинов» [5]. На командном пункте Чуйкова 2 мая 1945 г. подписан акт капитуляции немецких войск.

Военный путь Василия Ивановича Чуйкова начался со службы в 1917 г. на Балтийском флоте с последующим вступлением в 1918 г. в ряды Красной армии. Богатый военный опыт характеризует В.И. Чуйкова, как грамотного человека, обладающего мужеством, самоотверженностью, храбростью, отвагой, дисциплинированностью и инициативой. Это отражено в полученных им наградах и присвоенных званиях – три ордена Суворова I степени, звание генерал-лейтенанта (июнь 1940 г.), звание генерал-полковника (октябрь 1943 г.), звание генерала армии (1948 г.), главнокомандующий Группой советских войск в Германии (1949 г.), звание маршала Советского Союза (1955 г.). Василий Иванович Чуйков сыграл ключевую роль в создании и развитии гражданской обороны СССР. В августе 1961 г. он был назначен первым начальником вновь сформированной Гражданской обороны СССР, преобразованной из Местной противовоздушной обороны. На этой должности Чуйков определил основные задачи гражданской обороны, направленные на защиту населения и народного хозяйства от возможных ударов противника, особенно с применением оружия массового поражения. По его инициативе был создан Московский институт гражданской обороны, первое в мире учебное заведение, готовящее специалистов в этой области. В 1960 г. назначен главнокомандующим сухопутными войсками. Это стало высшей ступенью его военной карьеры [2, с. 113].

Жизненный путь маршала В.И. Чуйкова закончился в 1982 г. в Москве, могила находится на Мамаевом Кургане, соответственно его завещанию, рядом с его солдатами. Образ Чуйкова изображен архитектором Е.В. Вучетичем в скульптуре «Стоять насмерть».

Прогрессивные военные идеи В.И. Чуйкова нашли дальнейшее выражение в военно-теоретических построениях советских вооруженных сил. В годы «Холодной войны» его военные выкладки пристально изучались во всех военных академиях страны, дополняясь современными доработками. Безусловно то, что В.И. Чуйкову удалось поднять значительный пласт военной науки, ориентируя ее передовые достижения на решение задач военного времени в экстремальных условиях. В.И. Чуйков не действовал изолированно, используя весь массив военно-теоретической мысли, разработанной и научно обоснованной в довоенное время, что ставит его на одну планку с виднейшими стратегами и тактиками второй половины XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гареев М.А. Величайшая битва Второй мировой войны // Новая и новейшая история. – 2012. – № 5. – С. 23-35.
2. Карташов Н. Чуйков В.И. – М.: Молодая гвардия, 2024. – 320 с.
3. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
4. Чуйков В.И. Начало пути. – Волгоград: Русич, 1967. – 247 с.
5. Чуйков В.И. Сражение века. – М.: Советская Россия, 1975. – 400 с.
6. Чуйков В.И. Конец третьего рейха. – М.: Советская Россия, 1973. – 303 с.

REFERENCES

1. Gareev M.A. The Greatest Battle of World War II // New and Contemporary History. – 2012. – No. 5. – Pp. 23-35.
2. Kartashov N. Chuikov V.I. – M.: Molodaya Gvardiya, 2024. – 320 p.
3. Isaev A.V. Stalingrad. There is No Land for Us Beyond the Volga. – M.: Eksmo, 2008. – 448 p.
4. Chuikov V.I. The Beginning of the Path. – Volgograd: Rusich, 1967. – 247 p.
5. Chuikov V.I. Battle of the Century. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1975. – 400 p.
6. Chuikov V.I. The End of the Third Reich. – M.: Soviet Russia, 1973. – 303 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_65-70

УДК 94(47)

ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА
FEAT OF THE SOVIET PEOPLE

Квасов О.Н., доктор исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Kvasov O.N., Doctor of Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: В статье анализируется огромное многообразие героических поступков советских граждан в период Великой Отечественной войны (1941-1945). Делается вывод об отсутствии типологии военного героизма. Автором предлагается оригинальная типология военного подвига и выделяется пять его разновидностей.

Abstract: The article analyzes a wide variety of heroic deeds of Soviet citizens during the Great Patriotic War (1941-1945). It is concluded that there is no typology of military heroism. The author suggests an original typology of military exploits and identifies five of its varieties.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, герой Советского Союза, подвиг советского народа, типология военного подвига.

Keywords: Great Patriotic War, Hero of the Soviet Union, the Feat of the Soviet People, Typology of military exploits.

Юбилей Великой Победы и современные перипетии международного политического процесса позволяют по-новому осмыслить глубину, значение и многие аспекты этого эпохального события. Данная статья, обращает внимание на изменение общественного содержания и восприятия индивидуальных подвигов советских солдат. В условиях советского общества и однородного информационного пространства подвиги являлись ярким проявлением советского патриотизма и призваны были проиллюстрировать негибаемую волю советского народа. В современных условиях есть основание говорить не только о героической стороне проявления патриотизма, но и, в немалой степени, о персонализированной, подражательно-побудительной основе этой информации. Воспитательные аспекты героизма советских солдат приобретают особый смысл и содержание, для чего необходимо более конкретно и чётко согласовать воспитательные цели и конкретные примеры героизма.

Известно, что за годы Великой Отечественной войны героями Советского Союза стали 11 635 человек, дважды героями стали 107 человек, трижды героями – двое. Кроме того, 2 671

солдат стал полным кавалером ордена Славы. При таком изобилии героических поступков советских воинов отсутствует их какая-нибудь систематизация или типология. В условиях советского времени, когда молодое поколение росло в едином информационном пространстве, это воспринималось естественно и компенсировалось общим представлением и изобилием информации. Молодому современному поколению, чтобы сориентироваться в разнообразии исторических фактов Великой Отечественной войны, крайне необходима типологизация подвигов, их теоретическое осмысление и чувственная рефлексия.

Понятие «подвиг», характеризует поступок, выражающийся в огромных человеческих усилиях, имеющих особую социальную значимость. Безусловно, в самом подвиге, его проявлении и атрибутах ярко выражается социальное значение деяния, ценностные приоритеты и мировоззренческая установка участников. Поэтому подвиг в каждой исторической эпохе носит ярко выраженные культурные и социальные особенности [2]. Подвиги советских солдат, воевавших против человеконенавистнической идеологии фашизма, вне историчны и носят выраженный гуманистический характер. Тем более тревожно наблюдать современную политическую ситуацию в Европе с извращением сущности этих подвигов, замалчиванием их значения и жертвенности, уничтожением их памяти и осквернением их могил.

Неотъемлемой и персонализированной частью подвига является «герой». Природу героизма стремились постигнуть с незапамятных времен, и каждая эпоха предлагала своё постижение героической истины, – миф, эпос, волшебная сказка, национальная история – дают свою, но очень схожую трактовку. Неотъемлемыми признаками героизма считаются следующие: 1) добровольность свершения героического поступка; 2) сопряжённость с риском и возможными личными жертвами для героя; 3) свершение ради или во благо кого-то или чего-то; 4) бескорыстность, отрицание личной выгоды [1, с. 73]. Существует несколько типологий, а проблематику героизма в своих работах затрагивали Р.У. Эмерсон, Н.К. Михайловский, С.Н. Булгаков, Т. Карлейль, К. Юнг, Ф. Ницше, Й. Хейзинга.

Наиболее распространенным является простое выделение трёх типов героизма. Первый тип фокусирует внимание на готовности человека ради высоких идей и ценностей пожертвовать своей физической жизнью. Второй тип, характеризует мировоззренческую (моральную) способность человека сопротивляться имеющимся сложным обстоятельствам, ретроградным стереотипам, идти вопреки навязанным общественным нормам. И третий, героизм демонстрирует преодоление человеком собственных недостатков, витальных проблем, жизненных и психологических противоречий. Если первый и второй тип героизма носят выраженный социализированный, общественно значимый характер, то третий имеет в большей степени индивидуализированную ориентацию. Широкую известность приобрела общая типология героизма, предложенная социологом В.Д. Плаховым, который постарался охватить все сферы деятельности и героического проявления в них, и выделил 15 типов героя, а в 6 случаях и с присущими им разновидностями [3]. Применимо к военной деятельности, Плахов выделяет пять видов Героя-воина: воин-защитник, воин-завоеватель, воин-солдат,

воин-царь, воин-полководец. Данная типология не позволяет понять характер и специфику героизма советских военнослужащих, не способствует идентификации подвигов.

Другая классификация героических типов, предложенная Е.В. Рягузовой строится на специфике ситуации, раскрывающейся в бинарной оппозиции. Таким образом, у автора обнаружили четыре типа героя: 1. «Герой как воплощение жизненной миссии»; 2. «Герой как защитник»; 3. «Герой как помощник»; и 4. «Герой как кумир» [4]. Данная типология, охватывает все проявления профанической деятельности, и, несмотря на то что в ней есть место военному героизму, она не конкретизирует военную деятельность.

Предлагаемая автором типология героизма советских военнослужащих объединяет два основных критерия: во-первых, тип героизма (физический, моральный и витальный) и, во-вторых, особенность военной деятельности. Благодаря этому сопряжению автор выделяет пять типов героизма: 1) Подвиг самопожертвования; 2) Подвиг боевого единства; 3) Подвиг боевого мастерства; 4) Подвиг самоотверженности и стойкости духа; 5) Подвиг военной сопричастности.

Применяемая автором типология опирается на наиболее характерную особенность военной деятельности и сопряженный тип героизма (физический, моральный, витальный). Автор предпринял попытку расчленить великое многообразие героических проявлений на группировки с помощью идеализированной модели. Каждая группировка отличается по наиболее существенному признаку, что не исключает их совокупного единства по нескольким признакам. Характеризовать каждый тип подвига целесообразно на примерах.

Подвиг самопожертвования, в первую очередь, ассоциируется с отчаянным поступком пехотинца Александра Матросова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дота (27.02.1943). Боец, не имея других вариантов, пожертвовал своей жизнью ради выполнения поставленной боевой задачи. Стоит отметить, что «подвиг Матросова» повторили за годы войны, по разным сведениям, от 159 до 470 героев. Аналогичный подвиг в авиации совершил и летчик Николай Гастелло, который горящий свой самолет направил на скопление противника (26.06.1941). В энциклопедиях указывают, что 506 летчиков повторили этот подвиг. Многочисленные примеры героического самопожертвования советские воины совершали во всех родах войск.

Подвиг боевого единства представляет собой выполнение поставленной задачи в группе и только боевое единство, сопрягающее мастерство, взаимоподдержку, доверие и верность долгу, позволяло достичь поставленной цели. В истории войны нарицательным стал подвиг «28 панфиловцев», которые у разъезда Дубосеково сдержали танковый удар врага (16.11.1941). Вписала золотыми буквами своё имя в Сталинградскую битву, героическая 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерала А. Родимцева, которая, ночью форсировала Волгу, сходу вступила в бой и отбила у противника Мамаев курган (16.09.1942). Ярким примером боевого братства является десантная операция отряда старшего лейтенанта Константина Ольшанского в г. Николаеве (26-28.03.1944), который двое суток отбивал атаки противника, создавая благоприятные условия для освобождения порта. Все 55 бойцов отряда были удостоены звания Герой Советского Союза. Героические примеры боевого единства показали

защитники Брестской крепости, дома Павлова, подпольщики Молодой гвардии и многие другие. А традиция отмечать коллективные героические действия отразилась в практике присвоения воинским частям статуса «гвардейских».

Подвиг боевого мастерства. Профессия военного, как никакое другое поприще, позволяет ярко и однозначно продемонстрировать уровень мастерства и квалификации. И примеров этого за годы войны можно представить множество. Два лучших советских летчика А.И. Покрышкин и И.Н. Кожедуб лично сбили 59 и 62 самолетов противника, а гвардии старший лейтенант А.К. Горовец только в одном воздушном бою сбил 9 вражеских самолетов (06.06.1943). Танкист Д.Ф. Лавриненко за несколько месяцев войны (погиб в декабре 1941 г.) подбил 52 вражеских танка, а экипаж старшего лейтенанта З.Г. Колобанова под Красноармейском за один бой сжег 22 танка противника (20.08.1941). Наверное, наиболее яркое проявление мастерства, граничившее с самопожертвованием, демонстрировал приём воздушного боя, который назвали авиационным тараном. Мастерство летчика заключалось в том, чтобы, не имея по тем или иным причинам других возможностей, повредить самолет противника непосредственно касаясь его частью своего самолета. Исследователи насчитывают за годы войны 227 советских авиаторов, которые в совокупности сбили при помощи тарана 635 самолетов противника, 34 летчика применяли таран дважды, а Герои Советского Союза А.С. Хлобыстов и Н.В. Терехин – трижды, Б.И. Ковзан – четырежды. В пехотных частях яркое проявление мастерства демонстрировали снайперы, а имена М.И. Суркова (702 уничтоженных гитлеровцев) и Л.М. Павличенко (309), уже в первый год войны были овеяны славой.

К этой категории героизма стоит отнести и подвиг командиров и полководцев, мастерство которых проявлялось не в демонстрации личного примера в бою и непосредственном уничтожении врага, а в умении создать условия для победы, обеспечить преимущество над противником, поставить его в неблагоприятные условия, выявить все слабости врага и наоборот максимально полно использовать свои преимущества. Нет оснований забывать, как формировалось умение советских командиров и что стоила стране и народу «наука побеждать», однако тем более нельзя умалять славу и заслуги великих советских полководцев Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, Н.Н. Воронова, И.С. Конева, Н.Ф. Ватутина, Ф.И. Толбухина, И.Д. Черняховского, К.А. Мерецкова, И.Е. Петрова, Р.Я. Малиновского, А.И. Еременко, А.И. Антонова, И.Х. Баграмяна, Л.А. Говорова и других.

Так же стоит сказать, что не менее красноречивые подвиги мастерства демонстрировали и наши противники, что только подчеркивает героизм советских военнослужащих, которые смогли в страшной войне победить сильнейшего противника.

Подвиг самоотверженности и стойкости духа. Обстоятельства гибели разведчицы Зои Космодемьянской (29.11.1941), ставшие известными стране уже в январе 1942 г., многих вдохновляли на боевые подвиги, страшное чувство мести и самоотверженную службу родине. А несгибаемое поведение генерала Д.М. Карбышева перед гибелью в концлагере Маутхаузен (18.02.1945), даже в плену не давало чувству надежды и веры в победу покинуть соотечественников. Подвиг летчика А. Маресьева известен всему миру. А вот то, что

аналогичных случаев, когда советские летчики с ампутированными конечностями возвращались в боевой строй и громили врага насчитывают восемь, известно уже меньшему количеству людей.

Подвиг военной сопричастности. Военная победа достигается на фронте в боевой деятельности, но формирование этой победы зависит и от людей тыла, без которых этот подвиг был бы невозможен. Огромные физические и материальные усилия советских тружеников тыла – это подвиг, который иллюстрирует единство тыла и фронта. Отдавая должное всем работникам тыла, можно выделить очень яркие, буквально жертвенные примеры трудовой жизни. Колхозник, пчеловод Ферাপонт Головатый отдал все накопленные средства на строительство двух самолетов, также на пожертвованные средства коллектива оркестра Л. Утесова били врага два самолета-истребителя. На пожертвования верующих Московская патриархия построила танковую колонну «Димитрий Донской» (40 боевых машин). Поддерживая почин граждан, 1 августа 1941 г. государственным банком был открыт Фонд обороны, который за годы войны собрал огромные средства в 22,3 млрд руб. и 9 663 кг драгметаллов.

Подвиги совершали на всех фронтах и в родах войск. К примеру, на воронежской земле подвиг А. Матросова предвосхитили воины Г. Вавилов, М. Бовкун, В. Прокатов, подвиг Н. Гастелло повторили летчики М. Демьянов, А. Оганджян, Н. Фирстов, В. Сердюков, Н. Дивиченко, а воздушные тараны в воронежском небе совершили В. Калачёв, С. Ачкасов, А. Авдеев, К. Потапов, В. Тишанкин, П. Шавурин, В. Колесниченко.

Как и любая иная, предложенная типология не может охватить всё многообразие тех боевых ситуаций, которые происходили на войне. К примеру, к какой категории отнести подвиг Дмитрия Овчаренко, который в одиночку при помощи топора и нескольких гранат вступил в бой с полсотней фашистов и обратил их в бегство, уничтожив при этом более двух десятков (13.07.1941). Так же, стоит учесть, что приводимые в данной статье примеры героизма советских людей, представлены в официальном варианте. Автор ориентируется в многочисленных дискуссиях, как научных, так и оголтелых по поводу спорных фактов, объективных противоречий и пропагандистских преувеличений относительно отдельных эпизодов и случаев героизма.

Предложенные примеры только призваны проиллюстрировать нюансы типологии. Основная цель типологии способствовать лучшему пониманию феномена военного подвига и расширить представления молодого поколения о героизме советского солдата, жертвенных усилиях военнослужащих и всего нашего народа в период Великой Отечественной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуторович О.В. Герой и героизм: сущность, историческая эволюция, проявление // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 8. – Философские науки. – Вып. 57. – С. 68-78.
2. Квасов О.Н. Парадигма российской цивилизации // Духовно-нравственное образование и патриотическое воспитание: традиции и перспективы: Материалы

Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 апреля 2023 г. / Отв. редактор О.Н. Квасов. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2023. – С. 207-211.

3. Плахов В.Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы: монография. – СПб: КАРО, 2008. – 239 с.

4. Рягузова Е.В. Герой как культурное означающее // Известия Саратов. ун-та. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – № 2. – С. 120-125.

REFERENCES

1. Gutorovich O.V. Hero and Heroism: essence, historical evolution, manifestation // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2020. – No. 8. – Philosophy Sciences. – Iss. 57. – Pp. 68–78.

2. Kvasov O.N. Paradigm of Russian Civilization // Spiritual and Moral Education and Patriotic Education: Traditions and Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 20, 2023 / Editor-in-Chief O.N. Kvasov. – Voronezh: Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov, 2023. – Pp. 207-211.

3. Plahov V.D. Heroes and heroism: the experience of modern understanding of an age-old problem: monograph. – St. Petersburg: KARO, 2008. – 239 p.

4. Ryaguzova E.V. Hero as a cultural signifier // Izvestia Saratov. The university. Series: Acmeology of education. Developmental Psychology. – 2014. – No. 2. – Pp. 120-125.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_71-77

УДК 378.1: 821.161.1

**РОЛЬ «РУССКОГО СЛОВА» КАК ВЫСОКОТОЧНОГО ОРУЖИЯ В ВОЙНЕ
ПРОТИВ ФАШИЗМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
THE ROLE OF THE «RUSSIAN WORD» AS A PRECISION WEAPON IN THE WAR
AGAINST FASCISM: HISTORY AND MODERNITY

<p>Кульбашная Е.В., кандидат филологических наук, доцент</p> <p>Машина А.В., научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия.</p>	<p>Kulbashnaja E.V., candidate of philological sciences, associate professor</p> <p>Mashina A.V., Research Associate Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh), Russia.</p>
--	--

Аннотация: В статье рассматривается вопрос исторической, культурной духовно-нравственной преемственности национального кода последующими поколениями русского народа. Проводится аналогия общенациональных исторических трагичных событий периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и специальной военной операции (СВО) на Украине (2022-...) Два военных столкновения с фашизмом разделяет 80 лет, а объединяет духовно-нравственный мотив, служащий мощным импульсом встать на защиту своей Родины. Чтобы победить врага сегодня, как и в 1941-1945 гг. народу необходимо сплотиться, объединить личные ресурсы и направить их против фашистской идеологии; нужно применить новейшие образцы военной техники, а также высокоточное оружие – русское слово. Во время ВОВ и с момента начало СВО написано большое количество литературных произведений, относящихся к «окопной лирике». Именно они вдохновляют русский народ на Победу, помогают выстоять в сложных жизненных ситуациях, призывают к борьбе... История и современность только кажутся далекими друг от друга. Однако лирические образы «окопной поэзии» похожи друг на друга, потому что в каждом из них содержится национальный код русского характера.

Abstract: The article examines the issue of historical, cultural, spiritual and moral continuity of the national code by subsequent generations of the Russian people. An analogy is drawn between the nationwide historical tragic events of the Great Patriotic War (1941-1945) and the special military operation in Ukraine (2022-...) 80 years separate the two military clashes with fascism, but they are united by a spiritual and moral motive that serves as a powerful impulse to stand up for their Homeland. To defeat the enemy today, as in 1941-1945, the people need to unite, pool their personal resources and direct them against the fascist ideology; it is necessary to use the latest models of

military equipment, as well as use high-precision weapons - the Russian word. During the Second World War and since the beginning of the Second World War, a large number of literary works related to "trench lyrics" were written. They are the ones who inspire the Russian people to Win, help them to survive in difficult life situations, and call for a struggle... History and modernity only seem far apart. However, the lyrical images of "trench poetry" are similar to each other, because each of them has a national code of Russian character.

Ключевые слова: ВОВ, СВО, национальный код, высокоточное оружие, «окопная поэзия», борьба, фашизма

Keywords: The Great Patriotic War, SVO, national code, precision weapons, "trench poetry", the struggle, fascism

Россия огромная красивая страна с богатейшим потенциалом в различных сферах общественной деятельности, с трагической историей и далеким светлым будущим. 80 лет назад в России началась всемирная трагедия. Сегодня каждый российский гражданин знает, что произошло 22 июня 1941 г. Началась война... Началась народная трагедия... «Жизнь словно замирает, и комок подкатывает к горлу», – именно так охарактеризовал июньское страшное утро 1941 г. В.В. Путин [1]. Победа в Великой Отечественной войне и разгром фашизма оказали непосредственное воздействие на социально-психологическую атмосферу в стране. Война вызвала патриотический подъем в обществе, готовность защищать Отечество от врага. Война сменила ракурс взгляда русского народа на многие вещи.

Так, писатель-фронтовик В. Кондратьев подвел итог страшному периоду 1941-1945 гг.: «Самым суровым образом война возвращала людей не только к горькой действительности, но и к подлинным ценностям и реальным представлениям, требовала сознательного выбора и самостоятельных решений; иначе невозможно было одолеть врага» [2].

Если нам незнакомо какое-то слово или понятие, то мы обращаемся к словарям и справочникам, реализуя возникающие в той или иной момент свои лексические потребности. Великая Отечественная война представляет для общества эпохальное по масштабу, значимое историческое событие. Война 1941-1945 гг. дает нам богатейший материал для реализации духовно-нравственных, аналитических, жизненных потребностей сегодня. Уроки, отражающие страшное для страны время борьбы с фашизмом, разнообразны и полезны для людей разных профессиональных направлений современного общества. Ведь настолько же неожиданное, но уже зимнее утро повторилось 24 февраля 2022 г. Страна проснулась от звуков самолетных двигателей и ракетных ударов... В 6.00 Президент Российской Федерации В.В. Путин обратился к народу с известием о начале специальной военной операции (СВО) на Украине.

С началом СВО в жизни русских людей начался трудный период. Это время вошло в историю как череда трагических событий, происходящих в нашей стране. Помнить войну, значит понимать, что мы не застрахованы от ее повторения.

Началу СВО на Украине предшествовал конфликт Киева и Донбасса (апрель 2014 г.), а 24 февраля сотни российских бойцов встали на защиту людей Донбасса, которые подверглись

«геноциду со стороны киевского режима», а также на защиту своей страны от фашизма, как когда-то прадеды защищали Отечество от немецких захватчиков. Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами Российской Федерации в обращении к гражданам подчеркнул, что «Россия будет добиваться полной демилитаризации и денацификации Украины» [3].

События СВО нашли отражение в сердцах российских граждан, изменили жизни тысяч семей, сплотили русский народ и заставили задуматься о завтрашнем дне. Граждане всех возрастов ежедневно следят за новостной лентой в интернете, читают газеты и с волнением периодически слышат сигнал, предупреждающий о ракетной опасности. Единственное, чего желает каждый российский гражданин сегодня, чтобы над нашей страной вновь стало мирным небо. Справедливость войны, ее духовно-нравственный мотив являются мощными импульсами, мобилизующими русский народ к активной и одновременно жертвенной борьбе. Сегодня российским военнослужащим выпала сложная и одновременно почетная миссия — защитить свой народ, свою родину, свою семью свое Отечество... А чтобы победить, доказать превосходство нашей страны в мировом пространстве, отстаивать правдивую идеологию, защитить материальные, культурные, духовно-нравственные ресурсы, нужно применить оружие. Слово – самое сильное оружие человека (Аристотель).

Победа в 1945 г. была завоевана не только силой советских танков, самолетов, кораблей и пушек. Победу одержали благодаря духу советского народа и информационному оружию – слову! У гитлеровцев не было поэмы А. Твардовского «Василий Теркин»; песен М. Исаковского «Катюша», Б. Ласкина «Три танкиста», ставшей гимном пограничных и танковых войск СССР и России; пронзительных стихов об однополчанке Зинке, написанных Ю. Друниной («Зинка», 1944 г.). Не было и не могло быть...

Можно долго продолжать список высокоточного словесного оружия периода Великой Отечественной войны: С. Островский «Воюет не железо, а душа», А. Сурков «Поэт был своим человеком в любом блиндаже, у любого костра». Песня «Дороги», сложенная на стихи М. Лисянского, стала любимой в репертуаре маршала Георгия Жукова. Стихотворение поэта «Я по свету немало хаживал...» имеет символическую историю создания. Произведение было написано автором осенью 1941 г. по дороге из Ярославля на фронт. В Москве машина остановилась, а поэт тем временем оставил в редакции журнала «Новый мир» блокнотный лист со стихотворением. Однажды песня сопровождала автора по фронтовой дороге. А в Берлине в мае 1945 г. русские солдаты пели «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!» Произведения, созданные поэтами-фронтовиками, были объединены общим понятием «окопная поэзия».

Термин «окопная поэзия» появился среди группы английских поэтов в начале XX в., в период Первой мировой войны. Уилфред Оуэн, Ричард Олдингтон, Дейвид Герберт Лоренс и др. писали о суровой правде, которую видели во время сражений. Их творчеству была характерна натуралистичность, трагизм, антивоенный настрой. Конкретные слова передавали описание конкретных деталей, саркастический слог звучал голосом утраченных надежд и отчаяния [4].

С момента начала СВО также написано огромное количество поэтических произведений, ставших своего рода исторической летописью, помогающей сохранить память о важнейших событиях в нашей стране, отразить боль и горе людей в это непростое время. Эти стихи заключают в себе правду, поддерживают российских бойцов в минуты отчаяния, воодушевляют и пробуждают русский дух, вселяют веру в победу и торжество справедливости.

Все рассмотренные в статье стихотворения подтверждают, что поэзия – самый оперативный жанр в литературе, сочетающий в себе патриотизм и личные переживания в контексте военного времени.

Современный военный конфликт столкнул интересы России и НАТО, став тяжелым испытанием для русского народа – непримиримого борца с фашизмом.

Поэтические произведения об СВО можно разделить на несколько тематических групп:

- 1) мотив возрождения фашизма, который с момента начала Великой Отечественной войны стал недопустимым явлением для русского народа;
- 2) мотив предательства, просматриваемый в сближении с блоком НАТО братских народов;
- 3) мотив искажения русской правдивой истории, в котором звучит протест современных авторов, обращенный к Западу и европейским государствам, которые искажают историческое прошлое России.

Остановимся на каждом мотиве более подробно и рассмотрим примеры поэтических текстов современных авторов.

С начала Великой Отечественной войны Россия боролась с фашизмом, поэтому и сегодня его проявление вызвало бурное возмущение и желание защитить свою Родину.

Рассмотрим проявление каждого поэтического мотива на конкретных примерах. Александр Томилов – автор современной окопной поэзии, которая преимущественно легла в основу песенных текстов. Стихотворение «Прощай! фашиствующий брат» [5] является обращением к представителям вражеской стороны:

Лжецы! оболгыши России
Святые земли захватив
Вещая в СМИ типа мессии
Врут аж дыханье затаив.

<...>

Теперь фашистские утырки
Обуты в НАТО нам назло
Бандеру вывесив на бирке
СС приняли ремесло.
И возрождение Иуды
Из-под земли фашизм достав
Против России словоблуды
Создали нациков устав.

Лжецов накажем! не волнуйтесь!

Фашизм загоним прямо в Ад

Американцы не беснуйтесь

Из-за своих большущих трат.

(Александр Томилов, 2023)

В данном стихотворении автор выражает личную позицию через лирические образы лжецов, Иуды, нацистов и т.п. Таким образом, он проявляет ненависть, неприязнь, негодование, протест против фашизма от лица всего русского народа.

Мотив предательства откликается в «окопной поэзии» СВО эхом единой мысли многих известных людей: Никиты Михалкова – кинорежиссера, сценариста, актера кино, Героя Труда РФ, народного артиста РСФСР; Вячеслава Петрушенко – председателя правления Государственной компании «Российские автомобильные дороги»; Сергея Карякина – российского шахматиста; Александра Проханова – российского писателя; Владимир Машков – актера и режиссера театра и кино, народного артиста России, – «Лучше быть повешенным за верность, чем за предательство».

Рок-певица, музыкант, актриса Юлия Чичерина уже несколько раз выступавшая перед аудиторией военнослужащих, волею судьбы оказалась свидетелем бесчеловечных преступлений киевского режима. По ее словам, в обществе утерян кодекс защиты Родины. Новое поколение потребителей не желает отстаивать интересы России. Однако есть и такие люди, которые непременно вернутся с победой. Среди них поэты и писатели, музыканты и режиссеры, лишь трусам и пройдохам среди них нет места.

Загнивает империя лжи

Черный грач возле русской межи.

Веют ветры, и гарь не страшна,

После боя всегда тишина.

Так бывало не раз на Руси, –

Как оружие, правду неси!

Дело правое – истинный крест,

Чти людей из порушенных мест.

Истрадались под игом зверья,

Почернела от грязи земля...

Буква Z на борту БТР,

Гул моторов, как музыка сфер.

(Виктор Карпушин, 2022) [5].

Русские поэты и писатели во всем литературном пространстве во все времена отвергали войну, поклоняясь солдату, защищавшему Отечество. Однако, русские писатели и поэты никогда не позволяли неуважительно относиться к родовым символам, переписывать историю глазами врагов. Война никогда не была нужна России, но запад приручил нашего соседа, так как гуманитарная помощь Украине состояла из оружия и бронетехники. Писатель Н.Ф. Иванов – председатель Союза писателей России в марте 2022 г. четко обозначил свою позицию: «Я

русский офицер и русский писатель, принимаю «Z» в свой внутренний мир» [6]. Этот символ навсегда изменил психологию войны, соединив армию, народ и власть; именно солдат борется за сохранение достоинств России, сбережение кода нации, не утратившей готовность помогать ближнему и отстаивать свою национальную историю.

А предчувствие стыло на стыке эпох,
 Где всегда перепутаны смыслы и даты.
 Где читаются знаки на выдох и вдох
 В это Подвига время и время Расплаты.
 И становится строже и крепче судьба.
 И становится глубже и чище беседа,
 Где на Чаше судеб только страх и мольба.
 А на Чаше Весов только Крест и Победа.
 (Надежда Мирошниченко, 2022) [5].

Александр Проханов (1938 г. р.), российский писатель, выразил свои мысли по данному вопросу: «Русская империя создавалась тысячу лет, складываясь в симфоническое целое из пространства, народов, языков, великих культур, превращаясь в громадную, творящую, небывалую цивилизацию. Расчленение этой цивилизации - насилие над историей... Русские танки сейчас бинтуют страшные раны истории, русские самолеты накладывают швы на чудовищные ее порезы. Русским войсками сегодня управляет Отечественная история» [7].

В 2025 г. вся страна будет с необыкновенным вниманием, волнением, гордостью и новой надеждой на Победу следить за юбилейным прохождением по Красной площади пеших расчетов различных родов войск Министерства обороны Российской Федерации в честь 80-й годовщины Победы над немецкими захватчиками. К этому мероприятию участники парада долго и усердно готовятся, чеканя шаг в любую погоду по несколько часов в день. Ведь только лучшим представителям военных вузов, частей и подразделений выпала такая возможность – 9 мая с переполнявшим изнутри чувством гордости и огромной благодарности почтить память героев Великой Отечественной войны. Именно они, наши деды и прадеды, подарили нам жизнь и возможность сегодня также встать на защиту нашей Родины, когда она будет в этом нуждаться! В этом и заключается метафизика патриотизма. Вместе – мы сила, а наша сила в правде: настоящей истории, четкой гражданской позиции, гражданской ответственности, преемственности культуры. Нас воспитала такими родная страна, семья, школа и, конечно же, русская классическая и современная литература, дав нам в руки действенное оружие – слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. – М., 2020. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hOAWBlGRwEN> (дата обращения: 09.04.2025).
2. Кондратьев В. Красные ворота. Повесть. Роман. – М., 1988. – С. 411-412.

3. Обращение президента России В.В. Путина. 24.02.2022 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (дата обращения: 09.04.2025).
4. Витюк И. Книга стихов «Голов фронта». – М.: Вече, 2024. – 128 с.
5. Поэтическая летопись СВО / Образовательная социальная сеть. – URL: <http://nsportal.m/ap/library/literatumoe-tvorchestvo/2025/04/06/poeticheskaya-letopis-svo> (дата обращения: 09.04.2025).
6. Позывной – Победа! Антология современной патриотической поэзии. – М.: Вече. 2022. – 288 с.
7. Аверьянов В., Калашников М., Проханов А. Донбасский период русской истории. Смена элит. – М.: Наше Завтра. 2023. – 355 с.

REFERENCES

1. Putin V.V. 75 years of the Great Victory: shared responsibility to History and the future. – Moscow, 2020. – URL: // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/hOAWB1GRwEN> (date of application: 0410/2024)/
2. Kondratiev V. Krasnye vorota. The story. Roman. – М., 1988. – Pp. 411-412.
3. The address of the President of Russia V.V. Putin. 02/24/2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843> (date of application: 04/09/2025).
4. Vityuk I. The book of poems "Heads of the front". – Moscow: Veche, 2024. – 128 p.
5. The poetic chronicle of the SVO / Educational social network. – URL: <http://nsportal.m/ap/library/literatumoe-tvorchestvo/2025/04/06/poeticheskaya-letopis-svo> (date of application: 10/04/2025)
6. The call sign is Victory! Anthology of modern patriotic poetry. – Moscow: Veche. 2022. – 288 p.
7. Averyanov V., Kalashnikov M., Prokhanov A. The Donbass period of Russian history. Change of elites. – М.: Our Tomorrow. 2023. – 355 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_78-82

УДК 379.835

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МАРШРУТ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ РАЗВИВАЮЩЕГО
ДЕТСКОГО ОТДЫХА**

**PEDAGOGICAL ROUTE OF EDUCATIONAL ACTIVITY: KEY ASPECTS OF THE
EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF DEVELOPING
CHILDREN'S RECREATIO**

Мамонов М.А., педагог-организатор

Mamonov M.A., teacher-organizer,

Никонова Т.Ю., педагог дополнительного
образования

Nikonova T.Yu., teacher of additional education
Center for the Development of Creativity of
Children and Youth «Sputnik», Voronezh, Russia

МБУДО Центр развития творчества детей и
юношества «Спутник», Воронеж, Россия

Аннотация: Организационное педагогическое сопровождение личностного становления воспитанников в условиях образовательной среды развивающего детского отдыха актуализируется и рассматривается как целеполагающее качество классической парадигмы традиционного воспитания.

Abstract: Organizational pedagogical support for the personal development of pupils in the educational environment of developing children's recreation is actualized and considered as a goal-setting quality of the classical paradigm of traditional education.

Ключевые слова: развивающий детский отдых, воспитание, образование, профильный лагерь.

Keywords: developing children's recreation, upbringing, education, profile camp.

Педагогическое пространство детского лагеря [1-4], тем дидактически вариативно и творчески эффективно, что оно позволяет реализовывать за краткосрочный период воспитательно-образовательное целеполагание в комплексной форме развивающего детского отдыха и непрерывной познавательной деятельности. В данном социально-педагогическом контексте в летнее время нами реализуется программа воспитания «Спутник Первых», которая предоставляет участникам возможность совмещать активный отдых в детских профильных лагерях с творческими, спортивными, познавательными и развивающими мероприятиями, сопутствующими ценностному совершенствованию образовательных компетенций в специальных областях знания, спорта и творческой деятельности, педагогически обуславливая и гармонизируя навыки социализации и коммуникативного взаимодействия.

Познавательные активности и творческие мероприятия профильной смены исходят из содержания модулей примерной программы воспитания для организации отдыха детей и их оздоровления (разработанной ФГБОУ «Всероссийский детский центр «Смена») и

направлений программы воспитательной работы Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых». Следует отметить гуманистическую, гуманитарную роль воспитателей (педагогов-наставников), на которых возложена педагогическая миссия воплощения ценностного образа культуры и познания, когда педагоги непосредственно выступают по характеристике Станислава Теофиловича Шацкого как «организаторы своего дела, организаторы детской жизни, общественные работники с широким горизонтом и умелые наблюдатели-исследователи» [5, с. 38].

Весь комплекс мероприятий рабочей программы воспитания «Спутник Первых» для детских профильных лагерей отражен в календарном плане воспитательной работы, плане-сетке воспитательных мероприятий по тематическим Дням и ежедневном расписании распорядка профильной смены. Остановимся на воспитательном компоненте и на примере тематического Дня «День Науки – Учись и познавай!», рассмотрим ключевые аспекты педагогического маршрута воспитательной деятельности (См. План-сетку ниже).

В начале каждого дня профильной смены, уже во время подъема, педагог (воспитатель) определяет в нескольких фразах тематический вектор на предстоящий день. Например, «Доброе утро, ребята! Друженько просыпаемся, готовимся к зарядке. Сегодня нас с вами ожидает увлекательный «День Науки – Учись и познавай!». Каждый из вас окажется в мире науки и в какой-то мере станет ученым. Нам предстоит поучаствовать в увлекательных отрядных (ОД) и общелагерных делах (ОЛД).

Затем после завтрака на утреннем отрядном деле «Творческий отряд» детализируется план мероприятий на день и начинается подготовка к ним. Время отрядных дел позволяет воспитателю проводить педагогически насыщенную деятельность, раскрывающую творческие способности воспитанников через коллективные творческие дела (КТД) и вариативные игровые модели.

Отрядное дело (ОД) – непосредственно живая среда воспитания. Личностная уникальность воспитателя и действенный педагогический отклик на творческие интересы ребят позволяют здесь и сейчас воплощаться идеям воспитанников, что формирует актуальную творческую среду для познавательного процесса. А вовлеченность в творчество, позитивная атмосфера во время творческого дела непременно наполняют настроением и восполняют затраченные силы всех участников.

После чего на тематическом отрядном деле «Ориентир на науку» педагог (воспитатель) совместно с ребятами погружаются в изучение вопросов по тематике «День Науки – Учись и познавай!». Они знакомятся с понятием «наука», ее типологией и содержанием, разрабатывают и оформляют проект «Ориентир на науку!»; беседуют о важности науки для человека, общества, культуры и ее повседневном назначении; обмениваются личным опытом научных дел, обсуждают научные интересы и предпочтения; определяют приоритетные направления современной науки и прогнозируют будущее науки. На вечернем общелагерном мероприятии «Нескучная наука!», воспитанники, наряду с участием в творческой развлекательной программе, представляют защиту разработанных отрядных проектов «Ориентир на науку!».

План-сетка воспитательных мероприятий по тематическим Дням

<p align="center">1 день</p> <p align="center">«День Первых – Иди за мечтой!»</p> <p align="center">Заезд</p> <p>ОЛД Семейный флешмоб «Спутник Первых: вместе дружная семья!»</p> <p>ОД Игра на знакомство «Встреча друзей»</p> <p>ОД Формирование отрядных активов самоуправления «Уют», «Взаимопомощь» и общелагерного актива «Креативная эстетика»</p> <p>ОД «Творческий отряд» – «Профессиональные направления и творческие ориентиры Первых»</p> <p>ОЛД «Академия Первых: мои безопасные каникулы»</p> <p>ОД «Профильное Дело»</p> <p>ОЛД «Спутник Первых: вслед за мечтой!» (торжественное открытие профильной смены)</p> <p>ОД Вечерний огонек</p>	<p align="center">2 день</p> <p align="center">«День Науки – Учись и познавай!»</p> <p>ОЛД Работа педагогических служб «Спасибо зарядке!» и «Здоровье в порядке!»</p> <p>ОД Работа актива «Уют»</p> <p>ОЛД Работа актива «Креативная эстетика»</p> <p>ОД Работа актива «Взаимопомощь»</p> <p>ОД «Творческий отряд» (подготовка к общелагерным мероприятиям)</p> <p>ОД «Ориентир на Науку!»</p> <p>ОД «Профильное Дело»</p> <p>ОЛД «Научная страна» – «В науке наши земляки»</p> <p>ОД «Профильное Дело»</p> <p>ОЛД Творческая программа «Нескучная наука!»</p> <p>ОД Вечерний огонек</p>	<p align="center">3 день</p> <p align="center">«День Спорта – Достигай и побеждай!»</p> <p>ОЛД Работа педагогических служб «Спасибо зарядке!» и «Здоровье в порядке!»</p> <p>ОД Работа актива Уют»</p> <p>ОЛД Работа актива «Креативная эстетика»</p> <p>ОД Работа актива «Взаимопомощь»</p> <p>ОД «Творческий отряд» (подготовка к общелагерным мероприятиям)</p> <p>ОД «Ориентир на Спорт!»</p> <p>ОД «Профильное Дело»</p> <p>ОЛД Спортивные соревнования «Спортивная страна» – «Спорт для каждого»</p> <p>ОД «Профильное Дело»</p> <p>ОЛД Спортивные соревнования и спортивно-концертная программа «Наша Спартакиада»</p> <p>ОД Вечерний огонек</p>
<p align="center">4 день</p> <p align="center">«День Культуры – Создавай и вдохновляй!»</p> <p>ОЛД Работа педагогических служб «Спасибо зарядке!» и «Здоровье в порядке!»</p> <p>ОД Работа актива «Уют»</p> <p>ОЛД Работа актива «Креативная эстетика»</p> <p>ОД Работа актива «Взаимопомощь»</p> <p>ОД «Творческий отряд» (подготовка к</p>	<p align="center">5 день</p> <p align="center">«День Природы – Береги планету!»</p> <p>ОЛД Работа педагогических служб «Спасибо зарядке!» и «Здоровье в порядке!»</p> <p>ОД Работа актива «Уют»</p> <p>ОЛД Работа актива «Креативная эстетика»</p> <p>ОД Работа актива «Взаимопомощь»</p> <p>ОД «Творческий отряд» (подготовка к общелагерным мероприятиям)</p> <p>ОД «Ориентир на Природу!»</p> <p>ОЛД «Природа страны» – «Большая</p>	

<p>общелагерным мероприятиям) ОД «Ориентир на Культуру!» ОД «Профильное Дело» ОЛД «Культурная страна» – «День российского кино» ОД «Профильное Дело» ОЛД Творческая программа «Пять континентов!» ОД Вечерний огонек</p>	<p>Воронежская экологическая тропа» ОД «Профильное Дело» ОЛД «Иди, мой друг, всегда иди дорогой добра!» (торжественное закрытие профильной смены) Отъезд</p>
--	--

Во время ОД «Профильное Дело» – проходят отрядные занятия по плану профильной краткосрочной образовательной программы. Осуществляется реализация специального обучения в рамках дополнительного образования. Обучающиеся (воспитанники) продолжают непрерывный процесс образования, совершенствуя индивидуальные профильные компетенции и личностные ценностные основы познания, труда, профессионализма.

ОЛД «Научная страна» – «В науке наши земляки» и ОЛД творческая программа «Нескучная наука!» продолжают тематическую траекторию Дня Науки и воплощают общие принципы содержания рабочей программы воспитания «Спутник Первых» для детских профильных лагерей.

Важным компонентом воспитательной работы является деятельность педагогической службы здорового образа жизни «Спасибо зарядке!» и психолого-педагогической службы «Здоровье в порядке!», а также отрядных активов самоуправления «Уют», «Взаимопомощь» и общелагерных активов по организации медиапространства «Творческий отряд» и организации предметно-эстетической среды «Креативная эстетика».

Следует отметить предусмотренную возможность социально-педагогического сопровождения и консультирования детей и их семей педагогом-психологом в рамках работы психолого-педагогической службы «Здоровье в порядке!». А мероприятия из вариативных модулей Программы воспитания «Работа с родителями», «Профорientация», «Детское медиапространство» и «Цифровая среда воспитания» создают единую воспитательную среду из педагогов, наставников (социальных партнеров), воспитанников и их семей.

Немаловажно обратить внимание на необходимость дневного отдыха (тихого часа) и личного времени, которые предусмотрены для воспитанников в насыщенном распорядке дня. Это период физиологического и эмоционального восстановления, психокогнитивной стабилизации и индивидуального размышления, время для восполнения сил и творческой мотивации.

Неотъемлемым организационным событием процесса воспитательной деятельности является Совет воспитателей «Дело наставника», который проходит два раза в день: до подъема и после отбоя. На утреннем Совете обсуждаются предстоящие события, а на вечернем анализируется их результат, с учетом чего определяется воспитательная траектория на следующий день.

Особым воспитательным явлением отрядной жизни становится подведение итогов дня на вечернем огоньке. В уютной атмосфере творческих эмоций воспитатель и ребята делятся впечатлениями от насыщенного дня и обсуждают идеи на день предстоящий. Так завершается текущий воспитательный тематический День. И наступает время ночного сна и отдыха, для того чтобы наступающий новый день стал не менее бодрым, увлекательным и наполненным замечательными событиями, которые всех заинтересуют, порадуют и подарят прекрасные впечатления.

Подобный педагогический маршрут воспитательной деятельности является значимым условием и организующей системой для практического осуществления эффективной образовательной среды развивающего детского отдыха. Субъект-субъектные отношения педагогов-наставников (воспитателей) и воспитанников в творческом познавательном пространстве летнего лагеря способствуют мотивации, педагогическому взаимообогащению и развитию ответственного ценностного мировоззрения у подрастающего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доценко И.Г. Методология, теория и технологии организации летних каникул обучающихся. – Екатеринбург: РГППУ, 2023. – 174 с.
2. Иванов И.П. Энциклопедия коллективных творческих дел. – М.: Педагогика, 1989. – 206 с.
3. Поляков С.Д. Коллективное творческое воспитание: перезагрузка. – М.: Национальный книжный центр, 2016. – 176 с.
4. Попова И.Н. Развивающий детский отдых: методики и технологии организации. – М.: Русское слово – учебник, 2018. – 64 с.
5. Фрадкин Ф.А., Малинин Г.А. Воспитательная система С.Т. Шацкого. – М.: Прометей, 1993. – 176 с.

REFERENCES

1. Dotsenko I.G. Methodology, theory and technologies of organizing summer holidays for learners. – Yekaterinburg: RGPPU, 2023. – 174 p.
2. Ivanov I.P. Encyclopedia of collective creative affairs. – M.: Pedagogika, 1989. – 206 p.
3. Polyakov S.D. Collective creative education: a reboot. – M.: National book center, 2016. – 176 p.
4. Popova I.N. Developing children's recreation: methods and technologies of organization. – M.: Russian word – textbook, 2018. – 64 p.
5. Fradkin F.A., Malinin G.A. The educational system of S.T. Shatsky. – M.: Prometheus, 1993. – 176 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_83-87

УДК 159.9

**РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА
И СОТВОРЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА**

**DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL ATTITUDES WITHIN THE FRAMEWORK OF
COOPERATION AND CO-CREATION BETWEEN TEACHER AND STUDENT**

Белянская Т.Э., старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Belyanskaya T.E., Senior Lecturer

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Современное образование предполагает использование инновационных подходов взаимодействия преподавателя и студента, учителя и ученика. Наставник с подопечным – это соавторы педагогического процесса. В статье рассматриваются позиции двух сторон образовательного процесса, как субъектов взаимодействия.

Abstract: Modern education involves the use of innovative approaches to interaction between a teacher and a student, a teacher and a student. A mentor and a mentee are co-authors of the pedagogical process. The article examines the positions of the two sides of the educational process as subjects of interaction.

Ключевые слова: сотрудничество, сотворчество, творчество, педагогика, педагогический процесс, субъект.

Keywords: cooperation, co-creation, creativity, pedagogy, pedagogical process, subject.

Современный социальный институт высшего образования претерпевает значительные изменения. В значительной степени усложнились педагогические технологии, появляется большое количество инновационных методов обучения. Однако неизменным остается то, что эффективность педагогического процесса напрямую зависит от роли наставника. Профессиональный и личностный потенциал педагога, включенность во взаимодействие со студентами является залогом продуктивной педагогической деятельности.

Взаимодействие преподавателя и студента в рамках субъект-субъектного сотрудничества строится на основах доверия, открытости и ответственности. От качества взаимоотношений зависит мотивация к обучению, формирование адекватной самооценки, самоуважение [4].

По мнению В.В. Горшковой, педагогическое взаимодействие является важнейшим средством формирования субъектности его участников, «расширяет индивидуальную свободу выбора и ответственности каждого» [2, с. 106]. При этом субъектность определяется «не столько способностью человека быть субъектом деятельности, сколько способностью быть

субъектным, то есть быть решительным и самостоятельным, определенным, четким и свободным в своих намерениях» [7, с. 212].

Психолого-педагогический подход рассматривает взаимоотношения преподавателя и студента, как доверительные, наполненные творчеством и гуманизмом.

В психологии понятие «взаимодействие» рассматривается многими учеными. Б.Г. Ананьев понимает взаимодействие, как один из ведущих видов человеческой деятельности [1].

В.Н. Мясищев отмечает, что в процессе межличностного взаимодействия личности определенным образом отражают друг друга [5].

Б.Ф. Ломов видит взаимодействие, как особую форму общения субъектов, в процессе которой проявляется конфликт или сотрудничество, содействие или противодействие [4].

Преподаватель-наставник современной высшей школы должен владеть теоретическими и практическими знаниями основ общения, коммуникативной компетентностью, обладать способностью к рефлексии.

Перечисленные подходы к понятию «взаимодействие» встраиваются в многоуровневую систему психолого-педагогического общения в ВУЗе, что позволяет формировать общекультурные и коммуникативные компетенции студента. Личность педагога влияет на мотивационную и дидактическую составляющую обучения [8].

Развитие индивидуальных способностей, творческих навыков, формирование жизненных ценностей возможно в атмосфере сотрудничества и сотворчества.

По К.К. Платонову, творчество – это «мышление в его высшей форме». Сотворчество предполагает совместное мышление, содействие, сотрудничество, то есть совместная деятельность. Будем опираться на теорию деятельности А.Н. Леонтьева, где структурными компонентами являются: потребность, мотив, действия, результат. Во взаимодействии в социокультурном пространстве, мы все же стремимся к индивидуальной автономии и самобытности. Поведение транслирует сам человек, однако толкуют и «читают» его окружающие люди. Самовыражение, обозначение своей уникальности предпочтительнее и эффективнее проходит в процессе творческой деятельности. Творчество в развитии своей самости, сознательный выбор судьбы, этап более поздний по времени. Важным моментом в самораскрытии является выбор партнеров. В контексте взаимодействия преподавателя-студента становится актуальной проблема формирования активной деятельностной позиции преподавателя, как наставника и посредника в становлении конкурентоспособного специалиста. Современное образование ставит своей задачей трансформировать потребительское отношение студентов к предоставлению образовательных услуг в активную деятельность их самих, направленную на преобразование самого себя, с учетом индивидуальных предпочтений и способностей.

То есть мы говорим об актуализации личности студента, как субъекта педагогического процесса в ходе раскрытия творческого потенциала. В этом случае образовательный процесс будет соответствовать методу коучинга, суть которого в мотивации посредством раскрытия собственных потенциальных ресурсов личности. Реализация коучинга в высшей школе осложняется рядом причин:

1. укоренившиеся традиционные методы обучения: четкие программы, рассчитанные на среднего абстрактного студента, без учета его индивидуальных особенностей;
2. систематический контроль учебной деятельности с ориентировкой на шаблонные решения;
3. отсутствие междисциплинарных связей;
4. функциональное неравенство статусов преподавателя и студента;
5. неготовность преподавателей менять устоявшееся профессиональное мышление;
6. сопротивление к личностному росту педагога.

Преподаватель-коуч направляет студента в процессе актуализации своей активности, направленной на достижение успеха в учебной деятельности в индивидуально-личностном подходе. Поиск внутренних опор и ресурсов у студента осуществляется благодаря рефлексии и осознанию целей, индивидуальных особенностей, интересов и потребностей. Таким образом, мы формируем ядро личности, самость, раскрывая духовный и творческий потенциал. Благодаря таким практикам, у молодого поколения прозрачно выстраивается перспектива развития профессиональной деятельности, поиск своего места в жизни. Движение к росту заключается не в механическом заучивании материала, а в творческом самовыражении, которое опирается на индивидуальное мироощущение.

Изоляция и отрыв человека от творчества, как убеждают исследования, означают «болезнь и психологическую смерть личности» [3, с. 150].

При сотворчестве происходит обмен опытом, мыслями, предполагается активная позиция двух сторон. Ценностные атрибуты личностного мира, в том числе творческие отношения, воспитуемые через глубинное понимающее общение, через возникновение уз сопричастности и «заражение» жизненным примером, через созвучие судеб. Важно то, каким станет человек «через встречу с другими». В этом смысле понимание есть величайшая «сотворческая сила».

Сотворчество – это процесс поддержки и сопровождения учебной деятельности студента, двусторонний взаимный интерес в диаде преподаватель-студент на достижение результата.

Исходя из постулатов гуманистической психологии Карла Роджерса, данное взаимодействие можно обозначить как встречу «Я» и «Другого». Базой для такой встречи служат проблемные ситуации, решение которых зависит от безусловного и безоценочного принятия друг друга, от способности к эмпатии в форме фасилитации [9].

Л.С. Выготский рассматривает рост личности в совместной деятельности учителя-ученика, процесс общения, принятие ответственности во взаимодействии, что приводит к психологическим изменениям в структуре личности.

Сотрудничество преподавателя и студента можно образно представить, как движение по лестнице навстречу друг другу. Сближение происходит в атмосфере согласия, согласованности в ценностных ориентирах и доверия.

Некоторые ученые сравнивают педагогические действия с микрохирургией, где любая операция – это искусство, призванное тонко подходить к образованию подрастающего поколения. Л.С. Выготский сравнивает школу с пристанью, куда отводят сломанные корабли, а учитель – врачеватель душ своих подопечных. Педагогика – искусство терапии души.

В.А. Кан-Калик называет педагогическое влияние художественно-педагогическим творчеством, где важную роль играет эмоционально-интеллектуальный фон занятия. Наставник как режиссер управляет процессом обучения, отражая мысли и чувства учеников, создавая на занятии опыт личностного проживания материала.

«Мы имеем дело с особым предметом познания, где важен не реальный факт, материальный объект или природное явление, а человеческое личностное отношение к ним. Необходимо понимать, конечно, что личностное, субъективное здесь тоже относительно. «Я» – продукт развития человеческого общества вообще и своей страны, нации, социальной группы в частности. И «мои» чувства, ощущения – не только мои: они частица, субъективное выражение общего» [6, с. 19-20].

Таким образом, можно сделать вывод, что в результате сотрудничества и сотворчества преподаватели формируют те качества у студентов, которые подвергались осознанию, анализу, принятию в ходе открытого доверительного контакта. Сотворчество не ограничено рамками методик и приемов, оно свободно от стереотипов и спонтанно в озарении при пересечении субъект-субъектных отношений. Сотворчество уникально тем, что результат устойчив во времени и вписывается в структуру личности, как постоянное укоренившееся психическое новообразование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 339 с.
2. Горшкова В.В. Феномен образования человека: избранные научные труды. – Санкт-Петербург: Астерион, 2020. – 490 с.
3. Гройсман А.Л. Личность. Творчество. Регуляция состояний. – М., 1998. – 430 с.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984. – 364 с.
5. Мясищев В.Н. Психология отношений / Под ред. А. А. Бодалева. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
6. Неменский, Б.М. Дидактика глазами художника // Педагогика. – 1996. – № 3. – С. 19-24.
7. Ниязбаева Н.Н. Субъектность человека как возможность самоосуществления // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8. – № 5А. – С. 211-218.
8. Пидкасистый П.И., Фридман Л.М. Психолого-дидактический справочник преподавателей высшей школы. – М.: Педагогическое общество России, 2007. – 312 с.
9. Роджерс К. Могу ли я быть фасилитатором в группе: Хрестоматия по гуманистической психотерапии. – М., 1995. – 302 с.

REFERENCES

1. Ananyev B.G. Man as an object of knowledge. – L.: Publishing house of Leningrad State University, 1968. – 339 p.
2. Gorshkova V.V. The Phenomenon of Human Education: Selected Scientific Works. – St. Petersburg: Asterion, 2020. – 490 p.
3. Groysman A.L. Personality. Creativity. Regulation of states. – M., 1998. – 430 p.
4. Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology. – M., 1984. – 364 p.
5. Myasishchev V.N. Psychology of Relationships / Ed. by A.A. Bodalev. – Moscow: Publishing House “Institute of Practical Psychology”, Voronezh: NPO “MODEK”, 1995. – 356 p.
6. Nemensky B.M. Didactics through the eyes of an artist // Pedagogy. – 1996. – No. 3. – Pp. 19-24.
7. Niyazbaeva N.N. Human subjectivity as a possibility of self-realization // Context and reflection: philosophy about the world and man. – 2019. – Vol. 8. – No. 5A. – Pp. 211-218.
8. Pidkasisty P.I., Fridman L.M. Psychological and didactic handbook of higher education teachers. Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2007. – 312 p.
9. Rogers K. Can I be a facilitator in a group: A reader on humanistic psychotherapy. – M., 1995. – 302 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_88-98

УДК 378.14.015.62

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
КАК РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ИНТИМНОСТИ
THE EDUCATIONAL PROCESS
AS AN EXTENSION OF THE SPHERE OF INTIMACY**

<p>Гришин А.А., кандидат философских наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия</p>	<p>Grishin A.A., Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia</p>
---	--

Аннотация: В статье подвергается доскональному дескриптивному анализу $(F(s,i))$ феномен социального и индивидуального бытия человека в $(Rus-Ed-Sys)$ сфере современного российского образования, применительно к $(Exp \vee \vee Nar)$ расширению и сужению (Int) интимного измерения человеческого мышления: $(F(s \vee \vee i)) \vdash (Rus-Ed-Sys) \vDash (Exp \vee \vee Nar) : \Leftrightarrow ((Int \leftrightarrow Ex(i \vee s)) \vee ((Int \leftrightarrow Nar(i \vee s))))$. Автор, будучи ориентирован силогистической теорией Аристотеля, разрабатывает технологию классификации учебного процесса по индивидуально-конструктивному/деструктивному и аналогичному социальному конструктивно/деструктивному принципам, усложняя структурное целое, с одной стороны, указанием на целесообразность/нецелесообразность для конструктивности/деструктивности (со стороны организаторов учебного процесса), с другой же стороны, анализом этих процессов в проекции воздействия протекания интимного измерения человеческого мышления на формирование личности. Эксплицитное руководство по следующей концепции и минимизация возможных погрешностей обуславливают использование, в первом случае, методов трёхмерной геометрии, во втором же случае, метода исчисления предикатов. Характеристика всех переменных внутри общей классификации образовательного процесса включается в себя 16 модусов.

Abstract: The article undergoes a thorough descriptive analysis of $(F(s,i))$ the phenomenon of human social and individual existence in $(Rus-Ed-Sys)$ the sphere of modern Russian education, in relation to $(Exp \vee \vee Nar)$ expansion and narrowing (Int) of the intimate dimension of human thinking: $(F(s \vee \vee i)) \vdash (Rus-Ed-Sys) \vDash (Exp \vee \vee Nar) : \Leftrightarrow ((Int \leftrightarrow Ex(i \vee s)) \vee ((Int \leftrightarrow Nar(i \vee s))))$. The author, being guided by the syllogistic theory of Aristotle, develops a technology for classifying the educational process according to individually constructive/destructive and similar social constructive/destructive principles, complicating the structural whole, on the one hand, by indicating the expediency/inexpediency for constructiveness/destructiveness (on the part of the organizers of the educational process), on the other hand, by analyzing these processes in projections of the impact of the intimate

dimension of human thinking on personality formation. Explicit guidance on the following concept and minimization of possible errors lead to the use, in *the first case*, of three-dimensional geometry methods, *in the second case*, the predicate calculus method. The characteristics of all variables within the general classification of the educational process include 16 modes.

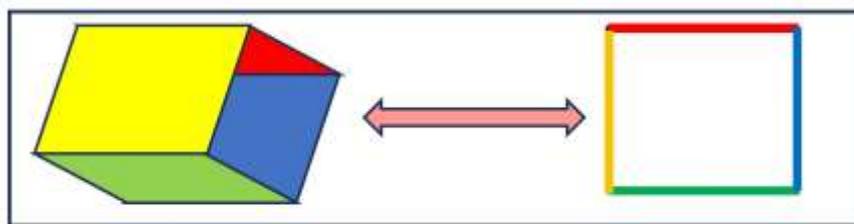
Ключевые слова: социальный лифтинг, естественные социальные лифты, искусственные социальные лифты, интеллектуальные традиции, медиа, образовательный процесс, тематизация учебного процесса, расширение сферы интимности, тематики учебного процесса, абстракции данных, инкорпорация мышления обучающихся в различные интеллектуальные традиции, вовлечённость обучающихся в образовательный процесс.

Keywords: social mobility, intellectual traditions, media, educational process, thematization of the educational process, expansion of the sphere of intimacy, topics of the educational process, abstraction of data, incorporation of students' thinking into various intellectual traditions, involvement of students in the educational process.

На сегодняшний момент существует огромное количество концептов образования, представляемых в различных в том числе в психологических парадигмах. *Например*, существует возможность отобразить феномен образования в целом как расширение сферы интимности, но сразу следует отметить, что этот процесс можно рассматривать *в общем случае*: в двух модусах, и *в частном случае*: как четыре модуса, исходя из чего педагог может, осуществляя расширение сферы интимности, реализовывать его: как (*K*) в конструктивном, так и (*D*) в деструктивном виде. Отобразим следующую мысль схематично:

Принципы организации учебного процесса и образовательной деятельности в целом			
Расширение сферы интимности	Расширение сферы интимности	Сужение сферы интимности	Сужение сферы интимности
Тип личности №1	Тип личности №2	Тип личности №3	Тип личности №4
+GD-	+PC+	-PD-	-GC-
Коллективно-деструктивный модус	Индивидуально-конструктивный модус	Индивидуально-деструктивный модус	Коллективно-конструктивный модус
Качественное снижение когнитивного статуса человеческого мышления	Количественное и качественное наращивание онтологических структур, относящихся и к когнитивному, и к формально-логическому принципу познания	Количественное сужение логических форм.	Проблематичен при реализации в условиях современного российского образования, однако последнее не значит, что он не может быть реализован на практике. Сужением же сферы интимности он зовётся по той простой причине, что речь идёт об усреднённом образовательном уровне
Модусы			

Таким образом в таблице выше фиксируются четыре личностных типа, которые (!!) по факту можно констатировать, если мы говорим *в том числе* о конкретном человеке.



Иными словами, при глубинном детальном анализе мы видим человеческую личность как «след» от этих четырёх образовательных моделей. Т.е. каждый человек проходил свою собственную социализацию как «экстраполируемый», или как «аппроксимируемый» познающий субъект к этим четырём плоскостям, поскольку невозможно полностью сказать, что одна из этих моделей [4-х модусов] полностью аппроксимировала к себе человека, но все мы проходили мимо этих четырёх плоскостей будучи аппроксимированы больше к двум из них. И одна из них оказала на нас большее влияние.

По следующему принципу можно отобразить формулу человеческой личности, которая в чём-то будет «схожа» с уравнением человеческого поведения у Курта Левина. В данном случае сравни:

Уравнение человеческого поведения у Курта Левина $B=f(P,E)$	Формула протекания человеческой социализации у Гришина А.А. $S = P(x) \cdot (P: ((+GD-)^{\wedge}(+PC+)^{\wedge}(-GD-)^{\wedge}(-GC-)))$
--	--

Посему уместно сказать, что (А) первый **плюс** в модусе указывает **на расширение сферы интимности**, как минус на её сужение, а (Б) второй **плюс** в наименовании модуса указывает **на конструктивный статус** (либо сужения, либо расширения) [$\langle + \rangle \neq C$], в то время как минус указывает на деструктивный статус (либо сужения, либо расширения) [$\langle - \rangle \neq D$]. (И в данном случае речь идёт о том, как эту конструктивность – или целесообразность – видит сам педагог). Исходя из внимательного прочтения следующей информации, у нас получается больше, чем четыре модуса, которые рассматриваются нами как наш субъективный опыт и как «эталон» возможных задаваемых стратегий в образовательной среде современного российского образования. («Эталон» пишем в кавычках, так как у нас имеется (в четырёх модусах) деструктивное сужение, и деструктивное расширение сферы интимности (реализуемое по индивидуальному и по коллективному принципам). Сейчас же укажем на все имеющиеся модусы организации учебного процесса по таблицами истинности:

Воображаемые модусы (Imaginary modes)			
<i>(Полученные методом исчисления предикатов)</i>			
<i>Деструктивные модусы</i>	<i>Конструктивные модусы</i>	<i>Деструктивные модусы</i>	<i>Конструктивные модусы</i>
-GD-	-GC+	+GD-	+GC+
-PD-	-PC+	+PD-	+PC+
Сужение сферы интимности		Расширение сферы интимности	

Первый минус – указывает на сужение сферы интимности;
Первый плюс – указывает на расширение сферы интимности;
Первая Буква G – указывает на коллективный статус (расширения/сужения) интимности;
Первая Буква P – указывает на индивидуальный статус (расширения/сужения) интимности;
Вторая буква D – указывает на деструктивный статус познания (в данном случае модус познания);
Вторая Буква C – указывает на конструктивный статус познания (в данном случае модус познания).
Второй плюс – указывает на целесообразность (сужения/расширения) сферы интимности (*).
Второй минус – указывает на нецелесообразность (сужения/расширения) сферы интимности (**).

(*)/(**) – Целесообразность/нецелесообразность [как второй плюс/минус] мыслится со стороны педагогов. «Если уместно так выразиться, то «второй плюс» или «второй минус» это сам педагог или его позиция по поводу интимности в целом, а точнее в отношении того, как он её «желает» расширять или сужать. (При этом личностные деформации могут свидетельствовать (X) и о самом педагоге, (Y) и о положении «попадающего под эти жернова» обучающегося).

Хотя, первоначально, не верится в их подлинность – особенно учитывая те факты, которые мы наблюдаем в современном российском образовании – однако не плохо бы «проверить», т.е. даже в «фантазмагорическом» виде как бы «выявить» их уместность и в России, и в мире в принципе, и вообще, как реализуемую онтологическую возможность или невозможность. Конечно же, если мы моделируем все следующие отношения как возможные и как уместные получается уже далеко не «плоскостная квадратура», а «восьмиугольная плоскостная структура с отверстием внутри» или, выражаясь более научно «перфорированный восьмиугольник».



В последнем случае мы видим восемь личностных типов по «перфорированному восьмиугольнику», что, в свою очередь, значительным образом расширяет социально-ролевую личностную модель. И для этой модели – если мы мыслим познающего субъекта внутри неё – точно также (как и по плоскостной квадратуре) характерны и (X) аппроксимация к одной из её плоскостей, и (Y) соответствующая ей экстраполяция от других.

Возможность личностной типологии посредством классификации из четырёх модусов

В данном случае уместно отметить, что познающий субъект «проходя» через те или иные образовательные «стандарты» осуществляет конструктивное наращивание онтологических (а именно когнитивных и формально-логических) структур или же деструктивное их фактическое «уничтожение». И как справедливо отметил Аристотель в формулировке закона непротиворечия «невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и то же отношении [1, с. 125]» (перевод А.В. Кубицкого). (Сравни перевод П.Д. Перова и В.В. Розанова: ««невозможно, чтоб одно и то же было присущим и не было присущим одному и тому же, и притом в одном и том же

отношении» [2, с. 129]). Исходя из последнего применительно к типологии личности можно говорить о том, что образовательный процесс представляет из себя ($a \vee \vee b$) либо расширение сферы интимности, либо её сужение у современных обучающихся. И в данном случае предлагаемое логическое отношение характеризуется контрарным логическим отношением, хотя «теоретически» его можно абсолютизировать до *как бы* контрадикторного.

+GD-: Расширение сферы интимности мыслится не как ($\neg X$) укрупнение внутренних онтологических структур, а как (X) вынесение за пределы личностного внутренних онтологических структур без фактического предупреждения «предпочитаемого обучающегося» об этом. Уместно также говорить о нарочитой коллективизации «интимного» со стороны наёмных работников учителей, воспитателей и преподавателей. Следующим образом функционирует **коллективно-деструктивный модус** организации учебного процесса.

+PC+: Расширение сферы интимности (A) затрагивает внутренний мир человека и (B) определяет его самость посредством задействования внутренних репрезентативных систем. Говорить об аппроксимации современной образовательной системы в РФ к этому типу организации учебного процесса в настоящее время, *на наш взгляд*, преждевременно. Анализ же предпосылок к последнему уместен при сопоставлении таких понятий как (μ) медиа и (E) современное российское образование в едином конгломерате (I) государственной идеологии: $[(\mu \wedge E) \leftrightarrow I]$. Чего мы коснёмся чуть позже.

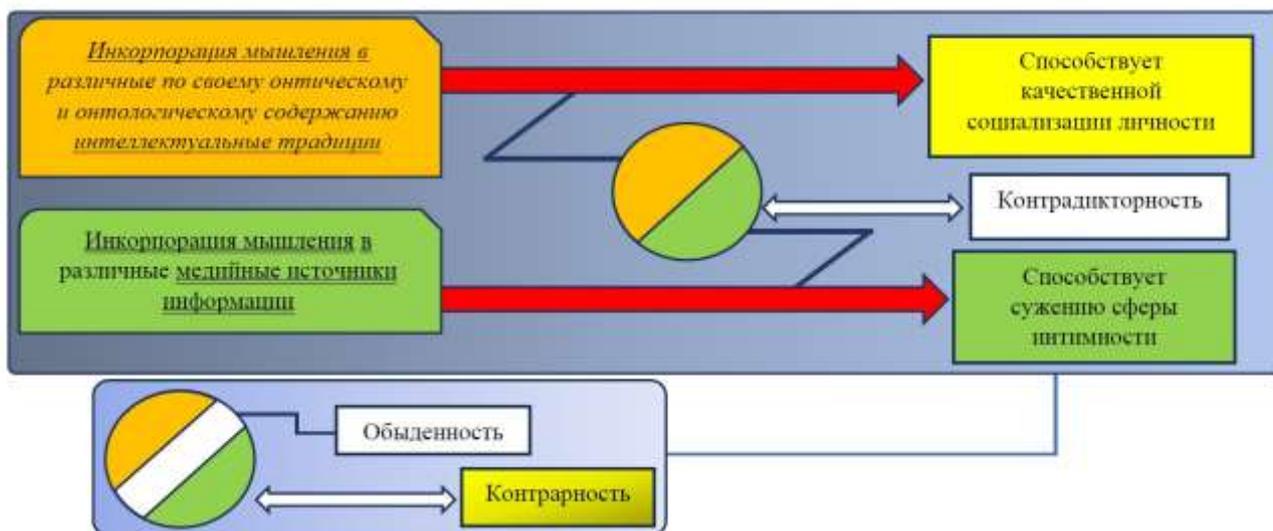
-PD-: Сужение сферы интимности индивидуально-личностного, *безусловно*, не относится ни то, чтобы к психопрофилактическим мероприятиям [в предметных рамках организации учебного процесса], но совсем наоборот противоречит им. Технологически речь идёт о сокращении логических форм в целом, если мы говорим об оперировании с информацией, поэтому непрофессиональные педагоги (*сами того не ведая*) могут реализовывать этот принцип на практике, если в рамках учебного процесса излагаемый материал не отображается в комбинировании ($X1$) простых, сложных, условных и разделительных суждений с инкорпорацией (*по онтологической возможности*) последних в ($X2$) дедуктивные, индуктивные, условные, разделительные и условно-разделительные силлогизмы. Также речь может идти и об умозаклчениях по аналогии. Но нужно также понимать, что перегруз абстрактно-логического мышления – *формируя ноуменально-негативный опыт* – может формировать устойчивое нежелание со стороны обучающихся оперировать с логически структурированной информацией.

-GC-: Сужение сферы интимности: *Сам по себе* в терминологическом плане проблемен: Речь в данном случае идёт о сужении репрезентативных онтологических структур *как бы в угоду* коллективному усреднённом уровню. Несмотря на конструктивный модус обозначен в четвёртом личностном типе как сугубо **отрицательный**, поскольку коллективное начало всегда противоречит индивидуальному. И, хотя мы мыслим в данном случае контрарные логические отношения (*отношения противоположности, подразумевающие нечто среднее*) тем не менее исходя из идеологических противоречий в современной России определяем его как негативный.

Характерным замечанием может являться то, что в лингвистическом дискурсе выделяют даже тактики интимизации беседы – впрочем весьма характерные (!!) в том числе и для мышления русских людей. «В русскоязычной лингвокультуре налицо четкое разграничение скриптов общения в узком кругу и с посторонними людьми. В деловом общении русские коммуниканты довольно официальные, а общение со своими характеризуется высокой степенью интимности и доверительности» [4, с. 86]. Аналогичным образом можно утвердительно умозаключить: «по степени интимности можно провести разграничение между общепринятыми и семейными ритуалами [5, с. 17]».

Онтологическая пропасть между (А) современными медиа в России и (Б) современной образовательной системой в РФ.

Вне-онтологический статус современной российской культуры характеризуется противоречиями между (*Su*) медийной и (*Se*) образовательной онтологическими ситуациями как таковым. Последнее уместно, если мы говорим о гражданских характеристиках мышления современного россиянина. Онтологический же статус двух выше обозначенных переменных задаётся как раз их тождеством. Мы же видим его отсутствие, что может быть обозначено как «трагедия современного российского общества». При этом современные обучающиеся находятся, что называется, целиком и полностью в медийной культуре, даже если последние «отключены» от СМИ их коллеги, то есть сама студенческая среда этого сделать не может. Графически же мы можем наметить следующие образовательно-технологические решения:



И в данном случае мы видим проблему «2 против 1»: у современных обучающихся два нестрого-дизъюнктивных выбора – **обыденность или медиа**; и один строго дизъюнктивный выбор – **интеллектуальные традиции**. В любом же из случаев мы имеем дело с конъюнкцией этих переменных, однако как показывает практика в 99,99 % всех случаев обучающиеся выбирают обыденность и медиа, недопонимая онтологический статус, например философии (или например, логики) как интеллектуальной традиции даже с не многовековой традицией, а с более чем с двухтысячелетней вековой традицией.

Верификационный статус противоречивых формально-логических отношений – в философском смысле – может быть рассмотрен как соотношения (A) онтологии и ($\neg A$) не-онтологии. И в последнем случае медиа будут характеризоваться той *ГиперРеальностью*, которую они задают. Соответственно, в нашем дискурсе мы можем «продвигаться» аппроксимируясь или же экстраполируясь:

Аппроксимация ≠ Экстраполяция			
Реальность	Онтология	ГиперРеальность	Не-онтология
$GP \rightarrow P$	$\neg A \rightarrow A$	$P \rightarrow GP$	$A \rightarrow (\neg A)$
Конструктивный модус		Деструктивные модусы	
+PC+		+GD-	-PD- -GC-
Подлинное бытие		Неподлинное бытие или ГиперРеальность	
Способы протекания социализации			

Следующие отношения уместно также рассматривать, если мы говорим о цифровизации российской системы образования: для последней также возможны два выше обозначенных варианта.

При всём при этом не совсем корректно говорить о том, что современное российское образование в настоящий момент представляет из себя «расширяющуюся сферу интимности». Это далеко не так. Уместней скорее констатировать обратное, т.е. речь идёт о противоположной тенденции. И ($\neg G$) ни глобализация, ($\neg D$) ни цифровизация не могут оказать на эти процессы существенное влияние, но мы – педагоги – фактически фундируем условия, связанные с раскрытием внутреннего интимного мира самих обучающихся. Таким образом две последние тенденции ($G \wedge D$) являются условием и формой; и они не могут, что называется, на местах задать содержание образовательного процесса по следующим модусам: $[(GD-) \vee (+PC+) \vee (-GD-) \vee (-GC-)]$.

С эпистемологической точки зрения проблемой в данном случае является то, что в современной образовательной среде в России отсутствуют метамодел тех тематик, которые позволяют морфологические структуры отображать в качестве классов некоторого *МетаКласса*. Т.е. мы говорим скорее о тематическом кризисе, который разворачивается в современной системе образования в РФ. Следующая тупиковая ситуация заключается как раз в том, что (X) возможности экстенсивного развития онтологических структур – связанных внутрличностным развитием – редуцируются на основании отсутствия тематик для задавания последнего в современном российском образовании. При этом профессорско-преподавательский состав действующих кафедр может на семинарских и лекционных занятиях обращаться, например, к различным теориям личности (или к другим теориям), однако сами по себе тематики (или рубрики мышления) не будут «гарантировать» «подключённость» обучающихся к тем или иным интеллектуальным традициям.

Казалось бы, тематики есть	→	А подключённости обучающихся к интеллектуальным традициям нет
----------------------------	---	---

Поэтому и уместно констатировать, что подобных тематик в современном российском образовании попросту нет. Преподаватели самостоятельно решить эту проблему

вне методологического руководства» извне «не могут», и что более примечательно, мы имеем тематики сами по себе как классификации (!) (подчёркиваем) вне их дискурсивного сопровождения, что, в свою очередь, требует более детальной абстракции данных, и кроме всего прочего, специалистов с подготовленным мышлением, которые могут эти абстракции (данных) обрабатывать. Поэтому, как подчёркивалось ранее, проблема не в отсутствии возможности, которая как раз есть, а в отсутствии абстракции, которая бы мы могла эту возможность, что называется, «вывести» из зоны онтологической редукции. При этом есть одно из технологических решений этого вопроса: «В частности, педагогам дисциплин социально-гуманитарного цикла следует включить в свои семинарские занятия задания, в рамках которых обучающиеся учились бы оперировать с понятиями, содержащими продолжительные абстракции [3, с. 50]», что в свою очередь может позволить выйти мышлению обучающихся на уровень метамоделей.

Также следует предостеречь реципиентов следующих идей от неправильного их истолкования. Считаем, что расширение сферы интимности до уровня коллективного сознания намного опаснее – и является анти-психо-профилактическим мероприятием – чем инкорпорация мышления обучающихся в медийную среду. В данном случае, мы имеем в виду, что расширение сферы интимности должно «реализовываться» по нравственному, т.е. сугубо индивидуальному сценарию. И, конечно же, мы понимаем, что в данном случае «единого» для всех [обучающихся] сценария быть не может, но «говорим» лишь о том, что к различным тематикам учебного процесса могут быть применены различные абстракции – которые в данном случае можно назвать формами дискурса – которые, фактически, будут, что называется, «гарантировать» подключённость мышления обучающихся к различным интеллектуальным традициям. Последнее также «с лёгкой руки» можно «назвать» образовательной технологией. Именно вовлечённость обучающихся не только в образовательный процесс, но и – мы подчёркиваем – инкорпорация мышления последних в различные интеллектуальные традиции: в последующем «гарантирует» передачу тематических знаний последующим поколениям, и, как следствие, будет (!!) несомненно «способствовать» реализации социальных лифтов со стороны последних [обучающихся].

Для упрощения понимания выше озвученных мыслей, прибегнем к следующей графической схеме:



Но, конечно же, онтологически корректно «рассмотреть» образовательный процесс и как расширение сферы интимности – реализуемое по принципу – «околлективизирования» научных и философских знаний, как это было *отчасти* реализовано *определённым образом* в СССР. В данном случае – нам бы не хотелось упрощать тематики и прибегать к *довольно-таки «широким»* обобщениям – в 90-е и 2000-е гг. не было «реализовано» на практике (!) *так как бы этого «хотелось»* серьёзной «передачи» научных и философских знаний последующим поколениям – *и да простят нас за это историки, вследствие опять же «широких обобщений» (без значительных однородных членов)* – из чего мы делаем вывод, что «передача знаний» возможна (!) не вследствие её тематизации в естественном языке, а вследствие «подключённости» познающих субъектов к интеллектуальным традициям как таковым. (!) Соответственно, **абстракция тематик учебного процесса** – с помощью соответствующих методологических решений – позволяет это реализовать на практике [учебного процесса].

Краткий дескриптивный анализ воображаемых модусов

Таким образом, сужение сферы интимности – это невозможность обучающихся использовать различные репрезентативные модели при воспроизводстве некоторой информации. Целесообразность же сужения сферы интимности мыслится как негативное понятие: $\neg(-GD+)$; $\neg(-PD+)$, целесообразность же расширения сферы интимности по коллективному принципу также рассматривается как негативное понятие: $\neg(+GD+)$; к слову сказать следующего модуса нет в 8ми воображаемых модусах, а именно: после буквы D всегда идёт знак минуса (в таблице из 8ми модусов), что лишний раз свидетельствует об отсутствии целесообразности «на деструкцию», однако это вовсе не значит, что последнее не может быть помещено в классификацию предметного содержания и (А) идеологических систем, и (Б) образовательных систем в целом. (В общей классификации теперь 10 модусов). Иными словами, нецелесообразность расширения сферы интимности $+GD-$ по коллективному

принципу *контрадикторна* её сужению $\boxed{-GD+}$. Выражаясь более корректно, «**на коллективность**» нет ничего «положительного» в следующей концептуализации (опять же руководствуясь нашими воззрениями, обозначенными в 4-х модусах). Схематично же имеется два коллективно-конструктивным модуса, реализованного по принципу сужения: $\boxed{-GC+}$ и по принципу расширения сферы интимности: $\boxed{+GC+}$ (в самой общей классификации 4). И это неслучайно ведь, когда нам необходимо сойтись с кем-то: $\boxed{+GC+}$ или с кем-то разойтись: $\boxed{-GC+}$ мы, соответственно сужаем $\boxed{-}$ или расширяем $\boxed{+}$ свою интимность (речь идёт о первом плюсе в данном случае). В самой же общей классификации у нас получается 16 модусов: $((-/-)\wedge(-/+)\wedge(+/-)\wedge(++)) \cdot (GC)\wedge(GD)\wedge(PC)\wedge(PD)=16$. Сразу отметим, что целесообразность и нецелесообразность (второй плюс в модусе) не всегда будет фиксировать (!) адекватный статус познания, но, тем не менее (!) **в последнем случае уместно говорить о наиболее полной классификации сборок образовательных систем**, если мы говорим о таких понятиях как «коллектив», «индивид» и «интимность».

Хоть ранее и отмечалось, что классификация из следующих модусов может характеризовать в целом человеческую личность (А) её становление, и соответственно, во многом, её не столько деградацию, сколько (Б) её деформацию *следует отметить, что классификация из 16 модусов:*

$$\boxed{((-/-)\wedge(-/+)\wedge(+/-)\wedge(++)) \cdot (GC)\wedge(GD)\wedge(PC)\wedge(PD)=16}$$

является наиболее полной моделью того, каким современное российское образование не должно быть.

Онтологический вывод из озвученных ранее теоретических обобщений.

Наиболее конструктивным *поистине онтологическим* модусом в данном случае будет являться именно **индивидуально-конструктивный модус:** $\boxed{+PC+}$. Естественно, оперируя с понятием социальный лифтинг, уместно говорить о том, что естественные социальные лифты реализуются без помощи извне, а искусственные социальные лифты возможны при необоснованном завышении заслуг того или иного сотрудника компании или культурного учреждения. Инкорпорация мышления обучающихся в различные интеллектуальные традиции *сама по себе* позволяет говорить о том, что активная вовлечённость обучающихся в образовательный процесс формирует (А) и *сами по себе* новые тематики учебного процесса, и (Б) отображение последних на уровне *различных* метамоделей, *возможное в естественном языке с помощью инвариантного категориально-терминологического аппарата*. Считаем, что абстракции данных – *выражаемые в естественном языке как метамоделей тематик учебного процесса* – позволяют говорить о том, что [S есть P] (S) интеллектуальные традиции *различного содержания* в сфере российского образования (P) обладают онтологическим статусом.

Уместно также констатировать, что современные медиа вряд ли будут конфигурированы по индивидуально-конструктивному модусу, поскольку это противоречит (х) и их онтологической структуре, и тем, назовём их, (у) «*идеологическим*» задачам, которые они выполняют в современном обществе. Характерным же здесь является тот факт, что организация учебного или образовательного процесса по индивидуально-конструктивному

модусу **+РС+** противоречит (X) принципу расширения интимности в медиа и (Y) его трансляции *в целом* по сравнению с онтологически корректным образованием. *Также считаем, что пока что рано говорить о том, что тематизация учебного процесса в современных медиа в принципе возможна, исходя из озвученного чуть ранее тезиса: расширение сферы интимности чаще неконструктивно, чем конструктивно в положительном – т.е. целесообразном – виде.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика. Перевод с греческого П.Д. Первова и В.В. Розанова. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 1. – М.: «Мысль», 1976. – 550 с.
3. Гришин А.А. Ноуменальные и феноменальные способы обозначения онтологического опыта применительно к организации учебного процесса в высшей школе // Трансценденция бытия: идеалы познания истины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 25 апреля 2024 г. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, 2024. – С. 44-55.
4. Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: Диссертация на соискание уч. степ. канд. филологических наук. – Волгоград, 2005. – 197 с.
5. Моторина Н.В. Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии: Диссертация на соискание уч. степ. канд. филологических наук. – Волгоград, 2013. – 184 с.

REFERENCES

1. Aristotle. Metaphysics. Translated from the Greek by P.D. Pervov and V.V. Rozanov. – Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2006. – 232 p.
2. Aristotle. Essays in four volumes. Vol. 1. Edited by V.F. Asmus. – M.: Mysl, 1976. – 550 p.
3. Grishin A.A. Noumenal and phenomenal ways of designating ontological experience in relation to the organization of the educational process in higher education // Transcendence of being: ideals of knowledge of truth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 25, 2024. – Voronezh: Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov, 2024. – Pp. 44-55.
4. Moseyko A.A. Etiquette models of behavior in British and Russian linguistic cultures: Dissertation for the degree of candidate of Philological sciences. – Volgograd, 2005. – 197 p.
5. Motorina N.V. Linguistic and cultural scripts of traditional communicative behavior in Russia and England: Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. – Volgograd, 2013. – 184 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_99-107

УДК 159.9.072

**К ВОПРОСУ О ДИХОТОМИИ РЕЛИГИОЗНОГО И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО
(ФИЛОСОФСКОГО) МИРОВОЗЗРЕНИЙ. ВЗГЛЯД НА ПАТРИОТИЗМ
O THE QUESTION OF THE DICHOTOMY OF RELIGIOUS AND PSYCHOANALYTICAL
(PHILOSOPHICAL) WORLDVIEWS. A VIEW OF PATRIOTIS**

Семьнина Е.В., преподаватель

Романихин А.Р., студент

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Semykina E.V., teacher

Romanikhin A.R., student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в статье затрагиваются вопросы, касающиеся разных позиций и взглядов в отношении религии, исследуется противопоставление и сходство мировоззренческих религиозных и психоаналитических взглядов. Исследуется вопрос поиска смыслов существования в современной действительности исходя из двух разных позиций. Освещаются возможности внутренней и внешней опоры на ценности, установки – культурные, религиозные, философские. Обозначается психоаналитический взгляд на возникновение религии, необходимость данного явления как функции всемогущего, принимающего, защищающего справедливого отца. Религия рассматривается во взаимосвязи с патриотизмом. Рассматриваются религиозные доминанты патриотизма в христианстве, исламе, буддизме.

Abstract: the article deals with issues related to different positions and views on religion, explores the opposition and similarity of ideological religious and psychoanalytic views. The article examines the issue of searching for the meanings of existence in modern reality based on two different positions. The possibilities of internal and external reliance on values, attitudes – cultural, religious, philosophical - are highlighted. The author defines a psychoanalytic view of the emergence of religion, the necessity of this phenomenon as a function of an omnipotent, accepting, and protecting just father. Religion is considered in relation to patriotism. Religious dominants of patriotism in Christianity, Islam, and Buddhism are considered.

Ключевые слова: психоанализ, религия, смыслы для существования, культурно-исторический контекст, традиции, обряды и ритуалы, религиозные представления, роль отца, религиозное мировоззрение, психоаналитический взгляд на религию, патриотизм, гражданская позиция, единство, национальная идентичность.

Keywords: psychoanalysis, religion, meanings for existence, cultural and historical context, traditions, rituals and rituals, religious beliefs, the role of the father, religious worldview, psychoanalytic view of religion, patriotism, citizenship, unity, national identity.

Мы никогда не бываем более незащитными перед страданием, чем когда любим, никогда не бываем более безысходно несчастными, чем когда теряем объект любви или его любовь.

З. Фрейд «Неудобство культуры»

Начать эту статью, как ни странно, мне хочется с отсылки к работе Эриха Фромма «Психоанализ и религия», написанной еще в 1949 г. Возможно для того, чтобы в очередной раз обратить свое внимание на то, что некоторые вопросы для человека, личности, да и для человечества в целом, всегда будут актуальными.

Поиск смыслов для существования, поиск оправдания для своих поступков, поиск истины – вечная тема для человека, пожалуй, со времен возникновения Homo sapiens как вида, обреченного на свое дальнейшее развитие благодаря формированию у него как у «высокоорганизованной живой материи» такого свойства, как психики.

«Никогда еще человек не подходил так близко, как сегодня, к осуществлению своих самых заветных надежд. Наши научные открытия и технические достижения приближают время, когда стол будет накрыт для всех голодных, когда человечество преодолет разобщенность и станет единым... Человек создал новый мир, со своими законами и своей судьбой. Оглядывая свое творение, он может сказать: воистину, это хорошо. Но что он скажет в отношении самого себя? Приблизился ли он к осуществлению другой мечты человеческого рода – совершенству самого человека? – Человека, любящего ближнего своего, справедливого, правдивого и осуществляющего то, что он есть потенциально, как образ божий?» [8, с. 7].

С тех пор прошло 76 лет. Но что изменилось? Контекст? Пожалуй, да. Социокультурный, культурно-исторический контекст.

Возможно, наши взгляды субъективны, но они есть, а значит, имеют право на существование. Нестабильная ситуация в мире, невероятная скорость изменений, происходящих в технологических областях, да и во многих других, объем и скорость информации, с которой человек ежедневно соприкасается в совокупности с попыткой определить, а что же является правдой, – нелегкая задача.

Как справляться в такой ситуации, да так, чтоб не просто «отбрасывать» лишнее, и не погружаться в бесконечный стресс, проваливаясь регулярно в депрессивные эпизоды? Нужна опора. Внутренняя, прежде всего, та, что составляет наше Я, наши ценности, взгляды, установки. Мораль и нравственность, этика (поведения). Или внешняя, та, что дает нам возможность чувствовать себя частью чего-то большого, сильного, могущественного, будь то национальная принадлежность, в совокупности с семейственностью и традициями, обрядами и ритуалами, национальным и культурным кодом, национальной идентичностью, или религиозная принадлежность – Христианская вера. Да, с позиции мировоззренческой, возможно мы увидим здесь дихотомичность, есть разум, а есть «слепая» вера. Но с позиции человека, ищущего смыслы и опору – здесь есть нечто общее.

Наша национальная принадлежность много веков была тождественна христианской принадлежности. Это сильно «впечаталось» и в наш культурный код, в наш «великий и

могучий» русский язык. В своей статье ранее мы отмечали, «насколько важен язык в контексте системообразующих символов, речь как формирующий инструмент, в выкристаллизации менталитета нации, страны, особенно в наше непростое время. Неоспоримо их влияние на «ценности – принципы личного и группового восприятия в социальных ситуациях»; способы, посредством которых через интеллектуальные и аффективные реакции происходит освоение мира; с одной стороны, складывающаяся, а с другой – формирующая культура; те формы поведения, которые будут приемлемы или отвергнуты (поведенческие установки, стереотипы); «социальные представления – мир мнений социальных групп» [6, с. 93].

Возвращаясь к работе Э.Фромма, снова возьму цитату: «Мы цепляемся за мысль, будто мы счастливы; учим детей, что наше поколение прогрессивнее любого другого, жившего до нас, что рано или поздно ни одно наше желание не останется неисполненным и не будет ничего недостижимого... Но услышат ли наши дети голос, который скажет им, куда идти и зачем жить? Каким-то образом они чувствуют, как и все человеческие существа, что жизнь должна иметь смысл, – но в чем он заключается? ... Они тянутся к счастью, истине, справедливости, любви, преданности; но можем ли мы ответить на их вопросы? Мы столь же беспомощны, как и дети... Мы притворяемся, будто наша жизнь имеет надежный фундамент, и не обращаем внимания на преследующие нас беспокойство, тревогу, замешательство. Для одних выход – в возврате к религии: не с тем, чтобы уверовать, но, чтобы спастись от невыносимого сомнения; они решаются на это не из благочестия, но ради безопасности... либо – религия, либо – образ жизни, где мы проявляем заботу лишь об удовлетворении инстинктивных нужд и о материальном комфорте» [8, с. 10].

Великий исследователь и выдающийся психоаналитик З. Фрейд в своей работе «Будущее одной иллюзии» [7, с. 120], рассуждая о причине сильнейшего влияния на человечество религиозных представлений, задаваясь вопросом: «в чем состоит внутренняя сила этих учений, какому обстоятельству обязаны они своей действенностью, независимо от признания разума», говорит о психическом генезе этих представлений. «Выдавая себя за знание, они не являются подытоживанием опыта или конечным результатом мысли, это иллюзии, реализации самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний... пугающее ощущение детской беспомощности пробудило потребность в защите – любящей защите, – и эту потребность помог удовлетворить отец; сознание, что та же беспомощность продолжается в течение всей жизни, вызывает веру в существование какого-то, теперь уже более могущественного отца». Отметим, что сам Фрейд указывает, что иллюзия не является заблуждением, так как в основе ее – сильное желание: «...мы называем веру иллюзией, когда к ее мотивировке примешано исполнение желания, и отвлекаемся при этом от ее отношения к действительности, точно так же как и сама иллюзия отказывается от своего подтверждения» [7, с. 121].

В работе 1930 г. «Неудобство культуры» Фрейд пишет: «То, что религиозная потребность является производной инфантильной беспомощности и пробужденной ею тоски по отцу, кажется мне бесспорным», и что «религиозное утешение» есть лишь «очередной способ отвергать опасности, угрожающие Я со стороны внешнего мира». Получается, что

религия, как проявление общности, является неким компромиссным решением в попытке психического (аппарата) справиться с беспомощностью, этакий всеобщий невроз человечества.

Фромм говорит о том, что «метод Фрейда – психоанализ – сделал возможным самое тонкое и интимное исследование души». Благодаря своим техникам работы со сновидениями, фантазиями и свободными ассоциациями, «аналитик занимается теми же проблемами, что и философия, и теология – душой человека и ее исцелением». В этом Э. Фромм находит сходство профессий психоаналитика и священника. Примечательно, что очень часто и те, и другие интересуются и изучают основополагающие труды друг друга, тем самым обогащаясь. Он также показывает, что невозможно свести «отношения религии и психоанализа» к альтернативе «непримиримая противоположность – либо тождество интересов» и что «отношение между религией и психоанализом слишком сложно, чтобы его можно было втиснуть в эту простую и удобную альтернативу». Психоаналитик, как врачеватель человеческих душ, задается с человеком, обратившимся к нему, вопросом: «живет ли он в любви и мыслит ли он по истине».

Ж. Лакан, ссылаясь на работу Фрейда «Неудобство культуры» говорит об императиве, нравственной жизни и приносимыми в ее пользу жертвами, о сверх-Я как функции «свирепой фигуры». Это «указатели» на Всемогущего Отца, являющегося законом, справедливого и неминуемого, относящегося к регистру Символического, обязующего всех нас соблюдать долг ради того, чтобы заслужить его любовь [4].

Обратимся к религиозному мировоззрению, возвращаясь в контекст культурно-исторический, в нашу действительность. Возможно ли говорить о том, что религия для человека – это только внешняя опора, или наоборот, внутренняя?

Религия является чем-то, что объединяет, также, как общенациональная идея, государственная идеология, может служить опорой. Однако, например, в своей статье Гордякова О.В. опирается на психологические основания ученых, которые приводят аргументы в пользу того, что «воспитание патриотизма и подобные мероприятия могут способствовать возникновению авторитарного общества». В своем исследовании она разделяет понятия патриотизма и патриотического поведения.

Здесь же она обозначает, что в «истории философской мысли отношение к понятию патриотизма всегда было неоднозначным». Так, Л.Н. Толстой в работе «Патриотизм или мир» писал, «что массовый патриотизм особенно вреден русским людям, так как это чувство делает их зависимыми от власти» [2].

Попробуем посмотреть на религию во взаимосвязи с таким неоднозначным проявлением общественного сознания, как патриотизм. Исследует Артем Романихин.

Религиозные доминанты патриотизма. Патриотизм – это сложное и многогранное чувство, включающее любовь к родине, её истории, культуре, традициям и людям. Он проявляется в готовности защищать страну, участвовать в её развитии и стремиться к её процветанию. В истории человечества патриотизм часто переплетался с религиозными убеждениями, что формировало особую связь между верой и любовью к родине. В этой статье

мы рассмотрим, как религиозные доминанты патриотизма проявлялись в христианстве, исламе и буддизме, а также их влияние на национальную идентичность и общественные ценности.

Религиозные доминанты патриотизма в христианстве. Христианство с самого начала своего существования формировало у верующих глубокое чувство ответственности перед обществом и родиной. Основой христианского патриотизма является учение о любви к ближнему, которое распространяется не только на отдельных людей, но и на общество в целом. Апостол Павел говорил: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13) [1]. Это учение стало основой для понимания патриотизма как жертвенности и готовности защищать свою страну.

Одним из ярких примеров христианского патриотизма является жизнь святого князя Владимира, который принял христианство и способствовал его распространению на Руси. Его крещение в 988 г. стало поворотным моментом в истории России, объединив народ вокруг новой веры и укрепив государственные институты. Владимир понимал, что религиозная идентичность тесно связана с национальной, и стремился использовать христианство для укрепления единства и мощи государства.

Ещё один пример – святая княгиня Елизавета Фёдоровна, которая известна тем, что после революции 1917 г. посвятила себя благотворительной деятельности, помогая беженцам и пострадавшим от войны. Её жизнь и поступки стали символом христианского милосердия и патриотизма, объединяющего веру и служение родине.

Религиозные доминанты патриотизма в исламе. Ислам придаёт большое значение защите родины и выполнению обязанностей перед обществом.

Священные тексты ислама, такие как Коран и хадисы, содержат множество наставлений о необходимости защищать свою страну и народ. Пророк Мухаммед говорил: «Кто оставляет свою семью в опасности, тот не из нас» (хадис) [9]. Это учение подчёркивает важность ответственности каждого мусульманина перед своей общиной и государством.

Одним из наиболее ярких примеров исламского патриотизма является жизнь халифа Умара ибн аль-Хаттаба, который стал одним из первых и самых влиятельных правителей мусульманского государства. Умар был известен своей справедливостью, мудростью и преданностью родине. Он говорил: «Кто любит свою страну, тот любит Аллаха, а кто любит Аллаха, тот любит свою страну» [10]. Эти слова стали символом исламского патриотизма, объединяющего духовные и гражданские ценности.

Другой пример – жизнь Мухаммеда Али Джинны, основателя независимого Пакистана. Будучи мусульманином, он посвятил свою жизнь борьбе за создание исламского государства и защиту его интересов. Его патриотизм основывался на глубокой вере в исламские ценности и стремлении создать условия для их реализации в новом государстве.

Религиозные доминанты патриотизма в буддизме. Буддизм акцентирует внимание на внутреннем мире человека, духовном развитии и стремлении к гармонии. Однако это не исключает важности патриотизма, который в буддизме проявляется через заботу о

благополучии общества и стремление к миру. Буддисты верят в равенство всех людей и необходимость жить в гармонии с окружающим миром.

Одним из примеров буддийского патриотизма является жизнь Далай-ламы, который многие годы боролся за сохранение тибетской культуры и независимости Тибета. Он говорил: «Мир – это самое важное. Если мы сможем достичь мира внутри себя, мы сможем достичь мира во всём мире» [3]. Эти слова подчёркивают важность духовного и гражданского патриотизма, которые дополняют друг друга.

Ещё одним примером является деятельность Ачарья Дхаммаджая, буддийского монаха и социального реформатора, который посвятил свою жизнь борьбе за права человека и социальную справедливость. Его патриотизм проявлялся в стремлении улучшить жизнь людей и создать условия для их духовного и физического благополучия.

Итак, религиозные доминанты патриотизма играют важную роль в формировании национальной идентичности и общественных ценностей. В христианстве, исламе и буддизме патриотизм проявляется через разные призмы, но его суть остаётся неизменной – это любовь и преданность своей родине. Религиозные учения и примеры великих личностей показывают, что патриотизм может быть основой для духовного роста, социальной справедливости и мира. В современном мире, где глобализация и конфликты создают новые вызовы, важно помнить о значении религиозных доминант патриотизма, которые помогают людям объединяться и стремиться к лучшему будущему.

Резюмируя все вышесказанное, вот о чем хочется сказать.

Сегодняшняя реальность для нашего общества, по сути, является серьезным вызовом, как для каждого в отдельности, так и для государства в целом, государства с богатой историей, культурой, традициями и национальной идеей. Делая отсылку к Фрейдю, точнее к его идее о схожести феноменов индивидуальных и массовых, психолог и психоаналитик, доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор М.М. Решетников отмечает необходимость рассматривать каждого отдельного человека не как самостоятельного субъекта, а «...как члена племени, народа, касты, сословия, институции...» Долгое время глобализация как процесс неизбежной мировой интеграции влиял на нашу национальную идентичность, на всех в общем, на каждого в отдельности. В своей статье «Психическое здоровье в современном мире с точки зрения Нематериальной теории психики, или Кто является носителем психики и разума» М. Решетников говорит о том, что из других культур «на смену высоким принципам человеческого сосуществования явно приходят принципы товарного фетишизма и сакрализации материального успеха... У этой идеологии расчеловечивания есть реальные авторы и дирижеры ... источник этой идеологии находится не в исламском и не в православном мире, не в Китае и не в Индии, исповедующих качественно иные духовные ценности» [5].

В свою очередь Л.Б. Шнейдер в работе «Становление гражданственности: от равнодушия к вовлеченности» отмечает, что «человеку патриархальной культуры было легче приспособиться к наличному порядку вещей. Традиция закрепляла внутренний образ и способы реализации жизненных представлений. Когда в человеке пробуждается собственное

Я, оно властно отделяет его от ближайшего окружения. Но при этом независимость суждений и целеполагания способна перерасти в потерянность, вызвать ощущение невыносимой тревоги» [11].

Единство каждого отдельного человека с семьей, природой, культурой или религией, нацией «дает индивиду ощущение уверенности, что он принадлежит к какой-то целостной структуре, является частью этой структуры», что влияет на укрепление духа. И может быть, не так уж важно сегодня, какая именно идея из тех, в основе которых лежат стремление к счастью, истине, справедливости, любви, преданности, – будь то религия или национальная идея, самосознание или патриотическое чувство, станет той сакральной идеей, что поддержит в трудные времена, укрепит моральный дух, объединит наше общество посредством культурного кода, национальной идентичности и позволит снизить градус тревоги, прибавив уверенности в завтрашнем дне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурцев Д. Нет больше той любви // Журнал Фома. 13.06.2023. – URL: <https://foma.ru/net-bolshe-toj-ljubvi.html> <https://psy.su/feed/10300/> (дата обращения: 05.04.2025).
2. Гордякова О.В., Лебедев А.Н. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России / Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2017. – М., 2017. – С. 307-327 // Опубликовано в Психологической газете 12.12.2021. – URL: <https://psy.su/feed/9578/> (дата обращения: 12.04.2025).
3. Далай-лама. Буддийские учения о мудрости. – URL: <https://ru.dalailama.com/messages/transcripts-and-interviews/teachings/buddhist-teachings-on-wisdom/buddhist-teachings-on-wisdom-part-41> (дата обращения: 08.04.2025).
4. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60)). Пер. с фр. / Перевод А. Черноглазова. – М.: Издательство "Гнозис", Издательство "Логос". 2006. – 416 с.
5. Решетников М.М. Психическое здоровье в современном мире с точки зрения Нематериальной теории психики, или Кто является носителем психики и разума // Доклад в рамках 18-го Санкт-Петербургского саммита психологов. Опубликовано: Психологическая газета, 18.06.2024. – URL: <https://psy.su/feed/12354/> <https://psy.su/feed/10300/> (дата обращения: 10.04.2025).
6. Семынина Е.В., Романихин А.Р. К вопросу о взаимосвязи языка, речи, слова, мышления и формирования культурного кода // Трансценденция бытия: идеалы познания истины: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 25 апреля 2024 г. / отв. ред. О. Н. Квасов ; М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛТУ». – Воронеж, 2024. – 192 с.
7. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 15. Статьи по теории культуры. Т. 16 Статьи по теории культуры 2 / Пер. с нем. Андрея Боковикова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2020. – 336 с.
8. Фромм Э. Психоанализ и религия. Дзен-буддизм и психоанализ [перевод с англ. Д. Кралечкина, А.Александровой]. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 224 с.

9. Хазрат И. Семейные ценности в Исламе // Хазрат Ильшат. Имам мечети. Местная мусульманская религиозная организация пгт. Талинка. Газета «Наш Талинский», 30.04.2018. – URL: <http://admtalinka.ru/gazeta/index.php> (дата обращения: 05.04.2025).
10. Циклы уроков Адаб (этика) и суфизм Ихсан – основа духовного воспитания 4. Любовь к Всевышнему Аллаху. – URL: <https://azan.kz/durus/view/4-lyubov-k-vsevyishnemu-Allahu-3806> (дата обращения: 08.04.2025).
11. Шнейдер Л.Б. Становление гражданственности: от равнодушия к вовлеченности // Ежегодник научно-методологического семинара «Проблемы психолого-педагогической антропологии»: Сборник научных статей. Пятый выпуск. – Москва, 2015. – С. 43–53. Опубликовано в Психологической газете 12.06.2024. – URL: <https://psy.su/feed/10300/> (дата обращения: 10.04.2025).

REFERENCES

1. Burtsev D. There is no greater love // Foma Magazine. 06/13/2023. – URL: <https://foma.ru/net-bolshe-toj-ljubvi.html> <https://psy.su/feed/10300/> (date of access: 05.04.2025).
2. Gordyakova O.V., Lebedev A.N. Feeling of patriotism and types of patriotic behavior of young citizens of Russia // Psychological and psychoanalytic studies. Yearbook 2017. – М., 2017. Pp. 307-327 // Published in the Psychological Newspaper on 12/12/2021. – URL: <https://psy.su/feed/9578/> (date of access: 12.04.2025).
3. The Dalai Lama. Buddhist teachings on wisdom. – URL: <https://ru.dalailama.com/messages/transcripts-and-interviews/teachings/buddhist-teachings-on-wisdom/buddhist-teachings-on-wisdom-part-41> (date of access: 04/08/2025).
4. Lacan J. Ethics of Psychoanalysis (Seminars: Book VII (1959-60)). Translated from / Translated by A. Chernoglazov. – М.: Gnosis Publishing House, Logos Publishing House. 2006. – 416 p.
5. Reshetnikov M.M. Mental health in the modern world from the point of view of the Immaterial theory of the psyche, or Who is the carrier of the psyche and mind // Report within the framework of the 18th St. Petersburg Summit of Psychologists. – Published by: Psychological Newspaper, 06/18/2024. – URL: <https://psy.su/feed/12354/> <https://psy.su/feed/10300/> (date of access: 10.04.2025).
6. Semynina E.V., Romanikhin A.R. On the question of the relationship between language, speech, words, thinking and the formation of a cultural code // Transcendence of being: ideals of knowledge of truth : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 25, 2024 / ed. by O. N. Kvasov ; Ministry of Science and higher Education of the Russian Federation, VGLTU Federal State Budgetary Educational Institution. – Voronezh, 2024. – 192 p.
7. Freud Z. Collected works in 26 volumes. T 15. Articles on the theory of culture. T 16 Articles on the theory of culture 2 / Translated from German. By Andrey Borovikov. – St. Petersburg : East European Institute of Psychoanalysis, 2020. – 336 p.

8. Fromm E. Psychoanalysis and religion. Zen Buddhism and Psychoanalysis; [translated from English by D. Krachkin, A. Alexandrova]. – M.: AST Publishing House, 2018. – 224 p.
9. Hazrat I. Family values in Islam // Hazrat Ilshat. The imam of the mosque. The local Muslim religious organization of the village. Talinka. The newspaper "Our Talinsky", 30.04.2018. – URL: <http://admtalinka.ru/gazeta/index.php> (date of application: 04/05/2025).
10. Cycles of lessons of Adab (ethics) and Sufism Ihsan - the basis of spiritual education 4. Love for the Almighty Allah. Internet resource: – URL: <https://azan.kz/durus/view/4-lyubov-k-vsevyishnemu-Allahu-3806> (date of access: 04/08/2025).
11. Schneider L.B. The formation of citizenship: from indifference to involvement // Yearbook of the scientific and methodological seminar "Problems of psychological and pedagogical anthropology": Collection of scientific articles. The fifth issue. – M., 2015. pp. 43-53. – Published in the Psychological Newspaper on 06/12/2024. – URL: <https://psy.su/feed/10300/> (date of access: 04/10/2025).

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_108-113

УДК 630*812

**ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОТЕСТАНТСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ
ТРАДИЦИЙ**

THE INFLUENCE OF CHRISTIAN RELIGIOUS TEXTS ON THE FORMATION OF
SOCIO-POLITICAL LOYALTY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROTESTANT
AND ORTHODOX TRADITIONS

Беляев М.В., магистрант, РДОО «Новосибирская библейская богословская семинария», Новосибирск, Россия

Руссу А.В., кандидат технических наук, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия

Belyaev M.V., postgraduate student, RDOO "Novosibirsk Biblical Theological Seminary", Novosibirsk, Russia

Russu A.V., Candidate of Technical Sciences, FGBOU VO "Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov", Voronezh, Russia.

Аннотация: В статье рассмотрено влияние христианских религиозных текстов на формирование общественно-политической лояльности. Авторы сравнивают протестантскую и православную традиции и выявляют ключевые различия в интерпретации власти. Православие подчеркивает сакральность власти и концепцию «симфонии властей». Это способствует стабильности, но может легитимировать авторитаризм. Протестантизм делает акцент на условное подчинение власти и поддерживает право на сопротивление в случае несправедливости. Такая позиция поддерживает гражданское общество, но может вызвать конфликт с государством. На основе сравнительного анализа сделан вывод о необходимости баланса в современных обществах между традициями и свободой совести.

Summary: The article examines the influence of Christian religious texts on the formation of socio-political loyalty. The authors compare the Protestant and Orthodox traditions and identify key differences in the interpretation of power. Orthodoxy emphasizes the sacredness of power and the concept of a "symphony of powers." This promotes stability, but can legitimize authoritarianism. Protestantism emphasizes conditional submission to power and supports the right to resist in the event of injustice. This position supports civil society, but can cause conflict with the state. Based on the comparative analysis, a conclusion is made about the need for a balance in modern societies between traditions and freedom of conscience.

Ключевые слова: христианство, православие, протестантизм, лояльность, власть, государство, общество, патриотизм, религиозные тексты.

Keywords: christianity, orthodoxy, protestantism, loyalty, power, state, society, patriotism, religious texts.

Современный общественный контекст, характеризующийся различного рода конфликтами, отличается повышенным запросом на социальную стабильность и поиск инструментов разрешения противоречий на всех уровнях. В этой связи в процессе переосмысления ключевых общественных ценностей и кризисных явлений в системах государственного управления и преемственности власти особо выделяют религиозные тексты, представляющие собой значимый инструмент идеологического влияния и формирования лояльного отношения личности к обществу и государству [1].

Исторически религия играла одну из самых значимых ролей в вопросах легитимации власти, например монархов многих стран. Это влияние ощутимо и сегодня. Поэтому в условиях роста напряженности и экстремизма религиозные тексты способны смягчить остроту конфликта и направить энергию общества в созидательное русло, или наоборот обострить ситуацию до такого предела, когда она станет вообще непредсказуемой в своих последствиях. По этой причине даже в глубоко отстраненном от религии секулярном обществе люди продолжают поиск морально-нравственных ориентиров [2, 3].

Особое внимание сегодня обращено к христианским религиозным текстам. Христианские принципы и ценности, особенно такие как, любовь к ближнему, смирение, уважение к власти могут заполнить духовно-нравственный вакуум и существенным образом поспособствовать росту социальной гармонии, а также уменьшению различных протестных движений и настроений. Вот почему с целью укрепления гражданской лояльности во многих странах используют религиозные нормы.

Использование христианских религиозных текстов для формирования и укрепления гражданской лояльности затрагивает следующие проблемы. Во-первых, особенность этих текстов, вызывающая некую двойственность при их интерпретации и трактовке. Например, один отрывок Библии [4] (Римлянам 13:1-7) призывает к подчинению власти и в этом случае есть риск оправдания авторитаризма или подавления инакомыслия, а другой (Деяния 5:29) – к сопротивлению, если действия властей противоречат вере и религиозным убеждениям гражданина. И тогда не совсем ясно, кроме пассивного наблюдения, можно ли, оставаясь лояльным государству, критиковать его, например, относительно законов антихристианского содержания. То есть уже налицо конфликт между светским и религиозным. Во-вторых, на восприятие религиозных текстов накладываются различия в поколениях и национальные традиции. В-третьих, отсутствует простая процедура измерения того, как религиозные тексты влияют на политические взгляды.

Поскольку в отечественной наблюдается недостаток сравнительных исследований по влиянию конфессиональных традиций, в частности между православием и протестантизмом, на общественно-политические установки граждан, то гипотезой данного исследования является утверждение о том, что акцент на личной ответственности в протестантизме и православная трактовка иерархии власти как богоустановленного порядка формируют у

граждан равно высокий уровень общественно-политической лояльности и патриотизма, но по разным механизмам.

Вначале проведем анализ православной концепции «симфонии властей» и вопроса сакрализации власти. Термин «симфония» имеет глубокие исторические корни, поскольку это понятие введено византийским императором Юстинианом I еще в VI в. Это понятие представляет собой определенную модель гармоничного взаимодействия между светской властью и Церковью. Такое понимание опирается на принцип, сформулированный Евсевием Кесарийским о том, что священство и царство – это два божественных дара. Такое отношение к царству связано с трактовкой библейских текстов (Римлянам 13:1-7 и Матфея 22:21 [4]) о том, что представитель власти – это «Божий слуга», и существует четкое разграничение сфер влияния «Кесарю – кесарево». Поэтому Церковь и государство сохраняют независимость и автономность каждый в своей сфере: государство обеспечивает поддержание порядка, а Церковь – духовное окормление и заботу. При этом остается широкое поле взаимодействия и сотрудничества: вопросы морали и нравственности, образование, социальная политика. Такой подход обеспечивает понимание власти правителя в следующих аспектах: власть правителя сакральна, потому что она дарована свыше (харизматическая). Это выражено актом помазания на царство или чин венчания на царство. В свою очередь правитель несет ответственность за подданных в первую очередь перед Богом. Отсюда, кстати проистекает известная доктрина о том, что «Москва – Третий Рим» (XVI в.). Этот подход в целом сохранен РПЦ до настоящего времени, то есть Православие осуществляет поддержку светского государства, но при этом сохраняет за собой особую роль и выступает против «цезарепапизма», то есть поглощения Церкви государством [5].

Доктринальная позиция РПЦ используется для легитимации власти посредством религиозных ритуалов, например, освящение, и совместных мероприятий, а также для формирования идеологии «духовных скреп» и пропаганды духовных ценностей. «Духовные скрепы», как идеологическая конструкция, указывают на особый путь России с учетом традиций и религии. Такой консервативный подход может послужить прочной основой стабильности нашего общества, потому что даже нечестивые правители – это определенное «наказание свыше» за грехи народа. Отсюда даже если есть необходимость в критике власти, то только через духовное влияние, но ни в коем случае не бунт. Например, Сергей Радонежский, другие святые увещевали князей, но не призывали народ требовать реформ или свержению правителя [6]. Наоборот, они убеждали народ быть скромными и больше молиться за князей. В то же время известный факт, что старообрядцы предпочли смерть, но не согласились с реформами Никона.

Но такая доктринальная позиция РПЦ содержит и определенные риски, так как трактовка любой власти как «Богом данной» может служить оправданием авторитаризма. Отметим, что в нынешних условиях для светских государств характерно стремление к реализации принципа свободы совести, поэтому возникает классическое противоречие между светским и религиозным. Ведь на практике, если вспомнить синодальный период в России, симфония попросту превращается в подчинение Церкви государству. Кроме того, в

современных реалиях строительства демократических обществ, провозглашается, что власть исходит не «свыше», а от народа.

Таким образом, хотя концепция «симфонии» остается влиятельной в странах с доминированием православия и православной культуры, она нуждается в настройке и адаптации к условиям многообразия мнений и позиций. Безусловно, что сакральный аспект религии укрепляет легитимность власти, но при этом может препятствовать развитию гражданского общества. Поэтому необходим баланс между уважительным отношением к традициям и учетом современных политических реалий.

Протестантское движение неоднородно, но большинство протестантов сходится в том, что, несмотря на очевидное утверждение, что «всякая власть происходит от Бога», это совсем не означает, что любая конкретная власть богоугодная. То есть Всевышний допускает существование самых разных правительств, включая таких нечестивых, как, например, Навуходоносор или Кесарь, но не признает каждое их действие богоугодным. Таким образом, протестанты придерживаются того принципа, что христиане, конечно, должны уважать институты власти, но вовсе не обязаны слепо им подчиняться, если вдруг власть потребует нарушения божественных заповедей: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29, [4]). Если кесарь претендует на то, что принадлежит Богу, то его требования теряют легитимность: «Когда правители восстают против Бога, они теряют свой авторитет» [7]. То есть власть, творящая беззаконие, сама перестает соответствовать своему предназначению, данному свыше. Протестанты, выступая против анархии, настаивают на том, что церковь имеет право на духовное сопротивление, если власть открыто попирает Божий закон. Потому что задача власти выполнять функцию ограничения зла, но ни в коем случае не становиться тотальным контролером совести. Отсюда поощрение протестантской церкви для своих прихожан исправно платить налоги, но не подчиняться несправедливым законам, если они противоречат Писанию. Протестанты стремятся придерживаться баланса между подчинением власти и сопротивлением ей. Они провозглашают уважать власть как институт, но не обожествлять ее. В самом вопросе неподчинения власти протестанты действуют постепенно, чтобы действия в любом случае носили мирный характер. Они исходят из реформаторского принципа «меньшего сопротивления – избегать насилия, не бунтовать, но и не молчать»: сначала – переговоры и убеждение, легальные формы протеста, и только затем, когда все ресурсы и возможности исчерпаны, гражданское неповиновение. И совсем в крайних случаях тирании допускается даже свержение власти, как в Женеве XVI в. Женевская республика при Кальвине – это некий синтез церковной и гражданской власти, но с полным контролем над моралью правителей.

Сравнительный анализ концепции власти в православии и протестантизме указывает на различие историко-теологических оснований, несмотря на то, что исходный библейский текст один и тот же. Различается и отношение к государству: в православии правитель – «Божий помазанник», в протестантизме – «Божий слуга». Различные пределы подчинения и сопротивления: в православии – это увещание и молитва, в протестантизме – от мирного неповиновения до гражданских протестов, и только в самом крайнем случае свержение

тирании. В современном контексте православие обеспечивает идеологическую поддержку государства и сотрудничает в социальной политике, а протестантизм ориентирован на поддержки демократических процессов и защиту свободы совести.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы

1. Православие акцентирует на уважении к традициям, сакральности и поддерживает стабильность власти. Но при этом есть риск стать инструментом легитимации авторитаризма.

2. Протестантизм защищает свободу совести и отстаивает идею условного подчинения. Это способствует развитию гражданского общества, но может стать причиной конфликта с государством.

3. Обе традиции признают власть установленной Богом, но протестанты допускают её свержение при тирании, а православные – только духовное сопротивление.

Таким образом, наблюдаем следующий идейный парадокс:

– Сохранение православием «симфонии» может создавать ущерб автономии Церкви.

– Отвержение протестантизмом сакральности власти может привести к тому, что в Церкви произойдет слияние духовных и секулярных ценностей.

Отсюда закономерна рекомендация для современных обществ: соблюдать баланс между уважением к традициям и защитой свободы совести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. – М.: ИНИОН, 1991. – 20 см. – Вып. 2. – М.: ИНИОН, 1991. – 301 с.

2. Квасов О.Н. Парадигма российской цивилизации // Духовно-нравственное образование и патриотическое воспитание: традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 апреля 2023 г. / Отв. редактор О.Н. Квасов. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, 2023. – С. 207-211.

3. Сухоруких А.В. Кант и его российские современники: биографические и интеллектуальные эскизы // Трансценденция бытия: идеалы познания истины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 25 апреля 2024 г. – Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, 2024. – С. 5-13.

4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические с параллельными местами. – М.: Триада, 2007. – 925, 292 с.

5. Формирование социальной концепции Русской Православной Церкви в современной России: монография / А.В. Еремин; М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского». – Ярославль: Ярославский государственный педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2010. – 230 с.

6. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы / О.Е. Казьмина; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ист. фак. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. – 302 с.

7. Наставление в христианской вере = Institution de la religion chrestienne / Жан Кальвин; Пер. с фр. А. Д. Бакулов. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1997. – 24 см. – Т. 3. – Кн. 4 / Пер. с фр. и англ. Г.В. Вдовина, с англ. А. Д. Бакулов. – 1999. – 639 с.

REFERENCES

1. Works by M. Weber on Sociology, Religion, and Culture: [Translation] / USSR Academy of Sciences, INION, All-Union Interdepartmental Center for Human Sciences under the Presidium. – М.: INION, 1991. – 20 см. Issue 2. – Moscow: INION, 1991. – 301 p.

2. Kvasov, O. N. Paradigm of Russian Civilization // Spiritual and Moral Education and Patriotic Education: Traditions and Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 20, 2023 / Editor-in-Chief O.N. Kvasov. – Voronezh: Voronezh State Forest Engineering University named after G.F. Morozov, 2023. – P. 207-211.

3. Sukhorukikh, A.V. Kant and his Russian contemporaries: biographical and intellectual sketches // Transcendence of being: ideals of knowledge of truth: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Voronezh, April 25, 2024. – Voronezh: Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov, 2024. – P. 5-13.

4. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: canonical with parallel places. – Moscow: Triada, 2007. – Pp. 925, 292.

5. Formation of the social concept of the Russian Orthodox Church in modern Russia: monograph / A.V. Eremin; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, State Educational Institution of Higher Professional Education "Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky". – Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 2010. – 230 p.

6. The Russian Orthodox Church and the new religious situation in Russia: the ethno-confessional component of the problem / O.E. Kazmina; Moscow State University named after M.V. Lomonosov, History Department. – Moscow: Moscow University Publishing House, 2009. – 302 p.

7. Instruction in the Christian Faith = Institution de la religion chrestienne / Jean Calvin; Trans. from French by A.D. Bakulov. - Moscow: Publishing house of the Russian State Humanitarian University, 1997 – 24 см. – Vol. 3. – Book 4 / Translated from French and English by G.V. Vdovina, from English by A.D. Bakulov. – 1999. – 639 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_114-118

УДК 930.1

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ
THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY: THE EVOLUTION OF VIEWS

Мязин В.А., преподаватель кафедры
 социально-гуманитарных наук
 ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
 лесотехнический университет им. Г.Ф.
 Морозова», Воронеж, Россия

Myazin V.A., Lecturer of the Department of
 Social Sciences and Humanitie,
 Voronezh State University of Forestry and
 Technologies named after G.F. Morozov,
 Voronezh, Russia

Аннотация: В статье рассматривается феномен роли личности в истории в исторической ретроспективе. Выделяются различные периоды исследования этого феномена, даётся краткая характеристика взглядов выдающихся представителей каждого из этапов становления проблемы роли личности в истории. Особое внимание уделяется концепциям о влиянии личности на ход исторического процесса роли личности в истории, предложенных в XIX – начале XX вв.

Abstract: the article examines the phenomenon of the role of personality in history in historical retrospect. Various periods of research on this phenomenon are highlighted, and a brief description of the views of prominent representatives of each of the stages in the formation of the problem of the role of personality in history is given. Special attention is paid to the concepts of the influence of personality on the course of the historical process of the role of personality in history, proposed in the XIX – early XX centuries.

Ключевые слова: роль личности в истории, философия истории, гуманизм, фатализм, провиденциализм, рационализм, эпоха Просвещения, марксизм

Keywords: the role of personality in history, philosophy of history, humanism, fatalism, providentialism, rationalism, the Age of Enlightenment, Marxism

Исследование роли личности в истории можно условно разделить на два различных по длительности периода:

1. когда эта проблема ещё не выделялась в качестве самостоятельной в теории и философии истории (примерно до середины XVIII в.), но так или иначе поднимавшейся в литературе;

2. когда эта проблема стала самостоятельной (с середины XVIII в.) [1, с. 5].

Древние греки и римляне в большинстве своём смотрели на мир фаталистично, то есть предполагали, что судьба человека predetermined заранее. Поэтому тема предопределений и предсказаний, которые сбываются при любых раскладах, очень для них характерна. Такова история персидского царя Кира, будущее которого было предсказано его деду Астиагу во сне

[2, с. 107]. Такова же история легендарных братьев Ромула и Рема – основателей Рима [3, с. 3-4].

Наряду с фатальностью, античная мысль была ещё и гуманистической, то есть в ней присутствовала идея, что от осознанной деятельности людей зависит многое. Например, Полибий во «Всеобщей истории», говоря о деградации государства, утверждал, что предотвратить этот процесс может только с установлением смешанной формы правления, в которой сочетаются монархические, аристократические и демократические начала. Понятно, что без выдающихся людей сделать это было невозможно [4, с. 6].

Иначе роль личности в истории оценивали средневековые учёные – теологи. Согласно этому взгляду, исторический процесс рассматривался как реализация не человеческих, а божественных целей.

Один из самых известных средневековых мыслителей – Августин Блаженный полагал, что история осуществляется по изначально имеющемуся божественному плану, а те или иные люди являются лишь проводниками его воли. Они могут воображать, что поступают в соответствии со своим целями и идеями, но в действительности их деятельность направлена на реализацию замысла, который известен только Богу. Поэтому интерес к роли личности в истории в определённом контексте приобретает особую значимость [1, с. 8].

Несмотря на провиденциализм (идея божественного предопределения), биографический жанр был довольно распространён в средневековой историографии. Больших успехов на данном поприще снискали византийские историки. Одним из них, без сомнения, является Прокопий Кесарийский, чья жизнь и трудовая деятельность пришлась на эпоху императора Юстиниана I. Здесь особенно интересно обратить внимание на то, как историк влияет на оценку роли личности в истории. Так, в официальных трудах, посвящённых правлению Юстиниана («История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», «О постройках Юстиниана») даются самые лестные комплименты императору, то в «Тайной истории» излагается иной взгляд на эпоху Юстиниана. Он подвергал критике самого императора, его окружение, обвинял их в тирании, а результаты – вредные и губительные для государства. [1, с. 11].

Эпоха Возрождения вернула гуманистический аспект истории на первый план, сделав его центральным в рассуждениях гуманистов. Мыслители раннего Возрождения рассматривали свою эпоху как возвращение к идеалам античной эпохи, перед которыми они поклонялись. Однако, как и в античности, роль личности рассматривалась не в теории, зато велись рассуждения о причинах успехов или неудач, влияние политических и исторических деятелей и их личных качествах, повлиявших на результат. Особое место в литературе того периода занимает Н. Макиавелли. В своей знаменитой работе «Государь» он предлагает концепцию, суть которой заключается в том, что от целесообразности политики, проводимой правителем, от его способности использовать любые средства, включая самые аморальные, зависит успех его политики и как следствие, весь ход истории. Макиавелли разработал идею о формах государственного устройства (опираясь на Полибия, который в свою очередь опирался на Аристотеля), выделяя шесть форм государственного устройства: монархия,

деспотия, аристократия, олигархия, демократия, анархия. После этого государство должно погибнуть, если не будет его обновления, в результате прихода к власти сильной личности, способной провести преобразования и навести порядок [1, с. 14].

В XVIII – начале XIX вв. возникла философия истории. Она базировалась на идее, что существуют естественные законы общества, базирующиеся на вечной природе людей. Но считалось, что общество можно перестроить на разумных началах. Отсюда признавалась значимой и роль личности в истории. Например, считалось, что выдающийся правитель мог кардинальным образом изменить ход исторического процесса, просто придя к мысли об этом и имея достаточно воли и средств (например, Вольтер в «Истории Петра Великого» представлял царя как своеобразного демиурга, стремившегося насадить культуру в совершенно дикой стране).

Первые концепции о роли личности в истории появляются в XIX в. В первые десятилетия века, в эпоху господства романтизма, личность ставилась в соответствующее историческое окружение. Если просветители выводили состояние общества из законов, которые издавались правителями, то романтики считали наоборот – правительственные законы состояются из состояния общества. Основное внимание романтиков было направлено не на личность, а на «народный дух» в разные эпохи и в различных проявлениях.

Серьёзный вклад в развитие концепции роли личности в истории внёс Г.В.Ф. Гегель. Он является создателем теории всемирного исторического процесса и соответственно вел речь о всемирно-исторических личностях. По мнению Гегеля, призвание «всемирно-исторических личностей заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа» [5, с. 30]. Понятно, что у Гегеля всемирно-историческими личностями могут быть только те, кто заслужили в истории положительную оценку. Одной из главных идей немецкого философа являлось то, что великая личность не может сама по себе творить историческую реальность, а только лишь раскрывает неизбежное будущее развитие там, где другие ничего не могут предвидеть [5, с. 29]. Дело великих личностей заключается в понимании ближайшей ступени в развитии их мира и, привлекая невероятную энергию и упорство, достижение этой цели.

Во второй половине XIX в., несмотря на огромное влияние трудов Гегеля, в российской науке появляются ряд исследователей, которые стремятся рассматривать исторические процессы не как результат Божьего провидения и «народного духа», а как совокупность земных (материальных и идеальных) факторов. Одним из таких историков является С.М. Соловьёв. Его основная идея заключается в том, что исторический деятель должен быть вписан в характер своего времени и народа, что его деятельность удовлетворяет народную потребность и позволяет ей реализовываться. Личность может быть главным деятелем, но не творцом явления, проистекающего из общих законов народной жизни [6, с. 416-426].

Серьёзный вклад в разработку теории роли личности в истории внёс знаменитый историк Н.И. Кареев в работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории». Для него это главный вопрос при проведении исследования, поскольку он рассматривает личность как исходный объект социальной жизни [7, с. 12]. Он приходит к выводу, что нельзя абсолютизировать или отрицать роль личности, а необходим синтетический подход. Он

полагает, что нужно возратить великих людей массе, то есть необходимо исследовать всю совокупность условий и влияний в определённой ситуации. Однако нельзя согласиться с противопоставлением «герой-толпа», так как народные массы тоже личности, большие и малые, а не безликая толпа. Кроме того, Кареев полагает что личность есть единственный фактор истории и все в истории существуют через личность [7, с. 12-13].

Большую роль в разработке теории роли личности в истории сыграл марксизм. Основной заслугой этого направления в социально-гуманитарном знании является то, что впервые была предложена правдоподобная концепция, объясняющая ход исторического процесса материальными факторами.

Ряд положений, касающихся роли личности в истории в классическом «марксистском» понимании были сформулированы Ф. Энгельсом и Г.В. Плехановым. Марксисты полагали, что личность может придать историческим событиям некоторое своеобразие или, как отмечал Плеханов, «личность может лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, ускорить или замедлить реализацию исторического закона, но не в состоянии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной личности, то её непременно заменила бы другая, которая выполнила бы ровно ту же историческую роль» [8, с. 326].

Плеханов также признаёт, что, несмотря на развитие производительных сил в обществе как главный двигатель хода истории, тем не менее «Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, то есть историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил данного народа», а «влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, то есть личных особенностей общественных деятелей и их «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию» [8, с. 322]. Но, с точки зрения Плеханова, «единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин» [8, с. 322]. По мнению Плеханова роль личности в истории особенно возрастает во времена поворотных, «бифуркационных» событий, когда именно «малые» события влияют на возможность реализации более глобальных событий. Огромное количество ситуаций и явлений, происходивших в истории связано с наличием определённой силы и системы, само существование которых зависит от множества причин разного ранга, включая качества и возможности личности [1, с. 31].

Таким образом, с течением времени подходы к изучению роли личности в истории менялись. Если в античности во главу угла был поставлен человек, его мысли и переживания, то уже в средние века человек рассматривался как орудие в руках Бога. В целом, каждая новая эпоха ставила перед философами новые проблемы и новые трактовки деятельности разных исторических личностей. Важной вехой в изучении роли личности стала проблема героя и толпы. Одни исследователи полагали, что толпа безлика и однородна, другие – призывали более пристально к ней присмотреться, справедливо утверждая, что толпа состоит из таких же личностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. – 2010 – № 2 – С. 3-44.
2. Геродот. История. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 832 с.
3. Ливий Тит. История Рима от основания города. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 1296 с.
4. Полибий. Всеобщая история. – Т. 1 – М.: Академический проект, 2020 – 496 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Собр. соч. в 14 т. – М., Ленинград: Соцэкгиз, 1935 – Т. 8 – 468 с.
6. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989 – 768 с.
7. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1914. – 574 с.
8. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5 томах. – М.: Госполитиздат, 1956 – Т. 2. – 822 с.

REFERANCES

1. Grinin L.E. Personality in history: the evolution of views // History and Modernity. – 2010 – No. 2 – Pp. 3-44.
2. Herodotus. History. – Moscow: AST Publishing House, 2017. – 832 p.
3. Livy Titus. The history of Rome from the founding of the city. – Moscow: AST Publishing House, 2020. – 1296 p.
4. Polybius. Universal History – Vol. 1 – Moscow: Academic Project, 2020. – 496 p.
5. Hegel G.V.F. Philosophy of History // Collected works in 14 volumes. – Moscow, Leningrad: Sotsekgiz, 1935 – Vol. 8 – 468 p.
6. Solovyov S.M. Readings and stories on the history of Russia. – М.: Pravda, 1989 – 768 p.
7. Kareev N.I. The essence of the historical process and the role of personality in history. – St. Petersburg: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1914. – 574 p.
8. Plekhanov G.V. Selected philosophical works in 5 volumes. – Moscow: Gospolitizdat, 1956 – Vol. 2. – 822 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_119-124

УДК 316

**ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ПРАВСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
CITIZENSHIP AS A MORAL CATEGORY
IN A HISTORICAL CONTEXT**

Петряева Т.А., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Petryaeva T.A., teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье подробно рассматривается становление нравственной категории «гражданственность», смыслы, вкладываемые в данную категорию в разные исторические периоды, а так же социальные тенденции и изменения, повлиявшие на формирование данной нравственной категории. Автор анализирует наиболее значимые концепции в области формирования гражданственности и значение этих концепций для последующих поколений. В статье рассматриваются зарубежные и отечественные подходы к пониманию гражданственности.

Abstract: The article examines in detail the formation of the moral category "citizenship", the meanings embedded in this category in different historical periods, as well as social trends and changes that influenced the formation of this moral category. The author analyzes the most significant concepts in the field of citizenship formation and the significance of these concepts for future generations. The article examines foreign and domestic approaches to understanding citizenship.

Ключевые слова: гражданственность, нравственность, государство, личность, личная активность.

Keywords: citizenship, morality, the state, personality, personal activity.

Термин «гражданственность» на протяжении истории анализировался множеством ученых и теоретиков с разных ракурсов, отражая изменения в социальной, политической и философской сферах. Каждая эпоха вносила свои акценты и трактовки данного понятия, что связано как с изменениями в самой природе гражданственности, так и с контекстом ее изучения. В данной части исследовательской работы будет проведен анализ употребления и определения сущности понятия «гражданственность» в разные исторические периоды, выведены общие свойства понятия, а также дано авторское определение, включающее в себя основополагающие характеристики, имеющие значение для актуальной социальной среды.

Понятие «гражданственность» было известно уже античным философам и использовалось в их научных концепциях и трудах в области политических учений. Традиция

социально-политических концепций античного мира заключалась в идее построения развитого и благополучного, некоего идеального государства через воспитание нравственного поколения. Мысль классиков античной философии была сосредоточена на рассмотрении взаимоотношений добродетели, нравственности и гражданской активности, стремящейся достичь общественного благополучия.

В частности, философия Сократа (ок. 469-399 гг. до н.э.) исходит из понимания того, благополучие государства можно достичь лишь через создание условий для формирования добродетели и нравственных качеств у граждан. Основным нравственным качеством он считал любовь к истине, знанию. Гражданственность по Сократу – это нравственное совершенство, которое достигается через самопознание и обретение подлинных моральных норм. Он считал, что истинное знание должно исходить из самого человека, а не от учителя. Идеал Сократа – аристократия мудрых, где править должны знающие. По мнению Сократа, «полисная (политическая) добродетель не искусство или талант, какой имеет, например, музыкант, а величественное искусство управления делами государства. И обладает данным искусством незначительное число людей. В связи с этим, правителями должны быть знающие. Знающий то, в чем находится благо полиса, не будет являться корыстным, не будет применять власть как средство получения удовольствий» [1]. Размышления о нравственности и роли добродетели изначально были направлены на поиск эффективного способа обеспечения социальной стабильности. Эти идеи тесно связаны с понятием гражданской ответственности, так как учение Сократа определило высокие моральные принципы гражданской позиции. Согласно его философии, каждый член общества должен стремиться к знаниям и добродетели ради общего блага и совершенствования социума.

В средние века акцент перемещается к религиозному измерению гражданской ответственности. В этот период, когда религиозное мировоззрение считалось основополагающим, предлагающим непререкаемыми библейские представления о происхождении человека, об устройстве мира и его социальной природе, такие философы и богословы, как Аврелий Августин и Фома Аквинский, исследовали связь между гражданским и Божественным правом, рассматривая гражданственность сквозь призму христианских ценностей, где обязательства перед Богом и обществом гармонично связаны.

Аврелий Августин (354-430 гг.) внес поистине колоссальный вклад в развитие христианского богословия и западной философии в различных ее областях. Далекое не последнее место в рассматриваемых блаженным Августином вопросах занимали его рассуждения о природе гражданской ответственности. Эта тема наиболее полно нашла свое отражение в его труде «О граде Божием» (413-427 гг.). Здесь Августин противопоставляет «граду земному» – порочному, честолюбивому и эгоистичному, «град Божий» – праведный, пронизанный любовью к Богу, альтруистичный. Блаженный Августин пишет: «Два града – нечестивцев и праведников – существуют от начала человеческого рода и пребудут до конца века. Теперь граждане обоих живут вместе, но желают разного, в день же Суда поставлены будут розно... Две разновидности любви порождают два града: земной град создан любовью к самим себе, доведенной до презрения к Богу, небесный – любовью к Богу, доведенной до полного

самозабвения. Первая возносит самое себя, вторая – Бога. Первая ищет людскую славу, вторая устремлена к высшей славе Бога» [2]. Августин считает, что истинная гражданственность не заключается лишь в правах и обязанностях на земле, но она должна быть основана на духовных ценностях, и задача всякого человека и правителя состоит в создании государства, зиждущегося на христианских ценностях, поддержании социального порядка на основе служения Богу. Аврелий Августин приходит к выводу о первостепенности евангельских нравственных ориентиров в построении общества и формировании гражданственности.

Одним из самых ярких и глубоких мыслителей Средневековья по праву считается Фома Аквинский (1225-1274 гг.), ему удалось проследить взаимосвязь между развитием духовного потенциала и активной гражданской позицией личности. В трактате «Сумма теологии» (1265-1273 гг.) общественная жизнь представлена неотъемлемой частью процесса развития интеллектуальных и нравственных добродетелей. По мнению Фомы Аквинского, оторванность индивидуума от государства и социальной структуры в ее многообразных проявлениях приводит к нравственной деградации человека и отсутствию интереса к окружающей его действительности. Томас Аквинат обозначает гражданские обязанности как важную часть христианской жизни, «поскольку человек живет в обществе, он должен иметь некоторые обязательства перед своим обществом» [3]. Это утверждение подчеркивает, что гражданственность не ограничивается правовыми аспектами, но включает в себя моральные и этические обязательства каждого человека к общему благу.

В числе наиболее влиятельных мыслителей Нового времени стоит выделить Томаса Гоббса (1588-1679 гг.), который в своем произведении «Левиафан» (1651 г.) изложил идеи социального контракта. Гоббс утверждал, что «естественным состоянием для человека является состояние войны всех против всех, и для того, чтобы прекратить эту войну люди заключают общественный договор, обретая тем самым гражданское состояние» [4]. В концепции Томаса Гоббса идеи гражданства и государства связаны друг с другом, поскольку поддержание порядка возможно в обстоятельствах, когда граждане отдают часть своих прав государству и обязуются подчиняться воле правителя или государственного органа. При этом философ отмечает, что подданные обязаны осознавать необходимость осуществления определенной политической активности, дабы не допустить своего порабощения государственным аппаратом или чудовищем Левиафаном, которое узурпирует у человека права, не отдавая ему ничего взамен.

Гоббс считает, что основой гражданственности является взаимные обязательства граждан и государства, где последнее сдерживается равнодушием граждан к судьбе отечества и активным участием в жизни страны. В отличие от взглядов Тома Мора гражданственность Гоббса – это взаимные договоренности, при которых обе стороны политико-социальной системы сдерживают друг друга от деспотии и возвращения общества в состояние «борьбы всех против всех».

XIX-XX вв. стали временем интенсивных размышлений философов о природе гражданственности, важности общественного участия, ответственности и идеалах свободы и справедливости. Эти столетия ознаменовались стремительными социальными изменениями,

которые коренным образом трансформировали наше понимание гражданственности. В XIX-XX вв. русская философская мысль также сосредоточилась на анализе гражданственности, стремясь понять ее внутренние механизмы и влияние на общественное восприятие. В работах таких мыслителей, как А.И. Герцен, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Г.В. Плеханов, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, поднимаются вопросы о роли народа и интеллигенции в обществе, ответственности перед государством и гражданским сообществом, а также о смыслах и ценностях политической жизни.

Г.В. Плеханов (1856-1918 гг.), видный русский философ и социал-демократ, идейный лидер меньшевизма, сыграл ключевую роль в формировании марксистской мысли в России. В своих работах «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), «Наши разногласия» (1885 г.) Плеханов акцентировал внимание на концепции гражданственности, рассматривая ее как важный аспект социальной и политической жизни. Он подчеркивал, что гражданственность подразумевает не только права, но и активные обязанности человека перед обществом. Плеханов призывал к осознанию гражданской ответственности и активному участию в общественной жизни, что, по его мнению, является необходимым условием для достижения социальной справедливости. Анализируя влияние социальных условий и классовой структуры на формирование гражданского сознания, Плеханов утверждал, что для истинной гражданственности необходимо преодоление классовых противоречий и создание условий для свободного развития личности.

Н.А. Бердяев (1874-1948 гг.), русский философ, известный своими неординарными исследованиями в области философии, теологии и социальных наук. Ему удалось оказать значительное влияние на понимание понятия гражданственности в контексте российской действительности. Его философские размышления акцентируют внимание на важности взаимосвязи между индивидом и обществом, рассматривая гражданственность не только как набор прав и обязанностей, но и как важный элемент культуры и духовного развития личности. В «Смысле творчества» (1916 г.) Бердяев акцентирует внимание на том, что гражданственность тесно связана с концепцией личной свободы и социальной ответственности. Он утверждает, что для выражения гражданской воли человеку нужна полноценная свобода, которая не только не противоречит общественным интересам, но и является важным условием для их осуществления. Смысл жизни человека заключается в том, чтобы «всеми силами способствовать самосовершенствованию своей природы и окружающего мира, одухотворению материи. Идеалом свободы выступает человеческая природа, соединенная с божеской. Поэтому подлинную свободу человек может обрести, лишь добровольно и с любовью, следуя в своей жизни вере в Абсолютный Разум, которая вознесет его к светлым тучам божественной благодати. Но для этого нужно жить...жить активно, дерзновенно, творчески преображая старый мир (мир зла, насилия и тьмы) и создавая новый мир – мир добра, свободы и света» [5]. Бердяев, как и его предшественники, убежден, что гражданственность не должна сводиться только к правам и обязанностям, закрепленным в законодательных актах, социальных нормах, но она должна ко всему прочему включать в себя также и внутреннюю свободу, и способность человека к творческому самовыражению.

Концепция, разработанная Бердяевым, придает новое значение понятию гражданственности, так как он связывает её с творческим потенциалом личности. По его мнению, гражданственность не ограничивается выполнением обыденных обязанностей, а включает в себя стремление к поиску новых путей и возможностей для создания более совершенного общества и мира.

Н.А. Бердяеву удалось внести значительный вклад в понимание гражданственности, показав, что данную нравственную категорию необходимо рассматривать как активное творческое служение, а не формальную принадлежность человека к тому или иному государству.

Исходя из вышеизложенного анализа процесса формирования понятия гражданственность, видим, что значение данной нравственной категории менялось от узкой привязанности к конкретному политическому образованию до более сложного и многослойного понимания, основанного на индивидуальных правах, личной свободе, ответственности, активном творческом, добродетельном и даже одухотворенном служении государству. Каждая новая эпоха приносила свои изменения в понимание сущности гражданственности, обогащая его новыми характеристиками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симаев А.В., Биряева А.В. Политико-правовые доктрины Сократа о государстве // Журнал Конентус. Электронное периодическое издание. – 2018. – С. 4.
2. Рузиев Х.Д., Каримова А.И. Социально-политические воззрения Аврелия Августина // Экономика и социум. – 2023. – № 6 (109). – С. 1256.
3. Бандуровский К. Фома Аквинский Сумма теологии: с комментариями и объяснениями. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – С. 320.
4. Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. пер. с латин. и англ. Н. Федорова и А. Гутермана; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – М: Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
5. Фролов В.В. Проблема свободы в философии Н.А. Бердяева // Лесной вестник. – 2003. – №4. – С. 121.

REFERENCES

1. Simaev A.V., Biryayeva A.V. Political and legal doctrines of Socrates on the state // Contentus Magazine. Electronic periodical. – 2018. – P. 4.
2. Ruziev Kh.D., Karimova A.I. Socio-political views of Aurelius Augustine // Economics and society. – 2023. – №6(109). – P. 1256.
3. Bandurovsky K. Thomas Aquinas The Sum of theology: with comments and explanations. – Moscow: AST Publishing House, 2019. – P. 320.
4. Hobbes Thomas Works in 2 volumes translated from Latin. and English by N. Fedorov and A. Guterman; Comp., ed. ed., auth. intro. art. and note by V.V. Sokolov. – Moscow: Mysl, 1989. – Vol. 1. – 622 p.

5. Frolov V.V. The problem of freedom in the philosophy of N.A. Berdyaev // Flattering Bulletin. – 2003. – No. 4. – P. 121.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_125-130

УДК: 141.319.8.

ПРЕДЕЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ВЛАСТИ
THE LIMITS OF HUMAN FREEDOM IN THE CONTEXT OF POWER

Сергеев С.С., аспирант

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Sergeev S.S., postgraduate student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в статье дается анализ взаимосвязи между категориями свободы и власти через призму наследия античных авторов, в частности Данте Алигьери и Никколо Макиавелли. Кроме того, вводится концепция свободы, как ограничителя и рамок для явления власти.

Abstract: The article analyzes the relationship between the categories of freedom and power through the prism of the heritage of ancient authors, in particular Dante Alighieri and Niccolò Machiavelli. In addition, the concept of freedom is introduced as a limiter and framework for the phenomenon of power.

Ключевые слова: власть, свобода, Никколо Макиавелли, Данте Алигьери, «Государь», монархия, Бог, справедливость.

Keywords: power, freedom, Niccolò Machiavelli, Dante Alighieri, "The Sovereign", monarchy, God, justice.

В длинном ряду вопросов, осмысляемых философской антропологией, особняком стоят два: о сущности власти и свободы. Пронизывая все общественное бытие оба абсолютно онтологических явления оформляются в рамках общественных институтов, порой переплетаясь так сильно, что отделение одного грозит исчезновением другого.

Право, государственное управление, политика – это далеко не полный список. В причудливых формах проявляются власть и свобода в искусстве и науке. Так историческая наука, в сущности, своей являющаяся «лучом сознания» подсвечивающим своим объективным светом актуальные для современности события прошлого сочетает власть актуализирования с относительной свободой интерпретации.

Власть и свобода являются фундаментальными понятиями человеческого существования.

Цель статьи: исследовать пределы человеческой власти через отношение к свободе в фигуре монарха и образ монархии. Выбор фигуры монарха обусловлен дуальностью его положения и положения института, который он представляет. Сочетая в себе имманентные черты частного человека с его достоинствами и недостатками с недостижимыми для

абсолютного большинства людей объёмами ресурсов эта фигура становится идеальной моделью для изучения свободы и власти.

В данной статье предлагается проанализировать взаимосвязь категорий в контексте мысли эпохи Возрождения, в частности, творчества Данте Алигьери (1265-1321) и Никколо Макиавелли (1469-1527). Выбор мыслителей данной эпохи обусловлен переходным её положением. Уникальность мысли Ренессанса (фр. Renaissance) заключается в том, что, освободившись от христианских догматов, излишне сковывающих человеческий ум, она не редуцировала до законодателя общественной или личной прагматики.

Вместе с тем оба мыслителя находясь на значительном хронологическом расстоянии друг от друга открывают, и закрывают эпоху Возрождения. Данте, чей творческий этап пришелся на период Дученто-Тричетно (XIII-XIV в.) еще смотрит на мир через оптику средневековой мысли, в центре которой Бог, онтология, а все что ниже является только Его проявлением. Макиавелли же дитя эпохи Чинквеченто (XVI в.), позднего Возрождения, когда в центре философии окончательно закрепляется человек. Отсюда и его мысль – прагматичное понимание места и функционала монарха в политике.

В 1313 г. Данте Алигьери завершает свой труд «Монархия» [3, с. 5]. В нем он стремится репрезентовать свои рассуждения на три положения: монархия является важнейшим инструментом для установления всеобщего счастья, власть имеет божественное происхождение, Рим стал империей по божественному праву, власть светского монарха не зависит от Папы Римского [3, с. 33]. Раскрывая эти далекие от XXI в. вопросы, ему удается вскрыть общеисторический и всечеловеческий фундамент власти и свободы.

Эта работа во многом еще средневековая по духу и схеме мышления. Необходимость монархической власти он аргументирует, как это было принято в XIII веке, через христианское понимание бытия и труды античных философов, в частности Аристотеля (384-322 гг. до н. э.).

Согласно Данте, потребность в едином центре управления лежит в человеке на уровне его творения. В намеренье Бога входит все что приближает подобие земного устройства к Божественному, что Данте подтверждает библейской цитатой: «Сотворим человека по образу и подобию нашему» [3, с. 31]. Это подобие тем выше, чем выше уровень единства среди людей. В политической плоскости это проявляется в принципе единоначалия власти монарха.

Этот же принцип он улавливает в Аристотелевской «Политике». В ней Аристотель рассуждает о необходимости упорядочивания множества через добровольное делегирование управления одному человеку. В противном случае невозможно достижения главной цель полиса – достижения счастья [3, с. 31].

Так как подобный принцип стремится к актуализации на низшем уровне бытия, то, чем выше мы поднимаемся по онтологической лестнице, тем полнее он реализуется. Иерархическим способом организуются местные общины для решения своих личных и имущественных дел, существует иерархия и между королями и королевствами [3, с. 33]. Своего максимума этот принцип достигает на высшем, Божественном уровне.

Божественность монархии Данте подтверждает следующими рассуждениями: все что может быть реализовано одним, должно реализовываться одним. В противном случае это

«излишнее», а оно не угодно природе и Богу. Человеческое же общество может управляться одним монархом, а значит это предпочтительнее иных форм правления [3, с. 49].

Являясь продуктом божественного замысла, монархия, согласно Данте, выпускает в мир через себя ряд важнейших функций.

Так справедливость наиболее полной реализации достигает только в обществе, управляемом монархом [3, с. 38]. Согласно мыслителю, наибольшая актуализация справедливости возможна только при силе способной реализовать её. В качестве этой силы Данте видит монархию, где правитель стоит выше любых иных сил в государстве. Только для монарха может быть свойственна абсолютная справедливость [3, с. 40]. Фундаментом для этого служит отсутствие главного противника справедливости в душе человека – алчности [1, с. 71]. Имея огромные ресурсы, монарх просто не имеет предмета желания так как его желания ограничены лишь силой природы. Отсюда следует, что монарху в наименьшей из всех людей степени свойственна алчность и наиболее сильно проявляется справедливость.

Еще одной важной функцией монарха является приведение системы к стабильности и миру.

Данте рассуждает следующим образом: все что создано Богом необходимо для какой-либо цели. Её достижение происходит через актуализацию потенциала интеллекта. Находясь в условиях мира и покоя человек легче и, полнее реализует возложенную на него Богом цель [3, с. 29]. Из этого рассуждения следует, что мир – это наилучшее условие для человеческой деятельности. В свою очередь светский монарх является гарантом мира на своей земле чем способствует достижению человеком возложенной на него миссии.

Наибольший интерес для нашей темы представляют размышления Данте о свободе и монархии. Заявляя, что свобода является одной из высших ценностей и величайших дарований Бога, философ пишет, что лучшие условия для неё возникают в условиях монархической формы правления. Для подтверждения своих слов он ссылается на аристотелевскую схему деления форм правления на позитивные и негативные [2]. Если в демократии, олигархии, тирании человек живет для другого, то в монархии для себя. Кроме того, не имея в своей душе алчности, стремясь к реализации справедливости и потенциала каждого из своих подданных монарх, согласно взглядам Данте, скорее заинтересован в предоставлении свободы гражданам [3, с. 43].

Сам же государь далек от того, чтобы быть свободным. Как законы пишутся для людей, а не наоборот так монарх становится «слугой всех». И если внешне он является господином для подданных, то по отношению к высшей цели он становится абсолютным исполнителем [3, с. 44]. Интересно наблюдать за тем, как ограничение свободы монарха становится фундаментом для его власти.

Таким образом, в «Монархии» Данте рисует образ монархии, как форму правления в наибольшей степени угодной Богу. Это основывается на фундаментальном, онтологическом принципе единства: мышления и действия, управлении, а также функционале в виде реализации божественных принципов в мире.

Обратимся теперь ко второму мыслителю.

«Государь» (1513 г.) Никколо Макиавелли пронизан духом совершенно отличным от того, что нам представил Данте в «Монархии». Являясь человеком своей эпохи, он деконструировал образ христианского политика. Последний превращается из обладателя «божественной искры» в крайнего прагматика главной целью которого становится забота о власти как таковой [6, с. 3-4].

Нет нужды останавливаться на отдельных положениях этой широко известной работы. Гораздо важнее для раскрытия темы статьи рассмотреть разновидность свободы у философа.

Свобода по Макиавелли идет нога в ногу с ответственностью и прагматизмом. Государь волен выбирать тот или иной инструментарий для достижения своей цели. Внутренний отказ от нее или её недальновидное игнорирование с вытекающим из этого попустительством ведет к страданиям для подданных.

Характерным примером тут становятся его рассуждения о том нужно ли монарху бояться обвинений в жестокости. Макиавелли однозначно заявляет, что не нужно так как учинив разом «несколько расправ» он принесет больше добра чем закрывая глаза на действия преступников будет потворствовать беспорядку, от которого страдают все граждане [2, с. 24].

Тем более не нужно бояться обвинений в жестокости во время боевых действий так как только этот инструмент позволяет сохранить войско в порядке, а значит победить в будущих сражениях, чем сохранить множество жизней своих солдат [4, с. 25].

Кроме прагматики свободу выбора инструментов монарха ограничивает свобода его поданных.

Порой даже внешне благие черты государя в дальней перспективе вызывают презрение у народа. Так щедрость превращается для практикующего её государя в фактор, истощающий казну, что может привести к дополнительной нагрузке на подданных и как следствие к недовольству [4, с. 23].

С готовностью ради блага государства монарх должен брать на себя и грех предательства. Макиавелли посвятил целый отрывок тому, как государь должен держать слово. Суть отрывка сводится к тому, что держать слово необходимо до тех пор, пока это выгодно, когда же потребность в этом отпадает то нужно без колебаний отказываться от него. Подобное же правило исходит не из самих внутренних принципов монарха, а из слабости человеческого рода, который имея свободу воли зачастую поступает именно так [4, с. 26].

В следующем отрывке проблематика Данте и Макиавелли пересекается. Последний пишет: «кто берется направлять народные массы по пути свободы или по пути единодержавия и вместе с тем не предпринимает всего необходимого, чтобы обезопасить себя от врагов нового строя, создает недолговечное государство» [5, с. 33].

Из всего сказанного выше мы можем сделать вывод, что свобода монарха:

Во-первых, направляется априорно заложенной целью. Свобода здесь становится инструментом достижения, а сама направленность не является ограничением, как реализация свободы воли не является ограничением остальных вариантов действия.

Во-вторых, предвосхищается ответственностью монарха перед государством и подданными. Свобода становится ожидаемой моделью поведения у монарха так как только её присутствие позволяет принимать решения, а значит и нести ответственность.

В-третьих, ограничивается самой же свободой. Раскроем этот пункт ниже.

Свобода монархии ограничивается внутренней логикой свободы принятия решения. Для объяснения этого положения предположим, что возникает выбор между вариантом «А» и «В» независимо от предпочтительности выбора, свобода воли является фронтиром для действия, за которым еще ничего нет.

Углубляясь в эту мысли мы можем отметить, что выбор варианта «А» одновременно деактуализирует вариант «В» уничтожая его и ограничивает варианты выбора, а значит саму свободу.

Обозначим это ограничение как внутреннее ограничение свободы свободой.

К тому же, свобода монарха ограничивается свободой его подданных нарушение которой может влечь за собой последствия. С этой точки зрения, это ограничение в сфере практической политики и основывается оно на свободе воли другого человека. Обозначим это как внешнее ограничение свободой.

Вместе с тем, и внешнее и внутреннее ограничение есть начало в высшей степени созидательное. Внутреннее ограничение свободы является первым шагом на пути к реализации планов, тогда как внешнее ограничение свободой задает рамки критерия истины – практики. Игнорирование первой приведет к параличу воли, утрате сил, а значит растрате потенциала и в конечном счете недостижение цели. Игнорирование второго наказывается срывом любых планов.

Таким образом, свобода и ограничение свободой являются онтологической границей, правилами для явления власти в природе. Мы не можем сказать, что полное игнорирование этих рамок не позволят появиться власти, но как жёлудь не является дубом, так и мимолётная власти стоящая на подобном слабом фундаменте не является властью в полной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Никомахова этика. – М.: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
2. Аристотель. Политика. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
3. Данте Алигьери. Монархия. – М.: «КАНОН-пресс-Ц» – «Кучково поле», 1999. – 192 с.
4. Макиавелли Н. Государь. – М.: Планета, 1990. – 37 с.
5. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – М.: Нобель Пресс, 2011. – 70 с.
6. Сорокин А.С. Переосмысление идеи *virtu* в политической философии Н. Макиавелли // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 21 (68). – С. 112-115.

REFERENCES

1. Aristotle. *Nikomakh's Ethics*. – Moscow: Direct–Media, 2020. – 222 p.

2. Aristotle. Politics. – Moscow: AST Publishing House, 2018. – 320 p.
3. Dante Alighieri. The monarchy. – M.: "CANON-press-Ts" – "Kuchkovo pole", 1999. – 192 p.
4. Machiavelli N. The Sovereign. Niccolo Machiavelli, Moscow: Planeta, 1990. 37 p.
5. Machiavelli N. Reflections on the first decade of Titus Livius. – Moscow: Nobel Press, 2011. – 70 p.
6. Sorokin A.S. Rethinking the idea of virtue in the political philosophy of N. Machiavelli // Issues of Science and education. – 2019. – No. 21(68). – Pp. 112-115.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_131-136

УДК 821.161.1

ДЕТСКАЯ ПРОЗА ВОРОНЕЖСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РАННЕЙ «ОТТЕПЕЛИ»
CHILDREN'S PROSE BY VORONEZH WRITERS OF THE EARLY «THAW PERIOD»

Попов А.С., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный лесотехнический
университет имени Г.Ф. Морозова»,
Воронеж, Россия

Popov A.S., lecturer

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В тезисах рассматриваются произведения воронежских писателей ранней «оттепели», писавших для детей. Творчество Юрия Третьякова, Александра Афанасьева, Анны Корольковой и Анны Барышниковой направлено на воспитание нового послевоенного поколения. Прочтение книги вызывает у юных читателей желание любить и беречь природу, а также уважительно относиться к своей истории, Родине.

Abstract: The theses examine the works of Voronezh writers of the early «thaw period», who wrote for children. The works of Yuri Tretyakov, Ivan Alexander Afanasyev, Anna Korolkova and Anna Baryshnikova are aimed at educating a new post-war generation. Reading the book makes young readers want to love and protect nature, and also to respect their history and homeland.

Ключевые слова: советская литература 1950-х гг., Воронежская литература, детская проза, «оттепель», Юрий Третьяков, Александр Афанасьев, Анна Королькова, Анна Барышниковая.

Keywords: soviet literature of the 1950s; Voronezh literature; children's prose; «thaw period»; Yuri Tretyakov; Alexander Afanasyev; Anna Korolkova; Anna Baryshnikova.

Во время «оттепели» большое внимание уделялось детской литературе. Советское руководство давало установку детским писателям создавать произведения, в которых конфликты в детской среде изображались бы в их связи с социально-политическими процессами в обществе. Например, учительница Колычева из города Сталино (Донецк) стала критиковать повесть Льва Кассиля «Ранний восход (1953)». Она предложила не писать произведения со строгим разделением на положительных и отрицательных персонажей. По её мнению, «подобная линия способствовала поддержанию негативной традиции: заладит учитель про отсутствие способностей у одного ученика, про талант другого – пропали дети» [6].

Как правило, в детской литературе периода ранней «оттепели» стали чаще изображаться негативные и социально ориентированные эмоции (ненависть, отвращение, вина). Согласимся с К. Маслинским в том, что одновременно с этим «персонажи стали меньше

плакать; реже называют эмоции в тексте, а в эпизодах, где эмоции названы, реже упоминаются части тела и имена лиц. Но самое серьезное отличие состоит в том, что язык писателей, разделяющих ценности “оттепельной” эстетической парадигмы, оказывается более абстрактным и синтаксически сложным» [3, с. 47].

По словам Бориса Полевого, автора «Повести о настоящем человеке», «литература становилась всё глубже, мудрее и интереснее, но её главной целью по-прежнему оставалось воспитание нового поколения коммунистов. Писатели с помощью своих произведений участвовали в воспитании любви к Родине, к своему народу, возвращении братских чувств к народам других стран, подготовке детей к мирному созидательному труду, взлелеивании лучших черт социалистического гуманизма, воплощённых в идеях Коммунистической партии» [7, с. 256]. Многие исследователи отмечают, что во время «оттепели» после смерти И.В. Сталина у детских авторов появилась возможность раскрыть новые, ранее не звучавшие темы. Писатели стали изображать всё более точные психологические портреты и жестокие, но более достоверные картины условий, в которых выросла советская молодёжь.

В 1955 г. открылся литературный журнал «Юность». До 1962 г. его возглавлял Валентин Катаев. Созданный изначально для детей от 15 до 20 лет, в 1960-е гг. журнал превратился из подростковой периодики в журнал для «серьёзных» произведений. После того как на XX съезде партии Н.С. Хрущёв публично обвинил И.В. Сталина в репрессиях, во многих сферах произошла «оттепель», в том числе и в детской литературе. В ней появляется детское восприятие мира, игра слов, фантазия. Стоит отметить, что стали переводиться иностранные произведения. Часто переводчики отдавали предпочтение авторам, в той или иной мере связанным с революционным движением. Например, уроженец Воронежа С.Я. Маршак перевёл стихи итальянского автора Джанни Родари, который с 1944 г. находился в рядах Итальянской коммунистической партии. Мировую известность ему принесла книга «Приключения Чиполино» (1951).

Маршаку итальянский автор нравился: «Сочинять стихи, достойные стать рядом с народной песней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джанни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя» [7, с. 194].

Обратимся к произведениям воронежских писателей, писавших для детей.

В 1953 г. в 22 года выпускает свою первую книгу «Жук и геометрия» Юрий Третьяков (1931-1985). Добавим, что на протяжении многих лет писатель являлся самым молодым членом Воронежской писательской организации. После окончания школы молодой литератор проучился год в медицинском университете имени Н.И. Пирогова, но затем поступил в Литературный институт имени М. Горького. Начиная Третьяков свой творческий путь с детских рассказов, опубликованных в альманахе «Литературный Воронеж». Они-то и составили основу его первой книги.

В «Жуке и геометрии» читатель не увидит примерных мальчиков. Например, в рассказе «Дим-часовой» брат главного героя Димы Вовка и его приятель Горька, чтобы не идти вместе на речку, решают сбежать от маленького мальчика. Мальчишки пугали Диму волками –

безрезультатно. Тогда старшие ребята пошли на хитрость – назначили Диму «часовым» и приказали охранять пост у разбитой машины. Главный герой простоял несколько часов под проливным дождём, даже заплакал, но не оставил свой пост. Автор не пишет, что создателям такой «затеи» стало стыдно, но у читателя есть надежда, что в будущем старшие друзья больше никогда не бросят Дима и будут с ним играть.

В рассказе «Петух» главный герой играет с ребятами помладше. Выяснилось, что мальчишка очень сильно боится драчливого петуха. Когда Дим играл с малышами Павликом и Аликом, птица набросилась на них. Поняв, что детям угрожает опасность, главный герой накинулся на петуха так, что птица взлетела на крышу. Прочитав два рассказа, юные читатели должны были увидеть в поступках Димы хорошие качества: бесстрашие, сознание своего долга перед друзьями, способность крепко и верно дружить.

Известный воронежский писатель Алексей Шубин, рецензируя книгу, справедливо считает, что, прочитав ее, «многие ребята узнают в героях рассказов самих себя и своих товарищей. Книга в целом написана простым и в то же время образным языком. Особенно хорошо, что ребята говорят в ней так, как они действительно говорят в жизни» [8].

В 1957 г. в воронежском книжном издательстве выходит книга рассказов Юрия Третьякова «Изобретатель Утёнок», состоящая из девяти рассказов. Первые шесть посвящены школьникам 4-5 классов, остальные – детям дошкольного возраста. Своим названием книга обязана одному из главных героев четырёх рассказов – мальчику Тимке, прозванному за жёлтые и пушистые волосы на голове Утёнком. Отметим, что Третьяков изображает своих героев «живыми», не разделяя их на положительных и отрицательных.

В рассказе «Бабушкино радио» Тимка нечаянно убивает курицу бабушки Прокофьевны. Желая загладить вину, мальчишка решил починить сломанное радио бабушки. Он сделал вид, что он его отремонтировал, а на самом деле купил бабушке новое. В рассказе «Глубоководный скафандр» школьники решили построить вышку для прыжков в воду, но дно реки загрязнено военным снаряжением, сброшенным во время войны. Утёнок изобретает скафандр, чтобы избавиться от мусора. Одному ему этого сделать не удаётся, и на помощь мальчику приходят ребята.

В. Юдин справедливо считает, что рассказ «Глубоководный скафандр» повысит у детей стремление к изобретательству, к взаимопомощи. Будучи использован для коллективного чтения и обсуждения, он вызовет живой спор об индивидуализме и коллективизме, об упрямстве и настойчивости». Критик говорит читателям газеты, что по второй книге автора трудно судить о его стиле. В очередной раз внимание критика привлекла обложка. В. Юдин отмечает, что она «вызывает возражение. Сочетание грязно-зелёного и жёлтого цветов на ней не делает книжку красочной. При художественном оформлении нужно проявлять больше изобретательности» [8].

Исследователи считают, что читатели произведений Юрия Третьякова – это ребята 4-5-х классов, мальчики – лет 10-12, то есть представители «томсойеровского» возраста. «Писателя интересует не школьная или внешкольная жизнь сама по себе, а мальчишечьи характеры, диалектика ребячьей души, своеобразный внутренний мир подростка. Юрий

Третьяков великолепно чувствует возраст своих героев, присущую ему неугомонность, активный интерес ко всему окружающему, пытливость мысли, безграничную уверенность в своих силах и возможностях» [1, с. 113]. Его рассказы привлекают увлечённостью, активностью, живой реакцией героев на окружающий мир. Они, безусловно, содействуют умению любить и беречь природу. Р. Бельская по праву считает, что «Юрия Третьякова можно назвать знатоком психологии чудесного существа, называемого «мальчик» [1, с. 115].

Уместно, изучая детскую литературу, обратиться к такому жанру, как **сказка**. На Воронежской земле родился один из представителей мифологической школы, известный учёный-фольклорист Александр Афанасьев (1826-1871). Именно он создал монументальный труд «Поэтические воззрения славян на природу», где показал целостную картину мифологических представлений славян – как восточных, так и западных и южных. Здесь же Афанасьев даёт свое толкование пантеону славянских богов, во главе которых стояло главное божество – бог-громовник Перун.

Также родом из Воронежской области известная сказительница, бабушка Анна Барышникова (Куприяниха) (1868-1954). В 1957 г. в Москве выходит сборник «Сказки бабушки Куприянихи», в котором записаны около сотни сказок. Есть в книге и бытовые сказки, рассказывающие о смекалке и находчивости русского крестьянина-бедняка, о его моральном превосходстве над бояринами, да жадными богатыми мужиками. Читая сказки, можно заметить, как сказочница симпатизирует бедным и обездоленным. Всего Куприяниха знала больше ста сказок, начиная от весёлых волшебных сказок о животных, заканчивая острыми сатирическими сказками о попах и баринах.

Обратимся к сказке «Как мужик свинью в кумы звал». В мужицкой семье рождается ребёнок, но никто не хочет идти в кумы. Главный герой мужичок ловко обманывает богатых бояр из соседнего села, позвав в кумы барскую свинью с поросятами. Г. Иванов по праву считает, что «бытовые сказки бабушки Куприянихи отличаются острой социальной целенаправленностью, насыщены здоровым народным юмором и благодаря выразительности и яркости языка легко запоминаются» [2, с. 160]. Воронежская область известна ещё одной сказительницей – Анной Корольковой (1892-1984). Её сказки издавались как в СССР, так и за рубежом, часто появлялись в различных сборниках Воронежского фольклора. В 1950 г. сказки Корольковой вышли совместно со сказками Анны Барышниковой (Куприянихи) в книге Воронежского книжного издательства «Сказки».

В репертуар Анны Корольковой входили как волшебные истории, богатырские легенды, так и сатирические сюжеты, включая «потешки», бытовые сказки. Сказочница помнила не менее 400 сказок. Среди них немало сложенных ею самой.

Обратимся к творчеству воронежского писателя Алексея Шубина (1901-1966). У него богатый военный опыт: писатель прошел Гражданскую, Великую Отечественную. В 1944 г. после увольнения по состоянию здоровья из рядов Советской армии его принимают в Союз писателей СССР. Изначально Шубин стал публиковаться в газетах с 1923 г., а с 1925 г. сотрудничал с «Воронежской коммуной», откуда начал свой творческий путь ещё один

известный воронежский писатель Андрей Климентов (Платонов). В газете Шубин писал очерки и фельетоны.

После окончания Великой Отечественной войны Алексей переехал в Рамонь, где стал уже писать рассказы. В 1952 г. литератор выпускает сборник «Рассказы о юных натуралистах», состоящий из четырёх рассказов. Героями всех произведений являются школьники и пионеры, юные натуралисты, с увлечением изучающие природу родного края.

Например, в рассказе «ТАМ-1» рассказывается о мечте ученицы четвёртого класса Тамары Морозовой – стать селекционером и вывести новый сорт фасоли. Сильно увлечшись этой идеей, девочка забывает об учёбе, вследствие чего получает двойку по русскому языку. Учительница Тамары Анна Михайловна видит старания ученицы и решает ей помочь, рассказав о её экспериментах работнику селекционно-опытной станции Ивану Ивановичу Чижову. Он показывает опыты на фасоли, и Тамара понимает, что любому делу нужно учиться, чтобы получился хороший результат.

Б. Миротворцев справедливо считает, что «рассказ написан занимательно, в нём ярко обрисованы характеры Тамары, её учительницы и старого учёного-селекционера. Автор не преподносит читателям готовую мораль, а естественно и просто приводит их к правильному выводу о том, что для достижения успеха в любом деле необходимо овладевать всесторонними знаниями» [4]. Из минусов Б. Миротворцев выделяет тот факт, что в рассказе «Дальний поход» недостаточно много познавательного материала, а отдельные эпизоды вообще не способствуют раскрытию персонажей. Как часто это уже бывало, рецензента книги не устроила её обложка: «Художнику совершенно не удалось изображение ребят. Его герои выглядят значительно старше своих лет. Художник преподносит не детей, а грузных, грубоватых парней, одетых в тяжёлые сапоги и куртки.

Молодой художник Гончаров впервые выступает в графике, и это выступление нельзя признать удачным. Смотришь на гончаровских ребят и не узнаёшь в них жизнерадостных, бодрых советских детей, которых мы привыкли видеть вокруг себя – в школе, в пионерском лагере, на улице» [5, с. 159].

В 1964 г. Алексей Шубин выпускает в Воронеже в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве повесть «Ох, уж этот Ванька!». События разворачиваются в 1913-1914 гг. вокруг главного героя, восьмилетнего мальчишки Ваньки Перекрёстова из далёкого сибирского селения Горелый Погост. Его отличает большое любопытство. Ему иногда приходится сдерживать в себе тысячи любопытных «почему». Глазами Ваньки читатель ощущает, как ребёнок видит и воспринимает большой мир. Когда юный герой повести узнаёт о начале Первой мировой войны, он начинает понимать, что «мир гораздо сложнее, чем кажется, что есть в нём нечто такое, что неизмеримо значительнее и возвышеннее повседневных человеческих отношений» [5, с. 160]. Особенностью этой повести является то, что А. Шубин подготавливает выводы читателя, но не произносит их сам. В результате повесть приобретает характер очень свободного и естественного разговора двух людей: автора и читателя. Этот разговор носит иронический, шутливый характер, который присущ произведениям А. Шубина.

В повести описан процесс взросления главного героя. Нельзя не согласиться с Т.А. Никоновой, которая пишет, что «вместе с его духовным ростом меняется и авторская интонация. Чаще и чаще иронию вытесняет серьёзное, “взрослое” повествование» [5, с. 159]. Если в начале повести Ванька был непоседой, то в конце он остался всё тем же ребёнком, но приобрёл целеустремлённость.

Обсуждение детской литературы послужило поводом для многих дискуссий между писателями и членами власти. 1 апреля 1954 г. на заседании бюро Московской секции детских писателей ССП литераторы пытались найти причины «охлаждения» советских детей к чтению. Одной из главных было названо бурно развивающееся во второй половине 1950-х гг. телевидение. На заседании отметили, что на телевидении не показывают детские фильмы, которые способствовали бы просвещению молодёжи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельская Р. Путешествие в детство // Подъём. – 1962. – № 6. – С. 113-122.
2. Иванов Г. Сказки Бабушки Куприянихи // Подъём. – 1958. – № 1. – С. 158-160.
3. Маслинский К. Взрослый язык детской литературы оттепели // Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – 2021. – № 4. – С. 45-61.
4. Миротворцев Б. Рассказы о юных натуралистах // Молодой коммунар. – 1953. – 14 января.
5. Никонова Т.А. Открытие человека // Подъём. – 1964. – № 5. – С. 159-160.
6. Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930-1950-е гг.) // – URL: <https://psyfactor.org/lib/detlit5.htm> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 370 с.
8. Шубин А. Первая книга молодого автора // Молодой коммунар. – 1953. – 11 октября.

REFERENCES

1. Belskaya R. Journey into Childhood // Rise. – 1962. – No. 6. – P. 113-122.
2. Ivanov G. Tales of Grandmother Kupriyanikh // Pod'em. – 1958. – No. 1. – P. 158-160.
3. Maslinsky K. Adult language of children's literature of the Thaw // Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. – 2021. – No. 4. – P. 45-61.
4. Mirotvortsev B. Stories about young naturalists // Young Communar. – 1953. – January 14.
5. Nikonova T.A. Discovery of man // Rise. – 1964. – No. 5. – P. 159-160.
6. Fateev A.V. Stalinism and children's literature in the policy of the USSR nomenklatura (1930-1950s). – URL: <https://psyfactor.org/lib/detlit5.htm> (date accessed: 04/20/2025).
7. Hellman B. Fairy tale and reality. History of Russian children's literature. – М.: New literary review, 2016. – 370 p.
8. Shubin A. The first book of a young author // Molodoy Kommunar. – 1953. – October 11.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_137-141

УДК: 392.51

**СЕМАНТИКА ДАРООБМЕНА
В ЮЖНОРУССКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ
THE SEMANTICS OF GIFT EXCHANGE
IN THE SOUTH RUSSIAN WEDDING CEREMONY**

Титова О.Ю. , кандидат исторических наук, преподаватель ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия	Titova O.Yu. , Candidate of Historical Sciences, teacher Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia
--	---

Аннотация: Понимание истории любого народа невозможно без знания и осмысления особенностей основы его национальной культуры – народных традиций. Будучи чрезвычайно многокомпонентным, комплекс традиционной народной культуры включает в себя множество составляющих, важнейшей среди которых является свадебная обрядность. В статье описывается один из наиболее устойчивых элементов южнорусского свадебного обряда XIX – начала XX в. – свадебный обмен одеждой между женихом и невестой, а также дарообмен между новоявленными родственниками. Предпринята попытка при помощи результатов полевых исследований автора в ряде сел Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей (2005 – 2024 гг.) выявить степень сохранности основных традиционных компонентов данного обряда, а также их возможные видоизменения под влиянием различных факторов.

Abstract: Understanding the history of any nation is impossible without knowing and understanding the peculiarities of the central part of its national culture – folk traditions. Being extremely multicomponent, the complex of traditional folk culture includes many components, the most important of which is the wedding ceremony. The article highlights one of the most stable elements of the South Russian wedding ceremony of the nineteenth and early twentieth centuries – the wedding exchange of clothes between the bride and groom, as well as gift exchange between newly-born relatives. An attempt has been made using the results of the author's field research in a number of villages in the Voronezh, Lipetsk and Tambov regions (2005-2024) to identify the degree of preservation of the main traditional components of this rite, as well as their possible modifications under the influence of various factors.

Ключевые слова: Дарообмен, кладка, коробья, свадебная обрядность, Южнорусский регион

Keywords: Free exchange, kladka, korobia, wedding ceremony, South Russian region

Свадебный ритуал – один из наиболее сложных, но в то же время устойчивых компонентов традиционной народной культуры. Веками формируясь из действий символического, магического и игрового характера; элементов материальной культуры (одежда, головные уборы, украшения жилища, свадебные повозки и помещения, атрибуты магических действий и т.д.); словесного музыкального фольклора, он связан с целым комплексом обычаев, верований, социальных и правовых представлений, имущественных и семейных отношений [6, с. 3].

В свадебных обрядах сельского населения Южнорусского региона вплоть до середины XX века прослеживались элементы древних ритуалов, вобравших в себя мудрость поколений и отражающих коллективное представление о желаемом развитии общества. Один из них – свадебный обмен одеждой между женихом и невестой, а также дарообмен между новоявленными родственниками.

По мнению ряда исследователей, свадебный обычай обмена подарками между будущими супругами и их родственниками хронологически связан со временем возникновения парного брака. Главной его целью являлось создание новых или укрепление уже существующих социальных связей, для поддержания которых обмен дарами имел большое значение [4, с. 196; 5, с. 53]. Со временем дарообмен приобрел и другие функции: в условиях патриархальной семьи он нередко выступал в качестве материальной помощи брачующимся или одному из них (размеры даров не всегда были эквивалентны), осуществляемой в традиционной форме.

На житейском же уровне данное действие создавало неплохое материальное подспорье для молодой семьи, а также помогало продемонстрировать свое благосостояние и трудолюбие.

Процесс изготовления ткани и пошива одежды всегда был связан как с финансовыми, так и с временными затратами, что могло бы доставить немало проблем новоиспеченной семье. Поэтому данный вопрос старались решить еще в предсвадебный период (не без помощи родственников и близких). Одежда невесты входила в состав *коробьи*, представлявшей основу личного имущества невесты и имеющей целью обеспечить потребности женщины в одежде на много лет вперед, поскольку в браке основная задача женщины заключалась в обеспечении благ мужа и детей.

При помощи своей матери девушка готовила основное содержимое *коробьи* еще до брака, а недостающие предметы одежды шили подруги невесты во время девичника. *Коробья* включала нательное белье, повседневную и праздничную одежду, постельные принадлежности, скатерти, полотенца, а также «дары» для родственников жениха. Количество и качество входивших в *коробью* предметов свидетельствовали о достатке и трудолюбии невесты и могли в значительной степени повысить ее престиж в глазах родственников будущего супруга и односельчан. Поэтому южнорусский свадебный ритуал включал специальные обрядовые действия, направленные на демонстрацию состава *коробьи* невесты. Так, в день свадьбы *коробья* выставлялась напоказ односельчанам во время перевоза в дом родителей жениха, а по прибытии туда рукоделия невесты (полотенца, скатерти и т.д.) развешивали в доме мужа.

Таким образом, коробья формировалась так, чтобы она могла обеспечить потребности женщины в одежде практически в течение всей ее жизни. Ткани же и одежда, которые изготавливались женщиной в замужестве, шли на обеспечение мужа и их детей.

Верхняя одежда в состав коробьи, как правило, не входила поскольку являлась базой для формирования *кладки* – основы материального обеспечения невесты женихом, включающую, в том числе, сам свадебный наряд. Кладка составляла еще один вид обособленного женского имущества – *собины*, предоставляемого невесте, в отличие от коробьи, женихом. В состав собины входили деньги и продукты, необходимые для проведения свадебных застолий, а также предметы верхней одежды и обуви. При этом кладочные деньги частично или полностью тратились на приобретение недостающих для невесты нарядов и подарков для родственников жениха.

Одежда, входившая в состав кладки, передавалась невесте в день свадьбы и служила свадебным нарядом, в которой венчалась молодая. В случае если приданное невесты включало и верхнюю одежду, жених должен был ее выкупить или увеличить размеры кладки на сумму, соответствующую ее стоимости. Таким образом содержимое коробьи невесты и кладки жениха отражало их имущественное положение, а также особенности разделения мужского и женского труда в крестьянской семье.

Обмен одеждой между будущими супругами происходил в течение последних дней предсвадебного периода: невеста в последний день девичника отправляла с подругами, реже с родственницами, одежду жениху, отец которого передавал взамен вознаграждение, угощение и одежду для невесты. При этом дары невесты и жениха друг другу специально оговаривались во время сговора или рукобития. По мнению Е.Г. Кагарова, это действие представляло собой элемент соединительного обряда, направленного на укрепление нового союза [1, с. 649-651].

Одежда и другие изделия из тканей составляли также основное содержимое *даров* невесты, которые она вручала родственникам жениха. Понятие «дары» в южнорусском свадебном ритуале было очень емким. Этим термином обозначали подаренный невестой жениху платок, который являлся по существу залогом и возвращался к владелице после ее вступления в брак. Также в число раздариваемых вещей входили нательные и верхние мужские рубашки, женские рукава, сарафаны, кофты, платья, платочки, ленточки и т.д. Однако особая роль принадлежала полотенцам. В некоторых сельских поселениях близким родственникам мужа полотенца дарили обязательно, даже если им вручали и другой подарок [2, с. 43-45].

Одаривание родителей и родственников жениха невестой начиналось еще в предсвадебный период. В это время подарки вручались обычно только родителям жениха, самому жениху и его самым близким родственникам, среди которых чаще фигурировали девери и золовки. Первое дарение производилось при рукобитии и запое, а основное дарение происходило уже после венчания на одном из свадебных столов и здесь уже одаривались все родственники жениха, предусмотренные предварительной договоренностью сторон.

Подарки невесты способствовали установлению добрых взаимоотношений со стороны мужа, служили доказательством ее доброжелательности. При этом дарение преследовало и экономические цели, так как по существовавшим традициям и обычаям на подарки было принято отвечать *отдарками*, которые поступали в личное имущество невесты и по стоимости были равны или превосходили стоимость подарка.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все дары невесты были связаны с традиционными обязанностями женщины (шитье, вышивка и т.п.). Дары же жениха невесте и ее подругам чаще всего ограничивались гостинцами: орехами, семечками, конфетами, пряниками, сдобными лепешками и т.д. Реже он дарил будущей жене бусы, кольца, брошки и другие украшения. Дары жениха не имели четкой временной регламентации в структуре свадьбы, но обычно он одаривал невесту и ее подруг во время так называемых гостинцев, т.е. в период от рукобития до девичника.

Таким образом, дарообмен – важнейший элемент южнорусского свадебного ритуала XIX – начала XX в., имеющий глубокие корни и демонстрирующий не только взаимное уважение, но и будущий семейный уклад брачующихся, что следует из регламентации видов обмениваемой в рамках дарообмена одежды: невеста готовила жениху нижнее белье до рубашки и шаровар, а жених – верхнюю одежду невесте до сарафана или платья. Эта закономерность была обусловлена традиционными особенностями внутрисемейных имущественных отношений, где обеспечение мужа бельем и нижней одеждой представляло функции жены, а верхняя одежда, как правило, приобреталась на общесемейные средства, совладельцем или владельцем которых был муж. То есть, еще на этапе создания семьи, будущие супруги демонстрировали свое согласие на исполнение ими общепринятых функций в ведении хозяйства.

Полевые исследования автора в ряде сел Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей (2005-2024 гг.) показывают, что при достаточной устойчивости многих компонентов традиционного свадебного комплекса (*сватовство, девичник, выкуп невесты* и т.д.) традиция дарообмена в исследуемом регионе частично сохранилась, претерпев существенные изменения. Так, обычай формирования перед свадьбой *коробью* и *кладку*, основу которых составляла бы одежда, не отмечен в настоящее время и бытует лишь в памяти информантов наиболее почтенного возраста. В некоторых семьях будущей жены родители заранее готовят дочери приданое, в отличие от традиционной *коробьи*, включающее в себя предметы домашнего обихода. При этом традиция одаривания невестой родственников жениха во время свадебного торжества имеет достаточно широкое распространение и сейчас, причем не только в сельской местности, но, хоть и изредка, в городах. Дары невесты зачастую отличаются от традиционных – помимо полотенец и платков современные невесты дарят новоявленным родственникам косметику, предметы интерьера и т.п. [3].

Таким образом, несмотря на деформацию традиции дарообмена, входящей в южнорусский обрядовый свадебный комплекс, частично она все же сохраняется, что, на наш взгляд, отражает историческую преемственность и значимость традиционных духовных ценностей в современном обществе, потребность человека в осознании причастности к той

или иной культуре и диктует необходимость изучения и сохранения культурных традиций народа для последующих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кагаров Е. Г. О значении некоторых русских свадебных обрядов // Известия Академии Наук. – 1917. – № 11:9 – С. 645-652.
2. Крюкова С.С. Брачные традиции крестьян южнорусских губерний во второй половине XIX века // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 4. – С. 43-45.
3. Полевые материалы автора. 2007, 2008, 2012, 2020, 2024. Воронежская область.
4. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М.: «Мысль», 1974 – 309 с.
5. Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях. – Харьков: Тип. М. Зельберберга, 1885. – 140 с.
6. Чистов К.В. Предисловие // Русский народный свадебный обряд. – Л.: «Наука», 1978. С. 3–6.

REFERENCES

1. Kagarov E. G. On the significance of some Russian wedding ceremonies // Proceedings of the Academy of Sciences – 1917. – № 11:9 – Pp. 645-652.
2. Kryukova S.S. Marriage traditions of peasants of the Southern Russian provinces in the second half of the XIX century // Etnograficheskoe Obozrenie. – 1992. – No. 4. – Pp. 43-45.
3. Field materials of the author. 2007, 2008, 2012, 2020, 2024. Voronezh region.
4. Semenov Yu.I. The origin of marriage and family. Moscow: «Mysl», 1974 – 309 p.
5. Sumtsov N. F. Bread in rituals and songs. – Kharkov: M. Zelberberg Printing House, 1885 – 140 p.
6. Chistov K.V. Preface // Russian folk wedding ceremony. – L: Nauka, 1978. – Pp. 3-6.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_142-145

УДК 321.015

**М.Н. КАТКОВ КАК ЗАЩИТНИК
ОСНОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
M. N. KATKOV AS A DEFENDER
OF THE FOUNDATIONS OF RUSSIAN STATEHOOD**

Ключников Н.В., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Klyuchnikov N.V., teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: Статья посвящена Каткову Михаилу Никифоровичу (1 ноября 1818 г. – 20 июля 1887 г.) – русскому публицисту, издателю, литературному критику, редактору газеты «Московские ведомости», основоположнику русской политической журналистики, влиятельному стороннику консервативных взглядов. На протяжении трех десятилетий XIX века он, по словам философа Константина Леонтьева, был вождем «охранительной России». Именно Катков был и идеологом, и пропагандистом, и, в значительной мере, политическим лидером, проводившим в жизнь свои идеи. Противостоя сразу и революционерам, и сепаратистам, и либералам, Михаил Никифорович сумел сыграть выдающуюся роль в сохранении территориальной целостности и незыблемости традиционного политического строя России.

Abstract: the article is dedicated to Mikhail Nikiforovich Katkov (November 1, 1818 – July 20, 1887) – Russian publicist, publisher, literary critic, editor of the newspaper “Moskovskie Vedomosti”, founder of Russian political journalism, influential supporter of conservative views. For three decades of the 19th century, according to philosopher Konstantin Leontiev, he was the leader of “protective Russia”. It was Katkov who was an ideologist, a propagandist, and, to a large extent, a political leader who put his ideas into practice. Confronting revolutionaries, separatists, and liberals at once, Mikhail Nikiforovich managed to play an outstanding role in preserving the territorial integrity and inviolability of the traditional political system of Russia.

Ключевые слова: М.Н. Катков, государственность, нация, «польский вопрос», патриотизм, М.Н. Муравьев, А.И. Герцен, культура.

Keywords: M.N. Katkov, statehood, nation, «the Polish question», patriotism, M.N. Muravyov, A.I. Herzen, culture.

Находясь вне управления государством, публицист Михаил Катков практически четверть века оказывал существенное влияние на политику российской империи. Этот человек не только выражал, но и подчас создавал мнение и настроение в «верхах», формировал

определенную точку зрения, идейно подталкивал правительство к принятию тех или иных решений. Весь смысл своей деятельности он видел в том, чтобы быть на страже прав государства во всем, что касается безопасности, единства и целостности. По признанию В.А. Твардовской, государство для Каткова было не только самым ценным итогом русской истории, но и основным условием существования русского народа [4, с. 4]. Публицистическое наследие Михаила Никифоровича достаточно велико, поэтому в своем эссе я лишь остановлюсь на тех аспектах жизнедеятельности, которые показывают Каткова, как защитника основ русской государственности.

В своей работе я использовал «Воспоминания о Михаиле Каткове», труды таких выдающихся исследователей русской консервативной мысли, как В.А. Твардовская и А.Э. Котов, а также статьи А.В. Репникова и А.А. Тесли.

Как известно, 10-11 января 1863 г. в Царстве Польском против Российской власти разразился мятеж. «Польский вопрос» в русской общественной мысли стал некой реакцией на национальное движение поляков. Катков осмысляет данные события не только как угрозу, но и как возможность присоединить Царство Польское к России. Такое соединение не допустило бы какого-либо иностранного вмешательства со стороны европейских стран во внутренние дела и сохранило бы государственный суверенитет Российской Империи. Существование Царства Польского, по мнению Каткова, раздражало, подпитывало воспоминания о прежнем независимом государстве, смертельном враге России, открывало возможность новых восстаний, новых кровопролитий. Чтобы прояснить суть позиции Каткова по польскому вопросу, необходимо раскрыть трактовку понятия «нация» в его весьма интересном понимании. Русская нация включает в себя как культурно-языковой, так и политический элемент. Можно сказать, что Михаил Никифорович предложил проект превращения России в национальное государство, в котором рамки «нации» настолько широки, что позволяют включить в свой состав все население Империи. На смену конфессиональному критерию («Русское Царство» есть царство православное, а не католическое!) должен прийти критерий гражданственности. Теперь, по Каткову, можно быть русским патриотом в национальном смысле, и в то же время оставаться поляком или немцем [5, с. 94]. Стоит сказать, что статьи Каткова в то время имели сильное влияние на общественное настроение и с каждым разом все сильнее возбуждали народное чувство патриотизма. Несомненной заслугой Каткова явилось то, что он сыграл выдающуюся роль в формировании общественного мнения в России в период восстания, обеспечившего поддержку правительственных мер в деле подавления мятежа и ведения дальнейшей внешней политики по этому вопросу. Его концепция предполагала целостную систему мер, направленных на формирование гражданской идентичности [5, с. 95].

Восстание проходило не только в Польше, но и в Северо-Западном крае (куда входили Белоруссия и Литва). Для того, чтобы в западных губерниях оказалась возможна общественная жизнь, чтобы смогли функционировать институты самоуправления, требовалась диктатура. Под давлением общественного мнения, умело направляемого Михаилом Никифоровичем, Александр II назначил М.Н. Муравьева наместником Северо-

Западного края. Необходимо было не только подавить восстание, но и создать условия для долговременного и прочного укрепления русских элементов в западном крае. Либеральная общественность подарила Муравьеву позорный эпитет «Вешатель». Но он не только вешал революционеров. Особенно имя Михаила Николаевича Муравьева не любят вспоминать белорусы. Однако если бы не он, то белорусской нации возможно бы и не существовало вовсе. Как и в 1830-1831 гг., поляки ставили своей целью восстановление границ Речи Посполитой. Михаил Николаевич искоренил местное католическое дворянство и предоставил социальные и политические права освобожденному белорусскому крестьянству. Среди проведенных мер можно выделить запрет польского языка в Западном крае, закрытие католических храмов. Имущество польских землевладельцев подверглось конфискации: частично продано, частично распределено между крестьянами на безвозмездной основе. Таким образом, польское влияние в тех землях было вырвано с корнем, а Белоруссия получила возможность для собственного национального развития. Можно сказать, что один простой журналист сумел переломить опасную для России ситуацию и сыграть роль, сравнимую с ролью политического лидера и военачальника [1, с. 18].

Стоит рассказать еще об одном эпизоде из жизни исследуемого нами публициста. Главная особенность польского восстания – всеобщая поддержка мятежников русским «передовым» обществом. Революционеры оказывали полякам прямую помощь своим личным участием в боях против соотечественников, пытались поднять восстание в Поволжье. А. И. Герцен на страницах «Колокола» открыто поддерживал польские требования. И вдруг... в эпоху безграничного владычества Герцена грянул гром. Среди безмолвия послышалась твердая и властная речь Каткова [2, с. 48]. Герцен стремился сформировать общественное мнение в России в поддержку поляков, оказать давление на правительство с целью заставить проводить реформы, которые бы способствовали социальной революции. Катков, нетрудно догадаться, не смог этого стерпеть. Полемика, начавшаяся еще в 1862 г. и носившая литературный характер, быстро переросла в открытое столкновение. Герцен, к слову, не скупился на колкие слова в адрес Михаила Никифоровича. Дуэль «диктаторов общественного мнения» набирала обороты. Занимая откровенно антипатриотическую позицию в польском вопросе, «Колокол» в 1863 г. потерял свою силу и уже никогда не возвратил свое былое влияние. В том же году его тираж упал с 2500 до 500 экземпляров. Смелости и упорству Каткова можно только поражаться! И хоть он не стал официальным пропагандистом, этот человек продолжал отстаивать истинно-русские охранительные начала. Михаил Никифорович и в этот раз внес внушительный вклад в защиту русских устоев, не только не побоялся «Искандера», но и смог отстоять свою позицию.

Теперь о культуре. Она играет весьма значительную роль в интеграции русского народа и является одной из основ русской государственности. С 1868 г. Катков являлся основателем и попечителем Лицея Цесаревича Николая при Московском университете. Катков поддержал программу классических гимназий. По замыслу, «катковский» лицей должен был стать образцом русского национального учебно-воспитательного дела для классических гимназий и университетов. Выступая против революционно-демократического «реализма», классическая

система образования зиждилась на религиозном просвещении, изучении основ древних языков и математики. В основе педагогической системы лежал принцип индивидуального воспитания: воспитанники занимались самостоятельно, а наставники («туторы») опекали их во внеурочное время. Это была необходимость избавиться от «толп полуграмотных мальчишек, не способных ни к чему отнести критически». Катков видел в классическом образовании своеобразную защиту от ненавистного нигилизма [3, с. 98].

Таким образом, можно сказать о том, что Михаил Никифорович Катков занимает достойное место среди защитников основ русской государственности. Этот человек доказал, что журналистика не должна играть разрушительную роль, подрывать государственные устои, а, наоборот, сохранять и защищать их. Михаил Никифорович служил России по-совести. И именно этим объясняются его успехи и заслуги перед страной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания о Михаиле Каткове // Составление, предисловие и комментарии: Г.Н. Лебедева / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 624 с.
2. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-х – 1890-х гг. / науч. ред. С.К. Лебедев. – СПб.: Владимир Даль, 2016. – 487 с.
3. Репников А.В. Русский консерватизм: Михаил Никифорович Катков // Перспективы. Электронный журнал. – 2018. – № 1 (13). – С. 96–103.
4. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М.: Наука, 1978. – 279 с.
5. Тесля А.А. «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в «Московских ведомостях» в 1863 г. // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – 2011. – № 2. – С. 86-97.

REFERENCES

1. Memoirs of Mikhail Kotyukov // Compilation, preface and comments by G.N. Lebedeva / Ed. by O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2014. – 624 p.
2. Kotov A.E. Mikhail Katkov's «The Tsar's Way»: The ideology of bureaucratic Nationalism in political journalism of the 1860s–1890s / scientific ed. by S.K. Lebedev. – St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2016. – 487 p.
3. Repnikov A.V. Russian conservatism: Mikhail Nikiforovich Katkov // Perspectives. Electronic journal. – 2018. – № 1 (13). – Pp. 96-103.
4. Tvardovskaya V.A. Ideology of the post-reform autocracy (M.N. Katkov and his publications). – M.: Nauka, 1978. – 279 p.
5. Teslya A.A. «The Polish question» in the editorials of M.N. Katkov in «Moskovskie Vedomosti» in 1863 // Electronic scientific edition «Scientific notes of TOGU». – 2011. – № 2. – Pp. 86-97.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_146-150

УДК 316.343.652

**ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л.Е. ОБОЛЕНСКОГО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1890-Х ГГ.**

**THE PROBLEM OF INTELLIGENCE IN THE JOURNALISTIC WRITING
OF L.E. OBOLENSKY IN THE SECOND HALF OF THE 1890S**

Китаева А.В., аспирант

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Kitaeva A.V., postgraduate student

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh,
Russia

Аннотация: В данном исследовании рассматривается проблема изменения содержания класса интеллигенции в условиях капиталистического способа производства. Л.Е. Оболенский в своей статье «Представляет ли собой интеллигенция общественный класс?» подчеркивал актуальность этой проблемы не только для Российской империи, но и для других европейских стран. Автор статьи подвергает анализу привилегированное положение интеллигенции в обществе, сопоставляет различия между умственным и физическим трудом, находит истоки конкуренции внутри интеллигенции. Особое внимание уделяется разнообразию интересов и взглядов внутри этой социальной группы.

Abstract: The article examines the problem of changing the content of the intelligentsia class in the conditions of the capitalist mode of production. L.E. Obolensky in his article "Does the intelligentsia represent a social class?" he emphasized the urgency of this problem not only for the Russian Empire, but also for other European countries. The author analyzes the privileged position of the intelligentsia in society, compares the differences between mental and physical labor, and finds the origins of competition within the intelligentsia. Special attention is paid to the diversity of interests and views within this social group.

Ключевые слова: Л.Е. Оболенский, народничество, легальное народничество, интеллигенция, публицистика, XIX в.

Keywords: L.E. Obolensky, populism, legal populism, intelligentsia, journalism, XIX century.

Л.Е. Оболенский – русский публицист, литературный критик, философ и социолог. Он являлся одним из представителей течения легально-народнической мысли второй половины XIX в. – «культурного» народничества. Оболенский в своих публицистических произведениях давал оценки на происходящие события в Российской империи, в том числе и на роль и задачи интеллигенции.

Слово «интеллигенция» берет свое начало в России в XIX в. Впервые его упоминает В.А. Жуковский в дневнике 1836 г. Данное понятие он использовал для обозначения лиц, обладающих высокими моральными качествами и нравственностью, которая проявляется в поведении. В частности, интеллигенция этого периода была в большей степени в дворянской и военной среде. Так, с 1830-х гг. в общественной мысли складывается образ этого социального слоя, моральный облик, формы поведения и т.п. [1, с. 42].

В последующие десятилетия представление об образе интеллигенции переосмысливалось, но значительно не менялось. Русский писатель, драматург, журналист, критик и историк литературы, публицист П.Д. Бобрыкин в 1860-е гг., когда начала оформляться разночинная русская интеллигенция, ввел в русский язык вышеупомянутое понятие. Он видел в нем инструмент для трансформации русской жизни [1, с. 43].

В этот же период, наравне с Бобрыкиным, размышления о роли интеллигенции развивали народники, в частности, легальные. Чем у Оболенского и других мыслителей эпохи вызван интерес к слову «интеллигенция» – однозначно сказать затруднительно. Несомненно, к началу 1880-х гг. этот термин приобрел широкое распространение в качестве краткого синонима к словосочетанию «образованное общество» из-за своего собирательного характера. Интеллигенция в общем смысле представляла собой просвещенную, образованную часть общества, способную к нравственному и умственному развитию. Подметим, что указанное определение можно встретить у членов всех народнических фракций. К интеллигенции, в понимании народников, относились такие категории общества, как писатели, художники, ученые, чиновники, духовенство, помещики («сельская», или «деревенская» интеллигенция) [2, с. 53-54].

Оболенский в 1879 г. в статье «К истории развития нашей интеллигенции. Поэзия Некрасова» впервые изложил свое мнение к вопросу о роли интеллигенции во взаимодействии с народом. Автор статьи обратился к задачам интеллигенции. Оболенский представлял народническое движение в качестве миссии интеллигенции, первоначально основанной на «платоническом сочувствии народу», но способной перейти к осознанию сущности жизни и мысли народа при условии, что желания и мысли народа перейдут в поэтическую, литературную, публицистическую, беллетристическую и законодательную формы [3, с. 213]. Сам народ, как считал Оболенский, пока не умел этого делать.

Свое истинное предназначение интеллигенция практически не понимала. Она видела исключительно примеры европейской жизни и стремилась к похожей реализации [3, с. 214]. Вместе с тем влияние быта Европы навевало определенные особенные характерные черты российской интеллигенции. Так, интеллигенция Российской империи переносила свои желания, потребности и вкусы на народ [4, с. 249].

На протяжении 1880-1890-х гг. публицист развивал обозначенные выше взгляды в своих публикациях.

В 1896 г. Оболенский в статье под названием «Представляет ли собой интеллигенция общественный класс?», опубликованной в журнале «Новое слово», с особым вниманием обратился к вопросу об общественном значении и строении интеллигенции. В статье

Оболенский отметил, что русское общество в 90-е гг. XIX в. особо заинтересовано в анализе и объективной оценке существующих направлений и общественно-политических взглядов.

В этой статье публицист ставил несколько ключевых вопросов, на которые планомерно давал ответы:

- насколько интеллигенция является особым классом в обществе;
- какие взаимодействия связывают интеллигенцию и привилегированные слои общества;
- в каком отношении стоят различные слои привилегированного общества к тем или иным общественным интересам и формам [5, с. 106].

Потребность в раскрытии сути интеллигенции связана, указывал Оболенский, с изменениями, которые произошли внутри самого класса в течение нескольких предшествующих десятилетий. Кроме того, публицист акцентирует внимание на том, что не только в Российской империи вопрос является актуальным. Среди других стран Оболенский перечислил, например, Германию, Австрию, Бельгию и другие страны Европы.

Автор статьи разграничил сущность умственного и физического труда. Оболенский, с одной стороны, обращал внимание на необоснованное различие работников физического и умственного труда [5, с. 108]. С другой стороны, разграничение двух видов труда исторически не произвольное и не случайное: умственный труд является трудом «высшим, облагороженным», так, как физический труд – труд «эксплуатируемых, угнетаемых и унижаемых», т.е. значитесь унизительным.

Именно капиталистический способ производства стал толчком к смене в характере умственного труда. Интеллигенция, по мнению Оболенского, не заинтересована в капиталистической эксплуатации, поэтому живет «продажей» своих талантов и знаний [5, с. 109]. В дополнение к этому, капитализм «убивает народное творчество», т.к. оно замещается «искусством за деньги». Многочисленными способами капитализм поддерживает процветание наук и искусств, отчего происходит устойчивый рост интеллигенции [5, с. 110].

Расширение класса интеллигенции отчасти связано с приходом в данную среду интеллигенции снизу. Речь идет о крестьянстве, мещанстве и пролетариате. Мелкое производство в деревнях и городах сокращается. Такое положение побуждает мещан и крестьян содействовать переходу своих детей в ряды интеллигенции.

Указанное выше явление Оболенский назвал «перепроизводством интеллигенции». Иными словами, появляется новое, крупное и безуданно прибывающее «среднее сословие». Оно так же, по взглядам мыслителя, связано с «нуждами капитализма» и растущим недовольством [5, с. 111].

Любопытно, отмечал Оболенский, что классовые интересы интеллигенции схожи с интересами работников физического труда. И физические рабочие, и интеллигенция преследуют не классовые интересы, а исключительно профессиональные. «Не только духовные, но и, – пояснял Оболенский, – материальные интересы каждой из этих профессий различны» [5, с. 112].

В каждом слое интеллигенции возможно найти столкновение интересов. Это связано с тем, что «везде наблюдается иерархия чинов и заработка». Стимул к повышению своей позиции средством единения «со своими собратями» в среде интеллигенции может развиваться, но только очень незначительно. Оболенский сообщал, что на сильной позиции находится конкуренция, проявляющаяся в «зависти», «происках» и «высокомерии». При том это характерно для деятелей, находящихся в сферах науки и искусства.

Оболенский прямо указал на то, что интеллигенция – класс привилегированный с учетом аристократического характера. «Аристократия духа» подпитывается ее «интересом в настоящем обществе», дает исключительность и независимость от других слоев. Отсюда следует в этой среде антисемитизм, враждебность к женскому образованию и тяготение к консервации цеховых ограничений [5, с. 113].

Автор также отметил, что происходит так называемое «перепроизводство образования». Оно обусловлено интересами интеллигенции, которые целостно никак не пересекаются с интересами рабочих.

Тем не менее, Оболенский оговорился, что в числе интеллигенции есть те, кто находится недалеко от физических рабочих. Непосредственно «развитие капиталистического производства ведет к тому, что все большее число интеллигентов опускается до этих низших слоев и что эти слои... больше и больше пролетаризируются в условиях своей жизни и труда», что приводит к потере избранного положения. Публицист указал, что капитализм расширяет возможность получения образования, а оно, в свою очередь, создает общедоступность специальностей и освобождает интеллигенцию от «привилегированного положения» [5, с. 114].

В пределах интеллигенции Оболенский выделял «высшие слои интеллигенции». Их интересы, наоборот, отличны от ориентации физически трудящейся части населения. Они кардинально безразличны к господству капитализма. Все же есть самостоятельные группы, которые поддерживают капиталистический режим [5, с. 115].

Далее Оболенский объяснил различие интеллигенции от пролетариата. Интеллигенция, по предположению автора, должна быть враждебно настроена к «врагу всяких привилегий» – пролетариату. «Отличие интеллигенции от этих классов составляет, – размышлял Оболенский, – ее более широкий умственный горизонт, лучше изощренная способность к абстрактному мышлению и отсутствие объединяющего классового интереса». Именно этот фактор дает преимущество «легче всего» объединить под своей защитой нескончаемые «нужды всего общества» [5, с. 116].

В заключении подчеркнем, что Л.Е. Оболенский в само понятие «интеллигенция» вкладывал интеллектуальное превосходство, отличающее представителей интеллигенции от других слоев. Он верил, что только интеллигенция способна услышать народ и понять его желания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грязнухина Т. В. Проблемы нравственного развития современной интеллигенции на основе возрождения традиций интеллигенции XIX в. // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 14. – С. 42-46.
2. Мокшин Г. Н. Типология русской интеллигенции в публицистике легальных народников // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2007. – № 1. – С. 52-62.
3. Оболенский Л. Е. К истории развития нашей интеллигенции. Поэзия Некрасова // Свет. – 1879. – № 10. – С. 204-214.
4. Мокшин Г. Н. Л.Е. Оболенский как идеолог легального народничества 1880-х гг. // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 246-256.
5. Оболенский Л. Е. Представляет ли собой интеллигенция общественный класс? // Новое слово. – 1896. – № 7. – С. 106-117.

REFERENCES

1. Gryaznukhina T. V. Problems of the moral development of the modern intelligentsia based on the revival of the traditions of the intelligentsia of the 19th century. Collections of conferences of the SIC Sociosphere. – 2011. – No. 14. – Pp. 42-46.
2. Mokshin G. N. Typology of the Russian intelligentsia in the journalism of legal narodniks // Bulletin of the VSU. Series: History. Political science. Sociology. – 2007. – No. 1. – Pp. 52-62.
3. Obolensky L. E. On the history of the development of our intelligentsia. Nekrasov's poetry // Light. – 1879. – No. 10. – Pp. 204-214.
4. Mokshin G. N. L.E. Obolensky as an ideologist of legal populism in the 1880s // Bulletin of the All-Russian State University. The Humanities series. – 2003. – No. 2. – Pp. 246-256.
5. Obolensky L. E. Does the intelligentsia represent a social class? // New word. – 1896. – No. 7. – Pp. 106-117.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_151-153

УДК 159.9

СИМВОЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЮНГИАНСКОЙ ПЕСОЧНИЦЕ
SYMBOLS OF TRANSFORMATION IN THE JUNGIAN SANDBOX

Кандыбина Е.Л., кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Kandybina E.L., Candidate of Filological Sciences, Associate Professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: В статье рассматривается психологическое консультирование – форстайминг с использованием юнгианской песочницы. Данный современный подход основывается на философско-психологических воззрениях К.Г. Юнга и современных изысканиях в русле постюнгианской аналитической психологии. В настоящем подходе фокусом работы психолога-консультанта становятся трансформации элементов внутреннего мира, проходящие в процессе построения разных модулей песочной картины.

Abstract: The subject under the consideration of the given article is Force timing using Jung sandpit. Current view is based on philosophical and psychological opinion of K.G. Jung and modern investigations due to post Jung analytical psychology. In Force timing phycho-consultant is focused on the transformation of subconscious which occur while sand modules being constructed.

Ключевые слова: Песочная терапия, архетипы, интерпретация, картина мира, установки, паттерны поведения, рефлексия, самосознание.

Key words: Sand therapy, archetypes, interpretation, Picture of the world, attitudes, behavior patterns, reflection self-consciousness.

К.Г. Юнг по праву считается основателем песочной терапии [1-5]. Его аналитическая психология, основанная на первичных архетипических образах, легла в основу нового метода работы с личным бессознательным клиентов. Юнг работал на природном песке, используя природные материалы (веточки, листики, палочки и другие предметы, оказавшиеся поблизости). Основой для данного направления является тесное сотрудничество психолога-консультанта и клиента. Терапия проходит в недерективном, принимающем ключе. Психолог, работающий в рамках данного подхода, учитывает индивидуальные особенности клиента, поощряет проявление его уникальных качеств, понимая, что индивидуальность или «самость» клиента наделена своей внутренней мудростью и «знает» свой особый путь по обретению целостности.

Необходимо отметить, что юнгианский подход представляет не столько направление психотерапии и психологического консультирования, сколько особое мировоззрение. Во

главу угла своей терапии К.Г. Юнг ставил цель достижения гармонии и душевной целостности сознательной и бессознательной частей личности. Говоря точнее, именно познание собственной самости и постоянный контакт с нею ведут человека по его неповторимому пути познания себя.

По Юнгу вся жизнь человека разделяется на два периода. Первый 0-35 лет, в этот период человек «завоёвывает» внешний мир, познаёт жизнь вокруг, находит работу, создаёт семью. Во втором периоде, который наступает в районе 35 лет, но может прийти намного позже, человек обращается к своему внутреннему миру, изучает его, знакомится со своим личным бессознательным, находит в нём преломление коллективных образов (архетипов) из коллективного бессознательного. Итогом путешествия вглубь себя становится индивидуация, то есть познание собственной Тени, избавление от травмирующих деструктивных комплексов, восприятие и понимание посланий, идущих из глубин личного бессознательного.

Так, рука об руку с психологом, клиент проходит «путь к себе». На этом трудном, иногда болезненном и мучительном пути его (клиента) ждёт много великих открытий, но все они из одного источника – бессознательного анализанда. С точки зрения великого психолога, бессознательное человека стремится к равновесию. Психологические проблемы с глубинной точки зрения – это нарушение равновесия психики. Для восстановления баланса психика активирует «эмоционально окрашенные комплексы, образующие интимную душевную жизнь личности» [4, с. 98], которые находятся в пластах индивидуального бессознательного. Сами комплексы когда-то находились в сознании, но были изгнаны из него по причине своей травматичности.

Песочница и другой инструментарий представляют клиенту возможность выражать свои подсознательные образы и эмоции, манипулируя фигурками на глади песка. Играя с фигурками, природными материалами и другими элементами, клиент может выразить и отреагировать внутренние переживания, конфликты, желания и фантазии. В песочнице могут сочиняться сказки, создаваться новые мифы. Всё это помогает человеку погрузиться в глубины бессознательного и исследовать свои внутренние образы без прямой, вербальной коммуникации.

Во время сессии песочной терапии психолог предоставляет поддержку и безусловное принятие клиента. Он наблюдает и задаёт вопросы, способствующие осознанию и пониманию связей между продуцируемыми образами и внутренним осознаваемым миром клиента. Консультант знакомит клиента со своими интерпретациями его внутреннего мира, его комплексами и конфликтами. В процессе совместной работы клиент может осознать глубинные движители своего поведения. Интерпретация символов и ассоциаций, происходящая в течение песочной терапии, может быть использована для помощи клиенту в осмыслении своего опыта и в поиске новых путей развития и решения личностных проблем.

Таким образом, сессии песочной терапии создают мост от бессознательных комплексов к их осознанию, от вытесненных проблем к трансформации и решению, от невербального к вербальному и осознанному. Бессознательные образы проявляются во взаимодействии с песком, в выборе фигурок, в расположении их в песочнице или на подносе.

Необходимо отметить, что существует множество схем, трактующих именно пространственное расположение фигур: в песочнице есть семейное пространство, сфера бессознательных глубин, духовный центр, диагонали песочницы согласуются со временем. Например, центр песочницы указывает на фокус, то есть наиболее яркое и чёткое выражение исследуемой проблемы.

В отличие от классической юнгианской терапии форстайминг (направление, открытое и разработанное Е.Я. Мищенко) центрируется не на медитативной составляющей данного метода, а на возможных трансформациях, изменениях, происходящих в терапевтическом пространстве песочницы. Консультант помогает понять клиенту, что внутренние процессы нуждаются не только в интерпретации, но и в новом опыте трансформации.

Каждая фигура песочной картины потенциально многозначна, например, цербер символизирует страх и фобию, но может быть и фигурой защиты. Материнские и отцовские фигуры могут символизировать как отца и мать клиента, так и указывать на великие архетипические образы человечества. Храм в песочнице часто понимается как образ базового доверия, но может становиться и источником хаоса и разрушения. Наиболее важен смысл фигурки, обозначенный самим клиентом. Так, анализанд создаёт в пространстве песочницы свой внутренний мир, а консультант помогает ему отреагировать нахлынувшие эмоции, увидеть в воссозданном внутреннем мире не только проявление проблемы, но и возможные ресурсы. Метод форстайминга позволяет выйти на трансформацию проблемы через отстраивание нескольких песочниц, центрирование на одной, специально ресурсной песочнице, внесение движения в статичную расстановку фигур, пролонгирование времени нахождения фигурок в песочнице, разбиение целостной песочной композиции на несколько модулей, а затем соединение всех модулей в один трансформационный, внесение телесного контакта во взаимодействие с фигурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К.Г. Об энергетике души. – М.: Академический проект, 2008. – 297 с.
2. Юнг К.Г. Дух и жизнь. – М.: Практика, 2006. – 560 с.
3. Юнг К.Г. Эон. – М.: АСТ, 2009. – 411 с.
4. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
5. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. – М.: Академический проект, 2009. – 303

с.

REFERENCES

1. Jung K.G. About the energy of the soul. – M.: Academic project, 2008. – 297p.
2. Jung K.G. Spirit and Life. – M.: Practice, 2006. – 560 p.
3. Jung K.G. Eon. – M.: AST, 2009. – 411 p.
4. Jung K.G. Archetype and symbol. – M.: Renaissance, 1991. – 304 p.
5. Jung K.G. Structure of the psyche and archetypes. – M.: Academic project, 2009. – 303 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_154-161

УДК 94(47)

**СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.
В ПРОЕКТЕ М.А. БАЛУГЬЯНСКОГО**

**JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 1ST THIRD OF THE XIX
CENTURY IN THE PROJECT OF M.A. BALUGYANSKY**

Подлесных С.Н., кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Podlesnykh S.N., Candidate of Law, Associate Professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: в настоящей статье анализируются основные положения проекта видного отечественного мыслителя М.А. Балугьянского, касающиеся реформирования судебной системы Российской империи первой трети XIX в. Особое внимание уделяется уровням судебной системы. Делается вывод о построении Балугьянским прогрессивной модели отечественного судопроизводства, которая оказалась непонятой современниками.

Abstract: this article analyzes the main provisions of the project of the prominent Russian thinker M.A. Balugyansky, concerning the reform of the judicial system of the Russian Empire of the first third of the 19th century. Particular attention is paid to the levels of the judicial system. A conclusion is made about the construction by Balugyansky of a progressive model of domestic legal proceedings, which turned out to be misunderstood by his contemporaries.

Ключевые слова: М.А. Балугьянский, судейский корпус, судоустройство, Российская империя, судебная реформа, дореформенный суд, судебная палата.

Keywords: M.A. Balugyansky, judicial corps, judicial system, Russian Empire, judicial reform, pre-reform court, judicial chamber.

Имя Михаила Андреевича Балугьянского (1769-1847) не так хорошо известно даже в кругах историков, как, к примеру, имя правоведа и государственного деятеля М.М. Сперанского. Хотя М.А. Балугьянский заслуженно считался «правой рукой» Сперанского при подготовке полного собрания законов Российской империи и сделал очень многое для становления отечественной правовой системы.

М.А. Балугьянский родился в 1769 г. в королевстве Венгрия. Получил образование в г. Кашау в Венгерской королевской академии, затем обучался на юридическом факультете Венского университета. В течение 14 лет преподавал правовые науки в Королевской академии. В 1803 г. был приглашен из Венгрии в Россию на должность профессора Санкт-Петербургского педагогического института. С 1804 г. был старшим редактором комиссии

составления законов. С 1812 г. член V-го отделения министерства финансов. Балугьянский – первый ректор Санкт-Петербургского университета [13, л. 2-3].

М.А. Балугьянский был высокообразованным человеком. Современников удивляли его познания в сфере экономики и финансов. Так он первым ввел в науку понятие «политическая экономия», являлся автором оригинальной экономической теории применительно к особенностям России [12, с. 71].

В 1825 г. Балугьянский был обвинен А.И. Майбородой в сговоре с тайным обществом декабристов. Однако после проведенного следствия показания доносчика не подтвердились и дело Балугьянского высочайше было повелено оставить без внимания [6].

С 1826 г. по 1847 г. М.А. Балугьянский был начальником II-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое в основном занималось составлением свода законов Российской империи. Систематизация законов Российской империи во многом состоялась благодаря знаниям и опыту Балугьянского.

Несмотря на значительную роль, которую М.А. Балугьянский сыграл в I-й половине XIX в. в российской правовой и финансовой мысли, в дореволюционной и советской историографии анализу его жизни и деятельности посвящено немного исследований. Из дореволюционных авторов необходимо отметить П.И. Баранова, который в 1882 г. издал биографический очерк о Балугьянском [3]. Также надо упомянуть о небольшом исследовании известного русского ученого-правоведа Н.М. Коркунова, посвященного судеустройственному проекту Балугьянского [10].

В советской историографии необходимо выделить работу А.Н. Фатеева «Академическая и государственная деятельность М. А. Балугьянского в России» [18]. Советский исследователь Е.М. Косачевская исследовала заслуги Балугьянского в сфере российского образования [11].

В современной отечественной историографии наметилось некоторое оживление в вопросе исследования правовых и финансовых взглядов М.А. Балугьянского. Из современных исследователей, анализирующих государственную деятельность и философские взгляды Балугьянского, обращают на себя внимание работы А.А. Аникеевой [1; 2], М.Ю. Дронова [7], Т.Н. Жуковской [8], А.А. Кальсиной [9], Е.М. Рыловой и Б.К. Шляхова [14], Б.К.Г. Тебиева [16; 17].

Совсем немного работ современных исследователей посвящено анализу взглядов М.А. Балугьянского на судеустройство Российской империи. В этом вопросе можно назвать исследования следующих ученых: Е.А. Ванькина [5], И.П. Слободянюк [15].

М.А. Балугьянский был не только отличным преподавателем, знатоком юридической и финансовой науки, отличившимся в ходе работ по систематизации права Российской империи, он являлся также автором проекта по переустройству отечественной судебной системы.

Проект реформирования судебной системы России М.А. Балугьянского полностью был опубликован в 1894 г. в Сборнике Русского исторического общества (Т. 90) [4, с. 214-274], как документ, относящийся к деятельности «Комитета 6 декабря 1826 г.». Это был один из первых секретных комитетов Николая I. Основной задачей этого комитета являлось рассмотрение

бумаг, найденных в кабинете Александра I, в которых содержались разные предложения по изменению российской системы государственного управления.

Судебный проект Балугьянского являлся частью одного общего проекта по реформированию губернских учреждений и назывался «Рассуждения об учреждении губерний», был написан в 1827 г. «Комитет 6 декабря 1826 г.» рассматривал проект Балугьянского в нескольких своих заседаниях, а именно: 15, 19, 22, 26 и 29 февраля и 4 марта 1828 г. [4, с. 214]. Часть проекта, относящаяся до судебного устройства, называлась «Черты судебного устройства» [4, с. 265-274].

Во введении Балугьянский отмечает недостатки судебной системы образца 1775 г. Так, правовед пишет, что «подчиненность судных мест губернатору, определение судей посредством выборов, недостаток власти, сделали судную часть более всех несовершенной» [4, с. 222]. В этой связи мыслитель предлагал реформировать судебную систему Российской империи.

По проекту Балугьянского судебная власть должна быть самостоятельной относительно власти губернатора и губернского правления: «Судные палаты зависят по суду от судебного Сената, а по управлению от министра юстиции» [4, с. 244]. Таким образом, в проекте суд получал полную независимость от административной власти, что, разумеется, являлось серьезным шагом в деле повышения качества правосудия.

По проекту Балугьянского судебными учреждениями должны были являться:

- I. Верховный суд или Сенат;
- II. Апелляционные суды или палаты;
- III. Суды первой инстанции: а) уездные и магистраты, б) особенные (надворные суды, коммерческие суды, университетские суды и т.д.);
- IV. Низшие суды: земские расправы, городские расправы;
- V. Сельские словесные приказы и словесные суды в частях городов [4, с. 265-266].

Анализируя систему судов по проекту М.А. Балугьянского надо признать, что с одной стороны мыслитель стремился к сокращению судебных инстанций. С другой стороны, судоустройство по Балугьянскому выглядело все же весьма запутанно. Провозгласив принцип независимости суда от администрации, в проекте встречалось переплетение в одном учреждении функций и правосудия, и административного органа. Не все государственные учреждения, отправляющие правосудие, были в подчинении министерства юстиции. К примеру, это касалось магистратов, университетских судов, всех низших судов и т.д. В целом судоустройство по проекту Балугьянского немного напоминало судебную систему Екатерины II образца 1775 г.

Серьезные изменения в проекте Балугьянского касались статуса судей. Ученый предлагал пожизненно назначать на должности судей первых трех ступеней судебной системы. Они назначались бы на должности императором и могли быть лишены своего статуса только по приговору суда [4, с. 266]. Таким образом, М.А. Балугьянский в зависимости от уровня правосудия делил весь судейский корпус на две группы: профессиональную (первые три ступени судебной системы) и непрофессиональную (IV-V ступени судебной системы).

Судопроизводство состояло из двух инстанций: первая инстанция и апелляционная. Апелляционная инстанция признавалась окончательной стадией процесса. Судебный Сенат по существу дело не разрешал, а «уничтожал производство в случае неправильного применения закона к делу или нарушения формы и велел рассмотреть дело другому суду» [4, с. 266].

Сенат или Верховный суд учреждался как надзорная инстанция в целях единства сохранения законодательства и правосудия. В компетенцию Сената входило: уничтожение приговоров апелляционных судов; «разрешение сомнений о подсудности и пререкания судебной власти»; «суждение преступлений против Величества». Верховный суд разделялся на три департамента: уголовный, гражданский, прошений [4, с. 268].

«Если народонаселение и число помещиков большое», то судебная палата учреждается на одну губернию. По общему правилу одна судебная палата должна была распространять свою компетенцию на две губернии. Судебная палата делилась на департаменты уголовного и гражданского суда. Таким образом, Балугьянский резко сокращал количество судебных палат, указав, что каждая судебная палата по его проекту состоит из одного первого председателя, двух председателей и до десяти судей. Судебной палате подчиняются непосредственно уездный суд, магистраты, коммерческий суд и другие суды первой инстанции (кроме военных) [4, с. 269-270].

Уездный суд учреждается в каждом уезде или в двух и трех уездах по одному. В уездном суде предусматривались тяжёлый и уголовных дел департаменты. В состав уездного суда включались председатель, старший судья и от шести до десяти судей. Судьи избирались депутатским собранием из дворян или чиновников. Уездному суду подведомственны все уголовные и гражданские дела в пределах территории уезда (или уездов) за исключением дел по компетенции иных судов первой инстанции. Отмечалось, что уездный суд есть ведомство первой инстанции для всех лиц и состояний, т.е. особо подчеркивалось, что уездный суд является всесловным учреждением. Уездный суд мог составлять вторую инстанцию для гражданских дел, перенесенных из низших земских и градских расправ [4, с. 270-271].

В городах по проекту М.А. Балугьянского учреждались магистраты, которые компетентны по тем же самым делам, что уездные суды в уездах. Магистрат также являлся коммерческим судом своего города. Апелляционной инстанцией для магистратов была судебная палата. В свою очередь для градской расправы магистраты являлись апелляционной инстанцией [4, с. 272].

В уездах для казенных и помещичьих крестьян должны были учреждаться нижние земские расправы. Компетентность земской расправы распространялась на 2–3 волости, но не более чем на 20 000 душ обоого пола. В состав земской расправы включался судья и от 2 до 4 представителей от поселян. Судья выбирается из дворян или по определению палаты из дворян или чиновников. Компетенция земской расправы распространялась как на уголовные, так и на гражданские дела. Состав гражданских дел в компетенции судьи земского суда предполагался следующим: «о контрактах, о личных притязаниях, о движимых имуществах, о убытках на полях, о спорных межах и границах и т.п.». Данные категории дел разрешаются земским судом окончательно, если «цена предмета не превышает 100 руб». Апелляция

разрешалась в уездный суд. По преступлениям земский суд имел ту же компетенцию, что управы благочиния в городах, все прочие преступления рассматриваются в уездном суде [4, с. 273].

Что касалось судов пятой группы, то их положение должно было оставаться прежним в соответствии с действующим законодательством [4, с. 274]. Данные суды реформированию в соответствии с проектом М.А. Балугьянского не подлежали.

Как видно из проекта Балугьянского, представители от сословий им сохранялись только на уровне нижних земских судов. Все остальные учреждения Фемиды предполагалось учредить как всесословные. Таким образом, в целом мыслитель отходил от сословной системы судоустройства, оформленной Екатериной II.

Российский юрист и публицист М.А. Филиппов отмечал, что «Балугьянский предлагал реформу, близко подходящую к настоящей, только с той разницей, что в его проекте нет ни мирового суда, ни суда присяжных» [19, с. 611]. Все же нам кажется, это большим преувеличением. В рассматриваемом проекте Балугьянского многие судебные принципы образца 1864 г. не были отражены.

Необходимо отметить, что в проекте М.А. Балугьянского, действительно, не было мировых судов. Михаил Андреевич отверг идею совестных судов, которые по сущности своего судопроизводства отдаленно напоминали мировые суды, учрежденные в России ходе реформы 1864 г. Совестным судам в проекте Балугьянского места не нашлось. Данное обстоятельство в том числе доказывает, что этот видный отечественный юрист в большей мере был сторонником юридического позитивизма.

Вероятно, что проект судоустройства М.А. Балугьянского мог существенно повысить эффективность и качество отечественного правосудия. Рассмотрев проект Балугьянского, «Комитет 6 декабря 1826 г.» отмечал: «... порядок этот едва ли может когда-либо быть введен – как по состоянию и самому, по необходимости, недостаточному составу наших губернских судов, так и по множеству их и отдаленности их от столиц; наконец и вообще по трудности установить совершенно новое, почти никому у нас неизвестное и лишь одним примером Франции оправдываемое правило для течения дел судных» [19, с. 611]. Проект судебной системы М.А. Балугьянского, безусловно, являлся новым этапом в философском осмыслении построения прогрессивной модели отечественного судопроизводства и судоустройства, однако, к сожалению, остался непонятым современниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникеева А.А. Нравственные институты в финансовых воззрениях М.А. Балугьянского и его общественной деятельности // Финансы и кредит. – 2010. – № 28 (412). – С. 70-76.
2. Аникеева А.А. Содержание финансов в воззрениях М. А. Балугьянского // Финансы и кредит. – 2010. – № 24 (408). – С. 83-88.

3. Баранов П.И. Михаил Андреевич Балугьянский, статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1769-1847): биографический очерк. – Санкт-Петербург: типолитогр. А.Э. Мюнстера, 1882. – 44 с.
4. Бумаги Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 90. – Санкт-Петербург: [Б.и.], 1894. – 635 с.
5. Ванькина Е.А. О проектах реформирования российской судебной системы накануне 1864 г. // Социально-политические науки. – 2012. – № 3. – С. 56-59.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 250.
7. Дронов М.Ю. Михаил Андреевич Балугьянский: «Свой» среди «Чужих», «Чужой» среди «Своих» // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – № 8-1. – С. 156-164.
8. Жуковская Т.Н. М.А. Балугьянский – университетский профессор, ректор и государственный деятель // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 2(26). – С. 250-270.
9. Кальсина А.А. Об устройстве юридических факультетов в иностранных университетах (заметки М.А. Балугьянского в "Журнале Министерства народного просвещения" 1834 г.) // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Мат. XX межд. науч.-теорет. конф. В 2-х ч. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 2173-2179.
10. Коркунов Н.М. М.А. Балугьянский. Проект судебного устройства 1828 г. – Санкт-Петербург: типография Правительствующего сената, 1895. – 8 с.
11. Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 271 с.
12. Муравьева Л.А. Состояние финансово-экономической мысли России в первой половине XIX века // Финансы и кредит. – 2011. – № 34 (466). – С. 69-79.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1251. – Оп. 1. – Ч. 1. – Д. 89.
14. Рылова Е.М., Шляхов М.Ю. Формирование отечественной экономической мысли в начале XIX века на примере работ М.А. Балугьянского // Наука и практика регионов. – 2019. – № 4(17). – С. 31-35.
15. Слободянюк И.П. Проекты преобразования судебной системы России в первой половине XIX в. и подготовка судебной реформы // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. – 2004. – С. 130-142.
16. Тебиев Б.К. Г. Михаил Андреевич Балугьянский (1769-1847) // Экономический журнал. – 2014. – №2 (34). – С. 100-108.
17. Тебиев Б.К.Г. Первый ректор Петербургского университета // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 139-145.
18. Фатеев А.Н. Академическая и государственная деятельность М.А. Балугьянского в России. – Ужгород: [б. и.], 1931. – 64 с.

19. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 1-2. Судоустройство: Ч. 1. – Санкт-Петербург, 1871. – 623 с.

REFERENCES

1. Anikeeva A.A. Moral institutions in the financial views of M.A. Balugyansky and his social activities // *Finance and Credit*. – 2010. – No. 28 (412). – P. 70-76.
2. Anikeeva A.A. The content of finance in the views of M. A. Balugyansky // *Finance and Credit*. – 2010. – No. 24 (408). – P. 83-88.
3. Baranov P.I. Mikhail Andreevich Balugyansky, State Secretary, Senator, Privy Councilor (1769–1847): biographical essay. – St. Petersburg: typolithograph. A.E. Munster, 1882. – 44 p.
4. Papers of the Committee established by the imperial rescript of December 6, 1826 // *Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 90. – St. Petersburg: [B.i.], 1894. – 635 p.
5. Van'kina E.A. On projects for reforming the Russian judicial system on the eve of 1864 // *Social and political sciences*. – 2012. – No. 3. – P. 56-59.
6. State Archives of the Russian Federation (GARF). – F. 48. – Op. 1. – D. 250.
7. Dronov M. Yu. Mikhail Andreevich Balug'yansky: "Ours" among "Strangers", "Stranger" among "Ours" // *The Slavic world in the third millennium*. – 2013. – No. 8-1. – P. 156-164.
8. Zhukovskaya T.N. M.A. Balugyansky – University Professor, Rector and Statesman // *Petersburg Historical Journal*. – 2020. – No. 2 (26). – P. 250-270.
9. Kal'sina A.A. On the Structure of Law Faculties in Foreign Universities (notes by M.A. Balugyansky in the "Journal of the Ministry of Public Education" of 1834) // *State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects: Materials of the XX Int. Scientific and Theoretical Conf.* In 2 parts. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – P. 2173-2179.
10. Korkunov N.M. M.A. Balugyansky. Project of the judicial system of 1828. – Saint Petersburg: Printing House of the Governing Senate, 1895. – 8 p.
11. Kosachevskaya E.M. Mikhail Andreevich Balugyansky and the Petersburg University of the First Quarter of the 19th Century. – Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1971. – 271 p.
12. Muravyova L.A. The State of Financial and Economic Thought in Russia in the First Half of the 19th Century // *Finance and Credit*. – 2011. – No. 34 (466). – P. 69-79.
13. Russian State Historical Archive (RGIA). – F. 1251. – Op. 1. – Part 1. – D. 89.
14. Rylova E.M., Shlyakhov M.Yu. The Formation of Domestic Economic Thought at the Beginning of the 19th Century on the Example of the Works of M. A. Balugyansky // *Science and Practice of Regions*. – 2019. – No. 4(17). – P. 31-35.
15. Slobodanyuk I.P. Projects for the Transformation of the Russian Judicial System in the First Half of the 19th Century and Preparation of Judicial Reform // *History of Russia. Series of Analytical Reviews and Collections*. – 2004. – P. 130-142.
16. Tebiev B.K.G. Mikhail Andreevich Balugyansky (1769-1847) // *Economic Journal*. – 2014. – No. 2 (34). – P. 100-108.

17. Tebiev B.K. G.The First Rector of St. Petersburg University // Higher Education in Russia. – 2004. – No. 11. – P. 139-145.
18. Fateev A.N. Academic and state activities of M. A. Balugyansky in Russia. – Uzhgorod: [b. i.], 1931. – 64 p.
19. Filippov M.A. Judicial reform in Russia. T. 1–2. Judicial system: Part 1. – St. Petersburg, 1871. – 623 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_162-167

УДК 908

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НИКОЛАЯ II: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД
РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ**
THE HISTORICAL IMAGE OF NICHOLAS II: THE MODERN VIEW OF RUSSIAN
HISTORIANS

Потрашкова В.В., студентка

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Potrashkova V.V., student

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: статья раскрывает эволюцию научных взглядов на личность и деятельность российского императора Николая II в контексте отечественной историографии. Рассматриваются кардинальные перемены в осмыслении его образа, произошедшие после распада СССР. Отмечается, что советская историографическая традиция преобладала в критике его личности и политики, выделяя негативные черты управления и внутренние противоречия империи. Напротив, новейшие исследования вводят новые акценты, выявляя активные реформы и заслуги императора, ставя его поступки в рамки сложного исторического контекста рубежа XIX-XX вв. Исследователи указывают на важность учета факторов внешней среды и внутренних конфликтов, влияющих на политические решения и судьбу последнего русского монарха.

Abstract: The article reveals the evolution of scientific views on the personality and activities of the Russian Emperor Nicholas II in the context of Russian historiography. The article examines the fundamental changes in the understanding of his image that occurred after the collapse of the USSR. It is noted that the Soviet historiographical tradition prevailed in criticizing his personality and politics, highlighting the negative features of governance and the internal contradictions of the empire. On the contrary, the latest research introduces new accents, revealing the active reforms and merits of the emperor, placing his actions within the complex historical context of the turn of the XIX–XX centuries. Researchers point out the importance of taking into account environmental factors and internal conflicts that influence political decisions and the fate of the last Russian monarch.

Ключевые слова: Николай II, советская историография, послесоветский период, современная историография, канонизация.

Keywords: Nicholas II, Soviet historiography, post-Soviet period, modern historiography, canonization.

Николай II – одна из самых спорных фигур российской истории. Исследование различных подходов к изучению личности и деятельности Николая II позволяет сделать вывод о том, что восприятие его фигуры претерпело значительные изменения в постсоветский период. В советской историографии император традиционно оценивался негативно, с акцентом на его слабости и неудачи в управлении государством. Эту точку зрения разделяли и многие эмигрантские историки, в частности, П.Н. Милюков. Современные исследования предлагают более сбалансированный взгляд на личность Николая II, признавая как положительные аспекты его правления, так и сложность исторического контекста, в котором он действовал. Современные историки, такие как А.Н., Боханов, Д.А. Андреев и С.В. Куликов, рассматривают Николая II как активного реформатора, проводившего важные экономические и социальные преобразования. Таким образом, современная наука стремится представить Николая II как многогранную личность, учитывая как его достижения, так и объективные трудности эпохи, обусловленные внешними обстоятельствами и внутренней оппозицией.

Так, известный либеральный политик и не менее известный историк П.Н. Милюков, описал последнюю фазу существования Российской империи как эпоху глубокого кризиса. По его мнению, неспособность царя справиться с внутренними проблемами привела к росту недовольства в обществе и ускорила крах монархии. Милюков особо подчёркивает личностные недостатки Николая II, такие как неуверенность, недостаток твёрдых решений и чрезмерная зависимость от близких родственников и фаворитов, вроде Григория Распутина. Эти слабые стороны царя, по Милюкову, сделали невозможным успешное управление огромной страной. Квинтэссенцией такой позиции является фраза из труда Милюкова «История второй русской революции»: «Слабость воли императора заставляла его полагаться на дворцовые интриги и беспомощных советчиков, лишая его возможности самостоятельно принимать решения» [1, с. 178].

Одним из первых историков-эмигрантов, которые исследовали судьбу царской семьи, был С.П. Мельгунов. В 1951 г. в Париже он опубликовал книгу «Судьба императора Николая II после отречения». В своём труде Мельгунов рассматривает период от ареста Николая II и его супруги Александры Фёдоровны до расстрела царской семьи и приходит к выводу о брошенности бывшего императора всеми. Особое внимание он уделяет работе так называемой «муравьёвской комиссии», которая занималась расследованием «измены» царя. Автор утверждает, что Временное правительство ясно видело невиновность Николая II, но это никак не повлияло на его судьбу. К этому добавилось явное безразличие Англии и Германии к судьбе царя. Мельгунов также говорит о том, что у монархистов не было никакого плана по спасению императора. В результате, по мнению историка, сложилась цепочка предательств, которая привела к трагедии в Екатеринбурге. В конце своей книги Мельгунов делает вывод о неизбежности гибели царской семьи: «Если не в июле, то в следующие страшные дни кровавого разгула «красного террора» гибель была почти неминуема, поскольку члены династии оставались во власти разнузданного насилия большевиков» [2, с. 492].

Статья современного исследователя Д.А. Андреева посвящена детальному анализу первых месяцев правления Николая II после восхождения на трон в ноябре 1894 г. Автор

отмечает, что царь чётко обозначил свои приоритеты, провозгласив, что намерен продолжить дело своего отца, Александра III, сохраняя принцип абсолютной монархии и противодействуя любым попыткам введения парламентаризма или иных преобразований [3, с. 115-116]. Уже в первые месяцы своего правления император выразил недовольство деятельностью министра путей сообщения А.К. Кривошеина, чьи планы по реформированию железнодорожного транспорта вызвали серьёзные правительственные разногласия, что в итоге и привело к отставке министра [3, с. 118-119]. Более того, молодой император продемонстрировал свою независимость в принятии решений и умение ориентироваться в сложной международной обстановке. Например, он отклонил рекомендацию Министерства иностранных дел поддержать разработку японской Конституции, предпочтя избегать вовлечения в международные процессы [3, с. 120-121]. Параллельно с этим Николай провёл серьёзную реорганизацию Кабинета министров, назначив новых компетентных лиц, способных эффективно управлять министерствами. Такая быстрая смена кадров позволила обновить структуру власти, повысить её эффективность и обозначить курс нового правительства [3, с. 122-123]. Эти примеры демонстрируют, как молодой император преодолевал трудности первых месяцев своего правления, принимая осознанные и взвешенные решения, направленные на укрепление и стабилизацию Российской империи.

Другой современный исследователь, С.В. Куликов, основной задачей ставит переосмысление роли императора Николая II как реформатора, показывает его личный вклад в реализацию значимых экономических, правовых и социальных преобразований Российской империи начала XX в. Историк критикует традиционное представление о Николае II как исключительно слабом правителе, склонном к консерватизму и реакционности, и подчеркивает его активную реформаторскую деятельность. Куликов утверждает, что традиционный подход к оценке деятельности Николая II сильно ограничен устоявшейся концепцией, согласно которой император считался главным препятствием на пути прогрессивных перемен: «... во многих работах, посвящённых Николаю II и его царствованию, говорится о принципиальной враждебности последнего самодержца модернизации...» [4, с. 45]. На примере многочисленных фактов и доводов, исследователь доказывает, что реформы эпохи Николая II, такие как аграрная реформа, судебная реформа и реформы трудового законодательства, начались задолго до революционных событий и не являлись результатом давления оппозиции: «Еще будучи наследником, Николай II хорошо понимал необходимость осуществления аграрной реформы» [4, с. 47]. Революционная оппозиция, слабость парламента, военные конфликты и внешние обстоятельства значительно тормозили выполнение реформаторских планов Николая II: «Модернизация была осложнена наличием внешней угрозы, недовольством оппозиции и неспособностью законодательных органов оперативно решать возникающие вопросы» [4, с. 54].

Противоречия в оценке Николая II отразились в эволюции научных взглядов его наиболее крупного биографа советского и российского историка А.Н. Боханова (1944-2019). Начиная с 1990-х гг. его книги и статьи получили широкое распространение, чему способствовала общая атмосфера освобождения от старых идеологических шаблонов и

общественная жажда нового [6, 7]. До середины 1990-х гг. Боханов воспринимал Николая II как противоречивую фигуру, акцентируя внимание на кризисе самодержавия и упущенных реформах. В его монографии «Сумерки монархии» царь представлен человеком с высокими личными качествами, но слабыми политическими талантами и нерешительностью. Позже, Боханов стал положительно оценивать императора, подчеркивая его духовность и жертвы, вызванные неблагоприятными обстоятельствами и предательством окружения. Именно Боханов разработал современный образ Николая II как человека, заслуживающего уважение и даже восхищение, заменив советский негативный стереотип на позитивный [5, с. 162].

Нетривиальный взгляд на прошлое императора предлагает Сергей Штырков. В своей работе он задаёт вопрос: как строится «духовное видение» истории в современной православной среде и какую роль играют религиозные факторы в интерпретации ключевых исторических событий, в частности таких как убийство семьи Николая II? И приходит к выводу, что концепция «духовного видения» становится доминирующей в русскоязычной православной среде постсоветского периода. Это отражается в массовой культуре, общественном сознании и даже официальных заявлениях религиозных лидеров. Одним из ярких проявлений «духовного видения» является практика поиска тайных смыслов в исторических событиях. Например, убийство семьи Николая II рассматривается не просто как следствие политических причин, а как часть большего, универсального плана борьбы Добра и Зла, где убитые царские дети и их родители становятся жертвами глобального заговора [8].

После распада Советского Союза в российской исторической науке произошли значительные изменения, касающиеся восприятия личности и роли последнего российского императора Николая II. Долгое время советская историография представляла Николая II исключительно негативно, изображая его как реакционера, который задерживал прогрессивное развитие страны и вёл её к краху. Однако в постсоветский период учёные отказались от подобной однозначности и начали подходить к изучению Николая II более взвешенно и разнообразно. Исследователи получили доступ к зарубежным архивным и эпистолярным материалам, что позволило изучить личность Николая II глубже и детальнее, включая его человеческие качества, переживания и политические шаги. Кроме того, рост влияния православной церкви в постсоветской России привёл к тому, что образ Николая II как святого мученика стал популярен среди верующих. Канонизация царской семьи и широкое освещение её трагической судьбы в СМИ и художественной литературе способствовали смене негативного восприятия Николая II на положительное или нейтральное. Ещё одним фактором стало возвращение к опыту русской эмиграции, чьи представители критиковали советскую историографию и предлагали альтернативные взгляды на историю. Это создало почву для пересмотра устоявшихся представлений и включения иных точек зрения в научный оборот. Значимую роль в изменении отношения к Николаю II сыграл известный историк Александр Боханов, чьи работы показали последнего императора не только как неудачливого политика, но и как человека с высоким уровнем духовности, трагической судьбой и уважаемого руководителя. Труд Боханова, как и его коллег, вызвал оживлённую дискуссию и стимулировал новый подход к рассмотрению личности Николая II. Наконец, современные

историки стали переоценивать исторический контекст, в котором действовал Николай II. Признавая сложности и трудности, с которыми он столкнулся в последние годы своего правления, исследователи постарались взглянуть на его деятельность более объёмно и целостно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Милуков П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милуков. Агония власти. – София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. – 307, [1] с.
2. Мельгунов С.П. Судьба императора Николая Второго после отречения: историко-критические очерки. – Москва: Вече, 2005. – 542, [1] с.: ил.
3. Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 114-125.
4. Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 45-60.
5. Тарныгина Е.А. Эволюция взглядов А.Н. Боханова на личность и деятельность Николая II и идею монархии в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – Исторические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 1. – С. 154-167.
6. Боханов А.Н. Сумерки монархии. – М.: Проспект, 2023. – 336 с.
7. Боханов А.Н. Император Николай II. – М.: «Русское слово», 1998. – 567 с.
8. Штырков С. Духовное видение истории как дискурсивный порядок политической эсхатологии: убийство семьи Николая II в поздней постсоветской православной историософии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – Т. 37. – № 4. – С. 130-166.

REFERENCES

1. Milyukov P.N. The history of the Second Russian Revolution / P.N. Milyukov. The agony of power. – Sofia: Russian-Bulgarian Book Publishing House, 1921. – 307, [1] p.
2. Melgunov S.P. The fate of Emperor Nicholas II after the abdication [Text]: historical and critical essays. – Veche, 2005. 542, [1] p.: ill.
3. Andreev D.A. Emperor Nicholas II in the first months of his reign: external influences and independent decisions // Russian history. – 2011. – No. 4. – Pp. 114-125.
4. Kulikov S.V. Emperor Nicholas II as a reformer: towards a problem statement // Russian History. – No. 4 – 2009. – Pp. 45-60.
5. Tarnyagina E.A. The evolution of A.N. Bokhanov's views on the personality and activity of Nicholas II and the idea of monarchy in Russia // Scientific Notes of the Crimean Federal University V.I. Vernadsky University. – Historical sciences. – 2017. – Vol. 3 (69). – No. 1. – Pp. 154-167.
6. Bokhanov A.N. Twilight of the monarchy. – M.: Prospekt, 2023. – 336 p.
7. Bokhanov A.N. Emperor Nicholas II. – M.: Russian Word, 1998. – 567 p.

8. Shtyrkov S. The spiritual vision of history as a discursive order of political eschatology: the murder of Nicholas II's family in late post-Soviet Orthodox historiosophy // *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. – 2019. – Vol. 37. – No. 4. – Pp. 130–166.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_168-175

УДК 327.54

**БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1953 Г. – НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ ИЛИ МЯТЕЖ?
BERLIN CRISIS OF 1953 – PEOPLE UPRISING OR REBELLION?**

Балабаев М.В., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Balabaev M. V., teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В данной статье рассмотрен один из локальных конфликтов, в котором принимал участие Советский Союз – Берлинский кризис 1953 г. Также дан ответ на вопрос, чем же являлся Берлинский кризис – подлинно народным восстанием против диктатуры, или же инспирированным западными спецслужбами мятежом. Безусловно, чтобы ответить на этот вопрос, следует изучить различные документы и воспоминания компетентных лиц.

Abstract: This article reviewed one of the local conflicts in which the Soviet Union took part – the Berlin crisis of 1953. The answer is also given to the question of what the Berlin crisis was – a genuine popular uprising against the dictatorship, or a rebellion inspired by Western intelligence services. Of course, to answer this question, we have to study various documents and memoirs of competent persons.

Ключевые слова: Германия, ГДР, Холодная война, спецслужбы, 1953 год, события 17 июня, мятеж, контрреволюция.

Keywords: Germany, GDR, the Cold War, special services, 1953, the events of June 17, rebellion, counterrevolution.

1953 год выдался для социалистического лагеря годом больших потрясений. В марте умер Сталин и началась борьба за власть в самом СССР, а уже в июне ГДР потряс мятеж. В настоящей статье дан ответ на вопрос, чем же являлись события в ГДР июня 1953 г. – народным восстанием, или же инспирированным извне контрреволюционным мятежом.

Данный вопрос особенно актуален в свете того, что в наше время совершаются различные попытки дестабилизировать ситуацию в странах, соседствующих с Россией – например, в Грузии, и за этими попытками видят не только внутренние проблемы этих стран, но и действия иностранных спецслужб. К тому же при рассмотрении вопроса о событиях в ГДР стоит учитывать тот фактор, что в стране всего лишь 8 лет назад был свергнут гитлеровский режим, и, несмотря на то, что Советская Военная Администрация в Германии проводила денацификацию по-настоящему, а не попустительствуя нацистам, как администрации союзников, безусловно, какое-то количество нацистов в ГДР могло уцелеть.

Прежде всего стоит обратиться к различным документам, касающимся данного вопроса. Так, 16 июня Л.П. Берии в 15:40 сообщили, что несколькими часами ранее в демократическом секторе Берлина началась демонстрация, в которой участвуют около 5 тысяч рабочих. Рабочие выступают за отмену решения о повышении им норм выработки на 10 %, принятого 28 мая 1953 г. В СЕПГ уже стали обсуждать вопрос об отмене этого постановления [10, с. 82-83].

Стоит отметить, что подобное сообщение о забастовках на строительных объектах радиостанция РИАС стала передавать ещё вечером 15 июня и утром 16-го. В новостях сообщалось, якобы делегация строительных рабочих из Восточного Берлина посетила радиостанцию РИАС, и попросила передать по радио их требования. Рабочие якобы обратились к радиостанции потому, что Ульбрихт и Гротеволь не стали бы их слушать. Однако ещё вечером 16 июня СЕПГ стало обсуждать вопрос о внесении изменений в постановление от 28 мая. То есть, как видно, ещё до мятежа. Но призывы к мятежу со стороны РИАС продолжались [9, с. 215].

Комендант советского сектора Берлина генерал-майор П.Т. Дибров в своём письме комендантам западных секторов Берлина от 20 июня 1953 г. отмечает, что принятые 17 июня военными властями меры были направлены на предотвращение различных провокаций и поджогов со стороны фашиствующих элементов, которые нередко прибывали из западных секторов Берлина. Также он сообщает в своём письме комендантам западных секторов, что зачинщики беспорядков имели с собой оружие, радиопередатчики и были специально проинструктированы.

Комендантам западных секторов предъявляются и весомые доказательства, что беспорядки возникли во многом из-за подстрекательства людей, специально засланных с запада. Так, задержанный Вернер Кальковский сообщил, что он проживал в Западном Берлине, и был послан в советский сектор в составе группы из 90 человек для проведения поджогов, грабежей и других противоправных действий. Разумеется, все это он делал за деньги.

Потому комендант подчёркивает, что при таких обстоятельствах советские военные власти не могли поступить иначе, то есть остаться безучастными и предоставить свободу действия агентам, засланным из западных секторов. Он задаёт риторический вопрос комендантам западных секторов: как бы поступили они, если бы из Восточного Берлина были засланы в их сектора агенты-провокаторы, которые стали бы устраивать различные бесчинства и призывать к насилию?

Также он не видит никаких препятствий к восстановлению транспортного сообщения между секторами Берлина, при условии, что в западных секторах примут меры, которые предотвратят заброску преступных элементов в восточный сектор [4, с. 268].

30 июня 1953 г. комендант советского сектора направляет новое письмо в адрес комендантов западных секторов, где указывает, что их государства напрасно стараются отрицать факторы своего вмешательства в события 17 июня. Он указывает, что точно установлено, как американские самолёты 17 июня сбрасывали над Восточным Берлином

листовки с призывами к беспорядкам и выступлениям против правительства ГДР. Также известно, что 17 июня американская радиостанция «РИАС» и машины с радиоустановками передавали в Восточный сектор конкретные указания мятежникам.

Дибров приводит на этот раз показания другого арестованного агента западных стран – Гюнтера-Алоиса Немеца, проживающего в американском секторе. Тот показал, что был послан американским офицером в советский сектор в составе группы, имеющей оружие и бутылки с зажигательной смесью.

Также комендант обращает внимание на то, что уже после ликвидации беспорядков в Западном Берлине продолжались митинги и собрания, где выступали фашистские элементы, а канцлер ФРГ Аденауэр призвал к новым выступлениям и провокациям против ГДР [5, с. 269].

На 15 пленуме ЦК СЕПГ отмечали, что к выступлению против ГДР западные страны подтолкнуло изменение международной обстановки. Переговоры о перемирии в Корее уже стали продвигаться гораздо активнее, в Будапеште прошла сессия Всемирного Совета Мира, что очень не нравилось правящим кругам США. Отмечалось, что Аденауэр и Кайзер открыто предвещали фашистский день «икс».

Отмечалось также, что большинство рабочих отказались участвовать во всеобщей забастовке, объявленной фашистскими провокаторами, в ней приняли участие лишь около 5 % всех рабочих республики. Не нашли особой поддержки мятежники и среди крестьян и интеллигенции, а государственные органы и советские войска способствовали срыву фашистской провокации [3, с. 274].

Если присмотреться, все эти заявления вовсе не выглядят какой-то «лакировкой действительности», как принято считать. Советские войска управились с мятежом в Берлине всего за один день, тогда как через 3 года на ликвидацию мятежа в Венгрии у них уйдёт гораздо больше времени, и последствия мятежа придётся ликвидировать гораздо дольше. Однако стоит учитывать и то, что западные спецслужбы усвоили свои ошибки в 1953 г.

Для ФРГ поражение путча тоже не осталось без последствий. Так, правительство ФРГ выдвинуло и осуществило требование о дополнительном вооружении. Аденауэр продолжал твердить в своих речах, что только если Запад будет силён, будет возможность освободить Восточную Германию и всю Европу восточнее железного занавеса [9, с. 74].

Бывший агент БНД Хайнц Фельфе пишет, что Гелен – глава разведслужбы БНД, готовил путч 17 июня задолго до его начала. Подтверждает это «Ориентировка 6600» от 29 июля 1952 г., чаще называемая программой «Юно». Служба Гелена разрабатывала план мятежа в тесном сотрудничестве с ЦРУ. Что характерно, накануне мятежа Западный Берлин посещали Аллен Даллес – директор ЦРУ, и Элеонора Даллес, а также специальный помощник государственного секретаря по проблемам Берлина и ещё некоторые интересные личности из США и ФРГ [8, с. 146].

Стоит остановиться на этой программе. Так, программой «Юно» все главные подразделения БНД ориентировались на проведение провокаций. Программа содержала также указания по усилению «наблюдения за высшими правительственными и партийными

органами ГДР, а также за имеющимися там информационными центрами» [8, с. 147]. Однако в СССР заблаговременно получили сведения об этой программе, и потому реакция на провокацию оказалась столь быстрой. ЦРУ и служба Гелена потерпели поражение, и их агентурная сеть к востоку от Эльбы подверглась разгрому [8, с. 149].

Сам В. Ульбрихт, разумеется, считал события 17 июня фашистским мятежом, и на вопрос западногерманских рабочих, что произошло 17 июня 1953 г., ответил: представители американских властей и агрессивные силы ФРГ уже давно выступили с лозунгом завоевания ГДР, а после провозглашения нового курса они приложили все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать улучшению условий жизни трудящихся ГДР. Он считал, что люди, устроившие беспорядки, были посланы министром внутригерманских отношений Якобом Кайзером и действовали по указам организации «Исследовательский совет по вопросам воссоединения Германии». Также он отмечал, что постановление, вызвавшее недовольство рабочих, было принято в ответ на слишком «ускоренное» строительство социализма, которое могло нанести вред. В итоге Ульбрихт подчеркнул, что мятеж был направлен именно на восстановление власти капиталистов и помещиков. [7, с. 560].

Теперь же обратимся к воспоминаниям тех людей, которые считали, что события 17 июня 1953 г. в ГДР были именно народным восстанием, прежде всего, к воспоминаниям самого канцлера ФРГ К. Аденауэра. Так, он считал, что действительность в советской зоне оккупации была весьма неприглядной, о чём и свидетельствовали данные события. Также он рассказывал о тысячах беженцев, которые регулярно прибывали в ФРГ, чтобы спастись от красного террора [1, с. 122]. Однако, после изучения советских документов, все доводы канцлера кажутся не слишком убедительными, и видно, что он пытался сбросить с себя ответственность. В действительности ФРГ тех лет можно найти не меньше, а, пожалуй, даже больше неприглядного, но цель данной работы заключается не в этом.

Интересно будет и изучить взгляды последующих канцлеров ФРГ, особенно социал-демократов. Так, будущий канцлер ФРГ Вилли Брандт, с которым обычно связывают потепление отношений между СССР и ФРГ, стоял на таких же правых позициях, что и Аденауэр. Он считал, что народное восстание имело два аспекта: требование социального освобождения и национальной свободы. Как и Аденауэр, он твердил о массовом бегстве на Запад – весной 1953 целых 50 тысяч человек. Однако он отмечал, что Запад подвёл восставших, не оказал им настоящей поддержки и подорвал доверие к себе [2, с. 31].

Также он считал, что восстание привело к полному изменению обстановки. В Москве уже стали задумываться о замене руководства СЕПГ. Однако в то же время восстание помешало наметиться коренному перелому в советской политике по отношению к Германии. Ведь Берия выступил за новый курс, следуя которому СЕПГ должна была пожертвовать собой и уйти в оппозицию вместе с КПГ [2, с. 166]. Хрущёв впоследствии даже обвинял Берию и Маленкова в попытках «продать» ГДР. Он отметил, что Ульбрихт уклонился от исполнения требований советского правительства, в отличие от венгерского правительства в 1956 и чехословацкого в 1968 гг.

Подводя итоги событиям 1953 г., Брандт отмечает, что они начались как протест рабочего класса против повышения производственных норм и плохих условий жизни, затем как стремление добиться права на самоопределение в общем и проведения свободных выборов в частности. [2, с. 466].

Консерватор и будущий министр обороны ФРГ Франц Йозеф Штраус тоже отмечал, что события в ГДР были народным восстанием. Недовольство людей «на той стороне» будто бы застало его и его партию ХСС врасплох, хотя они и знали, что оно нарастает день ото дня [11, с. 215].

По его словам, что уже с первых сообщений о восстании стало ясно, что восстание ставит целью не только борьбу за более гуманные условия жизни и формы организации труда, но и что оно является восстанием против коммунистической диктатуры и борьбой за Германию. Однако Штраус понимал, что восстание в ГДР обречено на поражение, ведь по разведанным советские войска насчитывали в ГДР около 400 тысяч человек. Тем более что советские солдаты беспрекословно выполняли приказы, в отличие от служащих народной полиции, многие из которых якобы были позднее расстреляны за неповиновение [11, с. 213].

Из этого он сделал вывод, что успех восстания был бы возможен только в случае американского вмешательства. Вероятно, прямого, поскольку, как мы уже убедились, американское вмешательство вполне имело место. В то же время он считал, что СССР и США договорились: каждая сторона делает в своей оккупационной зоне то, что хочет, не опасаясь военного вмешательства с противоположной стороны.

В целом, несмотря на множество заявлений, митингов, воззваний, правительство ФРГ не предпринимало никаких действий, за что он его и критиковал. Американское отношение к восстанию тоже претерпело внезапное изменение от поощрения к сдержанности, так как в США стали опасаться, что события выйдут из-под контроля.

Для самого же Штрауса восстание послужило доказательством того, что ни советская общественная система, ни советская оккупация не могут создать прочный фундамент для власти СЕПГ и Ульбрихта. Он считал режим Ульбрихта незаконным. Затрагивая отношение других партий к восстанию, например, той же СДПГ, к которой принадлежал будущий канцлер Брандт, он отмечал нереалистичность их взглядов. С одной стороны, СДПГ порвала все контакты с СЕПГ и не проявляла к ней никакой симпатии, и вообще, причисляла себя к западному лагерю. С другой стороны, нейтралистские акценты вызывали у Штрауса сомнения в твёрдости её политики [11, с. 215]. То есть, он считал СДПГ недостаточно прозападной, несмотря на то, что и она полностью разделяла позицию правящих кругов ФРГ о «народном восстании в ГДР» и даже помогала в его подготовке.

Как отмечает немецкий юрист и историк Арнульф Баринг, события 17 июня 1953 г. явились следствием действий СЕПГ, начавшихся годом ранее. На Второй партконференции СЕПГ Ульбрихт объявил, что целью партии должно стать установление социализма. Не будет лишним напомнить, что страны народной демократии – это страны с ещё не построенным социализмом, там сохранялась частная собственность на средства производства и т.д. Однако это заявление ещё не означало начала перехода к социализму [12, р. 3]. Также он отрицает

всяческие попытки западной агентуры оказать влияние на строительных рабочих в ГДР. К тому же строительные рабочие западных и восточных секторов общались друг с другом до возведения стены, а в Западном Берлине с 1951 г. активно велось строительство, и в связи с этим руководству ГДР будто бы приходилось конкурировать с частными фирмами Западного Берлина [12, р. 39.]. Неоднозначное утверждение, ведь в начале 1950-х гг. ФРГ явно не обгоняла ГДР по уровню жизни.

Всего демонстрациями 17 июня было охвачено не менее 250 городов ГДР. В целом восточные и западные источники не так сильно отличались в оценке количества бастующих и количества охваченных протестами городов. Гротеволь заявлял о 300 тысячах бастующих в 272 городах, западные источники – о 372 тысячах в 274 городах [12, р. 52]. По версии Гротеволья, бастовало 5,5 % рабочих, по версии западных источников – 6,8 %. Если рассмотреть, рабочие каких отраслей бастовали чаще всего, то там, помимо строительной отрасли, мы увидим горнодобывающую и химическую промышленность.

Важно отметить и то, что мятеж разжигали не только западные спецслужбы, но и находящийся у них под покровительством Народно-Трудовой Союз Российских Солидаристов, члены которого сотрудничали с немцами. Ключевая фигура этого союза – А. П. Столыпин, не только не скрывал участия союза в восстании, а гордился. В ночь с 16 на 17 июня члены Союза активно стали готовить различные листовки и литературу. В частности, советских военнослужащих они призывали не стрелять в немецких трудящихся. Восставшим немцам внушали, что советская власть их враг, но русские солдаты – их друзья [6, с. 156].

Если Штраус утверждал, что репрессии обрушились только на народную полицию ГДР, а советские солдаты чётко исполняли приказы, то Столыпин, наоборот, утверждает, что советские солдаты не слушали приказов и часть их, по словам неизвестного очевидца, была 18 июня расстреляна в г. Магдебурге за неисполнение приказа. Подобное представляется сомнительным, и больше похожим на приём пропаганды Геббельса [6, с. 157].

Подводя итоги, следует признать, что события 17 июня 1953 г. всё-таки мало похожи на народное восстание. Доля рабочих в нём даже по западным данным была менее 7 %, а крестьянство и интеллигенция тоже отнеслись к нему довольно пассивно. Доводы сторонников того, что в ГДР произошло народное восстание притянуты за уши и в основном являются обычной демагогией. Зато вполне достаточно доказательств того, что «народное восстание» готовилось заранее, даже не с 1952 г., и готовилось совсем не народом, а западными спецслужбами и бывшими фашистами. Так что современным исследователям стоит быть более осторожными в оценке того или иного движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аденауэр К. Воспоминания (1953–1955). Выпуск второй. – М.: Прогресс, 1968. – 294 с.
2. Брандт В. Воспоминания. – М.: Новости, 1991. – 528 с.

3. Из резолюции 15-го пленума Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии «Новый курс и задачи партии» // Отношения СССР с ГДР. 1949–1955. Документы и материалы. – М.: Госполитиздат 1974. – С. 273-275.
4. Письмо военного коменданта советского сектора Берлина генерал-майора П.Т. Диброва комендантам западных секторов Берлина в связи с событиями 17 июня 1953 г. // Отношения СССР с ГДР. 1949-1955. Документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1974. – С. 267-268.
5. Письмо военного коменданта советского сектора Берлина генерал-майора П.Т. Диброва комендантам западных секторов о засылке провокаторов и фашистских агентов в советский сектор Берлина // Отношения СССР с ГДР. 1949-1955. Документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1974. – С. 269-270.
6. Столыпин А.П. На службе России. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1986. – 304 с.
7. Ульбрихт В. Роль рабоче-крестьянской власти в Германской Демократической Республике // Избранные статьи и речи. – Москва: Госполитиздат, 1964. – С. 555-565.
8. Фельфе Х. Мемуары разведчика. Шпионаж в пользу войны. Разведка в пользу мира. – М.: Издательство политической литературы, 1988. – 320 с.
9. Хайнрих Э., Ульрих К. Вражда с первого дня. Три десятилетия провокаций против ГДР. – М.: Прогресс, 1983. – 226 с.
10. Христофоров В.С. Документы Центрального архива ФСБ России о событиях 17 июня 1953 г. в ГДР // Новая и новейшая история: 2004. №1. – С. 72-124.
11. Штраус Ф.Й. Воспоминания. – М.: Международные отношения, 1991. – 560 с.
12. Baring A. Uprising in East Germany: June 17, 1953. – Ithaca: Cornell University Press. 1972. – 232 p.

REFERENCES

1. Adenauer K. Memoirs (1953-1955). The second issue. – М.: Progress, 1968. – 294 p.
2. Brandt V. Memoirs. – Moscow: Novosti, 1991. – 528 p.
3. From the resolution of the 15th Plenum of the Central Committee of the Socialist United Party of Germany "The New Course and the tasks of the Party" // Relations of the USSR with the GDR. 1949-1955. Documents and materials. – Moscow: Gospolitizdat, 1974. – Pp. 273-275.
4. Letter from the military commandant of the Soviet sector of Berlin, Major General P.T. Dibrov, to the commandants of the western sectors of Berlin in connection with the events of June 17, 1953 // Relations of the USSR with the GDR. 1949-1955. Documents and materials. – Moscow: Gospolitizdat, 1974. – Pp. 267-268.
5. Letter from the military commandant of the Soviet sector of Berlin, Major General P. T. Dibrov, to the commandants of the Western sectors about sending provocateurs and fascist agents to the Soviet sector of Berlin // USSR relations with the GDR. 1949-1955. Documents and materials. – Moscow: Gospolitizdat, 1974. – Pp. 269-270.
6. Stolypin A.P. In the service of Russia. – Frankfurt am Main: Possev, 1986. – 304 p.

7. Ulbricht V. The role of workers' and peasants' power in the German Democratic Republic // Selected articles and speeches. – Moscow: Gospolitizdat, 1964. – Pp. 555-565.
8. Felfe H. Memoirs of a scout. Espionage in favor of war. Intelligence in favor of peace. – Moscow: Publishing House of Political Literature, 1988. – 320 p.
9. Heinrich E., Ulrich K. Hostility from the first day. Three decades of provocations against the GDR. – Moscow: Progress, 1983. – 226 p.
10. Khristoforov V.S. Documents from the Central Archive of the FSB of Russia on the events of June 17, 1953 in the GDR. // New and modern history: 2004. No. 1. – Pp. 72-124.
11. Strauss F.J. Memoirs. – Moscow: International Relations, 1991. – 560 p.
12. Baring A. Uprising in East Germany: June 17, 1953. – Ithaca: Cornell University Press. 1972. – 232 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_176-180

УДК 94(410.1)+94(47).046

АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ANGLO-RUSSIAN RELATIONS DURING THE ENGLISH REVOLUTION

Башкатов Д.В., преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Bashkatov D.V., teacher of vocational education
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в статье рассматриваются англо-русские отношения в период английской революции. Важное место отводится обзору реакции Русского государства на происходящее в Англии. Также в статье рассматриваются взаимоотношения России, как с английским парламентом, так и с королевской властью. Помимо этого, даётся оценка последствий английской революции для отношений между двумя государствами.

Abstract: the article examines Anglo-Russian relations during the English Revolution. An important place is given to the review of the reaction of the Russian state to what is happening in England. The article also examines Russia's relations with both the British parliament and the royal government. In addition, an assessment of the consequences of the English Revolution for relations between the two states is given.

Ключевые слова: история, всеобщая история (соответствующего периода), Англия, Россия, международные отношения, отношения с отдельными странами.

Keywords: history, general history (of the relevant period), England, Russia, international relations, relations with individual countries.

Вопрос взаимоотношений России и Запада имеет, пожалуй, вечный характер. Великобритания чаще всего была одним из наиболее сложных западных партнёров для России. Отношения между Англией и Россией насчитывают более 450 лет со дня их официального установления в 1553 г. За это период отношения между государствами претерпевали различные изменения. Были периоды сотрудничества, однако были и периоды противостояния и даже войны.

Если же говорить о середине XVII в., то можно отметить, что отношения между государствами были весьма дружественными. С момента установления дипломатических отношений, их основой была торговля. Главную роль в торговле играла английская Московская компания, основанная в 1555 г. Данная компания имела ряд торговых привилегий, главным из которых было право на беспошлинную торговлю. Стоит сказать, что условия торговых договоров были не всегда выгодны России. Однако, почему же Русское государство на это шло. В середине XVI века Россия нуждалась в западном союзнике для противостояния

враждебной Польше и Литвы. И в роли союзника должно было выступить Английское королевство. Однако, заключить политический союз с англичанами так и не удалось. Тем, не менее отношения между странами были тесными. Серьёзным испытанием для отношений между государствами стала Английская революция.

В 1639 г. г. в Англии происходят революционные процессы, которые в последствии вылились в открытое противостояние короля и парламента. До России сведения о происходящем в Англии дошло только в 1643 г. Эти сведения были довольно не точные и носили даже фантастический характер. Более точные сведения русский двор стал получать с 1645 г. Тогда, уже стало известно о гражданской войне в Англии [5, с. 99]. Несмотря на это, в том же году в Англию был послано посольство Герасима Семёновича Дохтурова. Русского посла хорошо встретили в Лондоне. Так, при въезде посланника в город был дан пушечный салют. Русский посланник жил в одном из правительственных зданий. Также посол присутствовал на встречах с высоко ранговыми английскими чиновниками [3, с. 53]. Однако, самого короля Чарльза I (Карла I) русскому посланнику встретить не удалось, т. к. его не было в Лондоне, ввиду противостояния с парламентом [2, с. 96]. Так, что торжественный приём Дохтурову оказывал парламент. Причины весьма понятны, английский парламент был заинтересован в хорошем положении своих купцов в Русском государстве. Поэтому, представители парламента старались произвести на русского посланника наиболее сильное положительно впечатление.

Тем не менее, Дохтуров совершил ещё одну попытку добиться встречи с королём в Оксфорде, но попытка не увенчалась успехом. Представители парламента, не пустили посла, сославшись на то, что посол может пострадать в результате боевых действий [2, с. 96].

Дохтуров пробыл в Англии около года. За это время ему удалось многое узнать о ситуации в Англии.

Вернувшись на родину, посланник изложил всё царю Алексею. Доклад Дохтурова не вызвал никакой симпатии ни к английским купцам, ни к английскому парламенту. Царь приказал выслать англичан из всех внутренних рынков в приграничные районы [3, с. 55]. До приезда посланника англичане решились права на беспошлинную торговлю. Это говорит о том, что доклад Дохтурова мало повлиял на решения московского царя. Причины же кроются в следующем. Во-первых, жалобы русского купечества, которое из-за привилегий англичан несли ощутимые убытки. Во-вторых, русский царь в принципе неприязненно относился к парламентским бунтовщикам. Из доклада на настроения царя могли повлиять только два момента. Первое, красочное описание жизни англичан, могло привести к выводу, что раз англичане так богаты, то зачем им привилегии, которые наносят вред русскому купечеству. Второй момент, связан с английскими купцами. Представители парламента подтверждали, что Московской компания поддерживает парламент, а как уже было сказано, царь неприязненно относился к бунтовщикам. Так что, парламенту не удалось склонить на свою сторону царя.

Стоит отметить, что не только парламент боролся за лояльность русского царя. В 1647 г. в Россию прибыл английский посланник Люк Найтингейл. Он приехал с грамотой, в которой английский король приветствовал наказание мятежных английских купцов. Так же,

выражалась просьба о покупке зерна, которая была отчасти удовлетворена. Весьма интересно, что после Найтингейла, в Москву прибыл Томас Бонд, который ратовал за возвращение привилегий Московской компании [5, с. 99]. Вероятно, это такой ход английского короля для переманивания на свою сторону английских купцов.

Казнь английского король Чарльз I в январе 1649 г. окончательно подорвала отношения между государствами. В июне 1649 г. русский царь издаёт указ, в котором царь обвиняет английских купцов не только во “вредных” делах для России, но и в совершении “большого злого дела” имея в виду убийство Чарльза I. По этому указу англичан высылали из России, а для торговли был открыт всего один порт- Архангельск [4, с. 167]. А убитого английского короля, в Москве стали именовать как “славного мученика” (*glorieux martyr*) [7, с. 102]. Конечно же, этот эпизод нельзя можно назвать решающим, но он явно утвердил негативную позицию Алексея Михайловича по отношению к Московской компании.

Однако с приходом к власти Оливера Кромвеля отношения начинают постепенно улучшаться. Как известно, О. Кромвель – это большая фигура в истории Англии. Он являлся по сути главным лицом английской буржуазной революции успешно командовавший парламентской армией. Победа парламента в огромной степени была заслугой именно О. Кромвеля. В 1653 г. он устанавливает свою власть над Англией, так называемый “протекторат” (1653-1658 гг.). Основной задачей внешней политики лорда-протектора была нормализация отношений с Испанией и Францией, которые были враждебно настроены к Англии из-за казни короля. Помимо этого, Кромвель хотел обезопасить себя и от возможной угрозы еще с Севера в лице Русского государства.

В августе 1654 г. в Россию был направлен Уильям Придо. Цель - восстановление привилегий Московской компании и признание О. Кромвеля. У. Придо встретился с русским царём дважды 22 февраля и 11 марта [6, с. 143]. Однако, в восстановлении привилегий Московской компании было отказано.

Важно сказать, что в этот период отношения со Стюардами у Москвы не прекращались. Об этом говорит, прибытие в 1650 г. в Россию лорда Джона Колпера посланника Чарльза II (Карла II). Основное требование - восстановление привилегий английских купцов и заём [6, с. 144]. В восстановлении привилегий посланнику было отказано. А вот второе требование, хоть и частично, царь всё-таки удовлетворил. Из требуемых 100 000 рублей было вы дано 20 000 рублей [6, с. 142].

Тем не менее, правительство О. Кромвеля вовсе не собиралось оставлять попытки вернуть торговые привилегии английским купцам. Стоит сказать, что это требование станет основным лейтмотивом в англо-русских отношения в это период. В 1657 г.в Россию была послана миссия Ричарда Бредшоу. И тут было совершено две ошибки. Первая - сам посланник. Р. Бредшоу был родственником Джона Бредшоу, который являлся участником “Верховного судебного трибунала”, который вынес смертельный приговор Чарльзу I [1, с. 109]. Вторая, заключается в маршруте миссии. Посол направлялся в страну через враждебную России Швецию. В итоге посланнику так и не удалось встретиться с царём.

Итак, подводя итог можно сказать, что английская революция нанесла серьёзный удар по англо-русским связям. Это весьма болезненно отразилось в первую очередь на торговле. И пострадала здесь больше именно английская сторона. Вовремя протектората Кромвеля отношения между двумя государствами хоть и несколько улучшилось, однако не вышли на прежний уровень. Главная причина заключается в возросшей политической и военной мощью Русского государства. Ситуация с 1553 г. сильно изменилась. Если тогда, Россия шла на подписание не выгодных для себя договоров по причине необходимости найти союзника для преодоления враждебного блока в лице Польши, Литвы и Ливонского ордена. То к середине XVII века Россия и сама могла справиться со всеми угрозами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Английская буржуазная революция XVII века. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 2. – 384 с.
2. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). – М.: Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1894. – Ч. 1. – 304 с.
3. Зевахин А.А. Политические задачи миссии Г.С. Доктурова в Лондон в 1645–1646 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: научный журнал. – 2010. – № 3. – С. 51-56.
4. Именной указ от 1 июня 1649 г. "О высылке английских купцов из России и о приезде им токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли российской поступки, особенно ж за учиненное в Англии убийство Короля Карла I" // Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. 1. – С. 167-169.
5. Козулин В.Н. Революционная Англия и царская Россия в середине XVII в.: их отношения и восприятие Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой // Известия Алтайского Государственного Университета. – 2015. – № 3. – С. 97-105.
6. Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. – СПб.: Алетейя, 2011. – 271 с.
7. Шунков В.И. Эпизод из деятельности английских купцов в Московском государстве XVII века // Исторический архив. – 1939. – Т. II. – С. 101-114.

REFERENCES

1. The English bourgeois Revolution of the 17th century. – Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. – Vol. 2. – 384 p.
2. Bantysh-Kamensky N.N. Review of Russia's foreign relations (to 1800). – Moscow: Komis. printing of state charters and contracts at the Moscow Chapter of the Arch. Moscow Institute of Foreign Affairs, 1894. – Part 1. – 304 p.
3. Zevakhin A.A. Political tasks of G. S. Dokhturov's mission to London in 1645-1646 // Bulletin of Vyatka State Humanitarian University: scientific journal. 2010. – No. 3. – Pp. 51-56.
4. Nominal decree of June 1, 1649 "On the expulsion of English merchants from Russia and their arrival in Arkhangelsk, for their many unfair and harmful acts for Russian trade, especially for

the murder of King Charles I in England" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. – St. Petersburg: The Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. – Vol. 1. – Pp. 167-169.

5. Kozulin V.N. Revolutionary England and Tsarist Russia in the middle of the 17th century: their relations and perception of England and the British during this period by Russian diplomats and the ruling elite // Proceedings of the Altai State University. – 2015. – No. 3. – Pp. 97-105.

6. Labutina T.L. The British in pre-Petrine Russia. – St. Petersburg: Aleteya Publ., 2011. – 271 p.

7. Shunkov V.I. An episode from the activities of English merchants in the Moscow state of the 17th century // Historical Archive. – 1939. – Vol. II. – Pp. 101-114.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_181-185

УДК 908

**ПОМОЩЬ ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА
НАСЕЛЕНИЮ И ФРОНТУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ASSISTANCE OF THE VORONEZH PROVINCIAL ZEMSTVO
TO THE POPULATION AND THE FRONT IN THE FIRST WORLD WAR**

Семёнова Е.В., старший преподаватель **Semyonova E.V.**, Senior Lecturer, Voronezh
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный State University of Forestry and Technologies
лесотехнический университет имени Г.Ф. named after G.F. Morozov, Russia, Voronezh
Морозова», Россия, Воронеж

Аннотация: статья посвящена деятельности Воронежского губернского земства, направленная на помощь населению и армии в годы Первой мировой войны, в частности, Воронежского губернского комитета помощи раненым. Рассматриваются основные направления этой работы: помощь раненым и инвалидам, семьям мобилизованных на фронт, беженцам, действующей армии и военнопленным. Отмечается, что основным направлением деятельности земства была помощь больным и раненым воинам.

Abstract: the article is devoted to the activities of the Voronezh provincial zemstvo, aimed at helping the population and the army during the First World War, in particular, the Voronezh provincial committee for helping the wounded. The main areas of this work are considered: helping the wounded and disabled, families of those mobilized to the front, refugees, the active army and prisoners of war. It is noted that the main activity of the zemstvo was assistance to sick and wounded soldiers.

Ключевые слова: Первая мировая война, Воронежское губернское земство, помощь.

Keywords: First World War, Voronezh provincial zemstvo, assistance.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война. В историографии Российской империи она именовалась «Вторая Отечественная война», что свидетельствовало о стремлении добиться такого же патриотического подъема, какой был в 1812 г. Осознавая масштаб предстоящей войны, правительство стремилось привлечь все возможные средства для помощи фронту. Огромная роль отводилась органам местного самоуправления, им предстояло обеспечить мобилизацию всех материальных, финансовых и трудовых ресурсов для приближения победы. И земства активно включились в этот процесс. Инициатором выступила Московская губернская управа, уже 22 июля она образовала комитет по оказанию помощи раненым воинам [1], а 25 июля на экстренном собрании был утвержден проект общеземской организации [2, с. 61] и решено было предложить всем губернским земствам образовать соответствующие комитеты. 30 июля

состоялся Всероссийский земский съезд, на котором было принято решение о создании Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС). «Общее руководство его деятельностью поручалось Собранию уполномоченных губернских земств, которые в свою очередь избрали Главный комитет ВЗС во главе с князем Г.Е. Львовым. Местными организациями союза являлись губернские и уездные комитеты» [2, с. 61]. Затем в начале августа прошли земские собрания во всех губерниях, они образовали губернские комитеты помощи больным и раненым воинам, всего во Всероссийский земский союз вступило 40 губернских земств. «Отказалось присоединиться к деятельности общеземского объединения только курское земство» [1]. К 1 сентября 1914 г. Земский союз обеспечил устройство госпиталей и лазаретов на 60 тыс. коек, к концу 1914 г. – на 155 тыс., а к концу 1915 г. – на 173 тыс.

Воронежские земцы немедленно присоединились к этому движению. Чрезвычайная сессия Воронежского губернского земского собрания состоялась 3 августа 1914 г. Председатель управы обратился с патриотической речью к гласным: «Настал момент в истории человечества, когда решены будут великие вопросы: должен ли царить и управлять миром бронированный немецкий кулак или право человека и народов; верна ли мысль сумасшедшего немецкого солдата, признаваемого многими за великого мудреца, сказавшего – «слабого добей» или непреложна мысль православной христианской Руси – «слабого охраняй и поддержи всеми своими силами»; верно ли, что славянское племя должно служить только удобрием для пышного расцвета немецкой...культуры» [4, с. 11].

Также собрание уполномочило председателя послать Николаю II верноподданническую телеграмму следующего содержания: «Великий государь! Воронежское губернское земство... готово всеми силами выступить на охрану чести и достоинства дорогой родины во славу возлюбленного Царя и на защиту единоплеменных братьев и по слову твоему и обычаю предков стоять против врагов до конца» [4, с. 12].

Относительно конкретной работы, то к ней приступили немедленно. Собрание признало необходимым принять активное участие в деле помощи больным и раненым воинам, принять участие в деятельности Всероссийского земского союза, избрать одного представителя в этот союз и образовать Воронежский губернский комитет помощи раненым в составе 6 человек из числа гласных. Собрание постановило ассигновать на нужды Всероссийского земского союза 150000 рублей, а в распоряжение Воронежского губернского комитета 130000 рублей. Также выделялось 50000 на помощь наиболее нуждающимся семьям призванных на военную службу нижних чинов.

В докладе губернской земской управы говорилось о том, что «Земство всегда чутко относилось как к местным, так и к общим нуждам и всегда приносило свою пользу» [4, с. 16].

Практическая деятельность центрального органа – собрания уполномоченных земств – должна была сочетать разработку организационных вопросов с практической работой. Основные задачи – организационная работа в районах боевых действий, эвакуация раненых и транспортировка их во внутренние губернии, включая организацию в ближайших к территории боевых действий местностях госпиталей для тяжелораненых. Основной функцией

губернского комитета должно было стать распределение поступающих раненых по уездам. Для этого необходимо использовать имеющиеся больницы и обустроить специальные госпитали. Губернская управа была готова открыть на средства земства 350 больничных коек, «общая стоимость оборудов. и содержан. всех 350 коек за 5 мес. выразится в сумме 90 000 руб.» [4, с. 24].

Следующей задачей, требующей разрешения, земство признало «призрение семейств воинов, призванных на войну» с.24. Раньше эта обязанность всецело лежала на земствах, причем в Воронежской губернии по постановлению губернского собрания от 4 марта 1905 г. это была губернская повинность, т.е. уездные земства этим не занимались. Однако с 1 января 1913 г. эта обязанность была передана крестьянским учреждениям, а соответствующие расходы производились за счет казны. Правом на пособие от казны пользовались, во-первых, жена и дети призванного во всех случаях, а во-вторых, «отец, мать, дядя, бабка, братья и сестры призванного, если они содержались его трудом» [4, с. 25]. Размер денежного пособия определяется для каждой местности отдельно. Для всех уездов Воронежской губернии оно было определено в 2 р. 12 к. на каждого члена семьи. Поскольку такой паек может быть недостаточным, губернская управа постановила выделить 50000 р. на дополнительную помощь особо нуждающимся. Также управа взяла на себя помощь семьям призванных на войну земских служащих и просила губернное собрание выделить на эти нужды 30000 р. на пять месяцев с августа 1914 г по 1 января 1915 г. Общая сумма расходов на этот период составила 360000 р. Относительно источника всех этих средств было предложено использовать страховой капитал путем залога принадлежащих губернскому земству процентных бумаг.

Однако затянувшаяся война не позволила ограничиться только этими направлениями деятельности. Прежде всего, появилась необходимость помощи увечным воинам, число которых стало возрастать по мере развития боевых действий. Затем возникло движение беженцев, к которому не были готовы. Губернский комитет Всероссийского земского союза срочно организовал на свои средства помощь как беженцам, проходившим через Воронежскую губернию транзитом, так и тем, кто переселялся туда. Деятельность комитета не ограничивалась только продовольственной помощью, но включала также направление транзитных поездов, распределение беженцев по губернии, оказание им медицинской помощи, снабжение одеждой и обувью. Следующей проблемой стала борьба с инфекционными заболеваниями, возникшими в губернии.

Вот самые общие показатели по этим направлениям работы земства. На 1 июля 1916 г. в госпиталях Земского союза было уже 5114 коек, хотя первоначально планировалось ограничиться 350. Всего земскими госпиталями с августа 1914 по 1 сентября 1915 г. было принято 42403 больных и раненых, причем в первые месяцы госпитали принимали также и тяжелораненых военнопленных [3, с. 341]. В 1916 г. в госпитали поступило 53636 больных и раненых, а всего со дня открытия каждого госпиталя и до 1 января 1917 г. 109681 человек. [5, с. 60].

Для организации помощи прошедшим лечение, но оставшимся инвалидами увечным воинам один из госпиталей был преобразован в госпиталь-гостиницу, этим занимался созданный с самого начала боевых действий при Губернском комитете Благотворительный комитет земского союза за счет щедрых пожертвований и казенных денег. В здании этого госпиталя были оборудованы помещения для проживания увечных больных, ожидающих получения документов и отправки на родину. С 1 марта 1915 г. по 1 января 1916 г. их прошло 17397 человек, что потребовало новых помещений [5, с. 347]. В 1916 г. в госпиталь-гостиницу поступило 33430 человек [3, с. 26]. При этих патронатах были организованы мастерские – сапожная, столярная, шапочная. Также велась работа по снабжению инвалидов протезами за счет губернского земства, было создана и протезная мастерская, а также мастерская по ремонту протезов.

Организация помощи беженцам включала выдачу продовольственного пайка для транзитных беженцев, квартирных денег для остающихся в Воронежской губернии, а также строительство барачных для заразных. Отдельный госпиталь был переоборудован для лечения заразных беженцев. Важной частью работы была регистрация всех беженцев. В 1915 г. в уезды было эвакуировано 15465 беженцев, в 1916 г. 15684 человека. [3, с. 15].

И еще одно направление работы появилось в 1915 г. – изготовление противогазов. Этого потребовали особенности боевых действий. В Воронеже были оборудованы две мастерские, которые к концу работы производили до 15000 штук в день. Всего было изготовлено 400000 противогазов. [5, с. 356].

Развитие боевых действий и изменение карты фронта вносило изменения и дополнения в деятельность земства. Поток беженцев почти прекратился, и земства были отстранены от этой работы. А раненых становилось все больше, и это по-прежнему было основной заботой. Но появлялись и новые. В 1916 г. при Губернском комитете возникло еще два новых отдела – Отдел связи с фронтом, «поставивший своей задачей быть посредником между местными тыловыми организациями, обслуживающими интересы фронта, и войсковыми частями действующей армии» [3, с. 5], и Отдел помощи русским военнопленным. Кроме того, Земский союз организовал и финансировал создание завода химических препаратов при СХИ весной 1916 г., занимавшегося производством медикаментов, и осенью того же года открытие мастерских по кройке и пошиву белья для нужд Кавказского фронта. Отдел связи с фронтом выполнял следующие задачи: организация подвижного сапожно-починочного отряда, работавшего иногда в боевых условиях чинили по 800-900 пар в день); отправка в армию рождественских и пасхальных подарков, книг и журналов; организация справочного бюро для фронтовиков и других [3, с. 33]. Эта работа вызвала симпатию широких кругов населения, в результате из общего бюджета отдела за 1916 г. 86 904 р. 29 159 р. составили добровольные пожертвования. Отдел помощи русским военнопленным занимался доставкой писем и посылок за линию фронта, что было очень трудной задачей.

Воронежское губернское земство в суровых условиях мировой войны, когда «требуется громадное напряжение всех духовных и экономических сил страны» [5, с. 16] стремилось оказать помощь армии и населению по всем возможным направлениям. Основной свой долг

земцы видели в помощи больным и раненым воинам и проделали в этом направлении огромную работу. Помогали также семьям мобилизованных на фронт, беженцам, инвалидам войны, собственно армии всем, чем было возможно, – медикаментами, бельем, противогАЗами, стараясь до последнего совмещать служения народу и власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин В.Е. Земство в годы Первой мировой войны и революций 1917 г. // Библиофонд: [сайт]. – 2009. – URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=72901> (дата обращения: 29.03.2025).
2. Галкин П.В. Деятельность земских организаций в период первой мировой войны (по материалам Московской губернии) // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 7. – С. 61-65.
3. Доклад Воронежскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Воронежской губернской земской управы о деятельности Воронежского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам за время с 1 января 1916 г. по 1 января 1917 г. – Воронеж, 1917. – 77 с.
4. Журналы Воронежского губернского земского собрания. Чрезвычайной сессии 3 августа 1914 г. – Воронеж, 1914. – 49 с.
5. Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. – Воронеж, 1916. – 500 с.

REFERENCES

1. Voronin V.E. Zemstvo during the First World War and the Revolutions of 1917 // Bibliofond: [site]. – 2009. – URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=72901> (date of access: 03/29/2025).
2. Galkin P.V. Activities of zemstvo organizations during the First World War (based on materials from the Moscow province) // Military History Journal. – 2010. – No. 7. – P. 61-65.
3. Report to the Voronezh Provincial Zemstvo Assembly of the regular session of 1916 of the Voronezh Provincial Zemstvo Council on the activities of the Voronezh Provincial Committee of the All-Russian Zemstvo Union for Assistance to Sick and Wounded Soldiers from January 1, 1916 to January 1, 1917. – Voronezh, 1917. – 77 p.
4. Journals of the Voronezh Provincial Zemstvo Assembly. Extraordinary session of August 3, 1914. – Voronezh, 1914. – 49 p.
5. Journals of the Voronezh Provincial Zemstvo Assembly of the regular session of 1915. – Voronezh, 1916. – 500 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_186-190

УДК 271.2

**ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМОМ В ВОРОНЕЖСКОМ ЕПАРХИАЛЬНОМ
ЖЕНСКОМ УЧИЛИЩЕ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)
EDUCATION OF PATRIOTISM AT THE VORONEZH DIOCESAN WOMEN'S COLLEGE
(MID-19 TH – EARLY 20 TH CENTURIES)**

Крючкова Н.Ю., преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Kriuchkova N.Yu., lecturer
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Воронежского епархиального женского училища как важного центра религиозно-патриотического воспитания в России второй половины XIX – начала XX в. На примере данного учебного заведения анализируется система формирования патриотического сознания среди представительниц духовного сословия. Автор исследует комплексную систему воспитания, основанную на трех принципах: религиозно-нравственном образовании, гражданско-патриотическом просвещении и практической деятельности на благо Отечества. Особое внимание уделяется методам воспитательной работы, включающим как учебные занятия, так и внеклассную деятельность. Исследование показывает, как в результате такого воспитания формировались целостные личности – образованные и культурные гражданки, активные участницы общественной жизни, просветительницы народных масс и хранительницы духовных традиций. Автор подчеркивает социальную значимость деятельности училища через работу выпускниц в церковно-приходских школах и распространение духовно-нравственных ценностей.

Abstract: The article examines the activities of the Voronezh Diocesan Women's School as an important center of religious and patriotic education in Russia during the second half of the 19th and early 20th centuries. The system of patriotic consciousness formation among representatives of the clergy is analyzed using this educational institution as an example. The author explores a comprehensive education system based on three principles: religious and moral education, civic and patriotic enlightenment, and practical activities for the benefit of the Fatherland. Special attention is given to educational methods, including both academic classes and extracurricular activities. The study demonstrates how such education formed holistic personalities – educated and cultured citizens, active participants in public life, enlighteners of the masses, and keepers of spiritual traditions. The author emphasizes the social significance of the school's activities through the work of graduates in parish schools and the dissemination of spiritual and moral values.

Ключевые слова: Воронежское епархиальное женское училище, духовное образование, религиозно-нравственное воспитание, патриотическое воспитание.

Keywords: Voronezh Diocesan Women's School, Ecclesiastical education, Religious and ethical education, Patriotic upbringing.

Воронежское епархиальное женское училище было открыто в 1846 г. как учебное заведение для дочерей священнослужителей и представителей духовного сословия. За время своего существования оно прошло путь от небольшого учебного заведения до одного из ведущих образовательных учреждений Воронежской епархии. Оно было создано как учебное заведение с ярко выраженной религиозно-нравственной направленностью. Как известно, в середине XIX – начале XX вв. в России существовала тесная взаимосвязь между религией и патриотизмом, которая нашла отражение в трудах многих мыслителей того времени, таких как Ф.М. Достоевский, который рассматривал русский патриотизм как явление мирового масштаба. Он развивал идеи о Святой Руси и её особой христианской миссии в Европе, считая их определяющими в истории человечества. Или как, протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Иоанн Кронштадтский), который пошел еще дальше в соединении патриотизма и веры. Для него патриотизм стал не просто частью веры, а одним из ключевых компонентов самого религиозного служения. Он утверждал, что отечество земное с его Церковью является преддверием отечества небесного, и призывал любить его горячо, быть готовым отдать за него жизнь. Таким образом в это время образовалась православно-монархическая концепция, где патриотизм неразрывно связан с верой, самодержавием и народностью, а верность царю приравнивается к верности Богу [7, с. 264-266].

Именно на этой концепции созидалось духовное воспитание молодежи как мужской половины духовного сословия, так и женской. Но чтобы показать наглядно, то возьмем пример Воронежского епархиального женского училища, его деятельность в деле воспитания девиц духовного сословия с середины XIX – начала XX вв. Подтверждению этому служат строчки, которые мы находим в гимне, который был сочинен для девиц епархиальных училищ:

«Храни Царя, о Всемогущий,
И весь храни Ты Царский род,
для славы россос, Вездесущий
Услышь, услышь мольбы сирот!» [1, с. 695].

Вообще, патриотическое воспитание в училище базировалось на трех основных принципах: религиозно-нравственном воспитании, гражданско-патриотическом образовании и на практической деятельности на благо Отечества.

Религиозно-нравственное воспитание прививалось через ежедневное участие в общих молитвословиях, изучении основ православия и Закона Божьего, как отдельного предмета, освоение церковного пения, посещение святых мест, через образовательные поездки.

Образовательный компонент патриотизма выражался в том, что учебная программа была направлена на формирование патриотических чувств через: изучение русской истории, освоение географии России, знакомство с культурой и традициями народов империи, изучение русского языка и литературы, ознакомление с достижениями отечественной науки [6, с. 798-802].

Во внеучебной деятельности практическая реализация патриотических идей осуществлялась через участие в благотворительных акциях, помощь нуждающимся, проведение духовно-нравственных чтений во время рукоделия в свободные от учебы часы, участие в церковных праздниках [2, с. 810-815].

Стоит так же отметить, что преподаватели училища уделяли особое внимание формированию любви к Родине, развитию чувства долга перед Отечеством, воспитанию ответственности за судьбу страны, привитию уважения к культурному наследию, развитию гражданских качеств. Поэтому, когда приходила нужда, то матушки трудились не покладая рук в так называемых «Дамских комитетах», которые были организованы в период Первой мировой войны. И есть случай, который зафиксировала наша периодическая печать, как одна из них пожертвовала своей жизнью, встречая в ненастную погоду с вокзала раненных, не думая о себе простудилась и «душа ея отошла ко Господу» [5, с. 832].

При этом особенности воспитательной работы включали такие методы воспитания, как личный пример преподавателей, коллективные мероприятия, традиционные праздники, экскурсии по историческим местам, изучение героического прошлого России. Одним из таких коллективных мероприятий был публичный экзамен, на котором сам архиерей спрашивал у выпускниц вопросы в том числе и по Гражданской истории. Присутствующие на таком экзамене наблюдатели отмечали, что ответы девушек были на высоком уровне. А уровень образованности наших Воронежских епархиалок стоял выше, чем уровень учебных заведений, которые стояли выше нашего училища. В антракте, когда все гости пили чай, ученицы исполняли по аккомпанементу гимн «Боже Царя храни» [3, с. 694-495]. В результате такого воспитания выпускницы училища формировались как образованные и культурные личности, преданные своей Родине гражданки, активные участницы общественной жизни, просветительницы народных масс, хранительницы духовных традиций.

Социальная значимость училища заключалась в том, что воспитанницы училища вносили вклад в развитие общества через работу в церковно-приходских школах и распространение духовно-нравственных ценностей. Выпускницы училища становились помощницами своих отцов и мужей в просвещении народа, борцами с суевериями и дикими обычаями, распространительницами полезных знаний, организаторами хозяйственной деятельности, проповедницами нравственных ценностей. Именно к этому призывал архиерей в 1911 г. выпускниц Воронежского училища, зная, что многим придется потрудиться в начальной народной школе, говоря такие слова: «...помогите пастырям церкви в деле воспитания народа, помогите и детям в достижении истинного счастья на земле и на небе» [4, с. 655].

Таким образом, патриотическое воспитание в Воронежском епархиальном женском училище представляло собой комплексную систему, направленную на формирование целостной личности, сочетающей в себе высокие духовные, нравственные и гражданские качества. Это учебное заведение стало важным центром формирования патриотического сознания и воспитания будущих поколений россиянок, которые внесли значительный вклад в развитие российского общества конца XIX – начала XX вв.

Исходя из вышеизложенного, училище не только давало воспитанницам профессиональные знания и навыки, но и формировало в них глубокое чувство любви к Родине, преданность традициям и готовность служить своему народу через просвещение и нравственное воспитание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимн для сирот воспитанниц духовного звания // Воронежские епархиальные ведомости. – 1868. – № 20. – С. 589-591.
2. Отдел неофициальный. Очерк времяпрепровождения воспитанниц Воронежского училища девиц духовного звания // Воронежские епархиальные ведомости. – 1868. – № 24. – С. 810-817.
3. Отдел неофициальный. Первый выпуск воспитанниц воронежского епархиального женского училища // Воронежские епархиальные ведомости. – 1869. – № 17. – С. 694-708.
4. Речь, сказанная Преосвященным Анастасием, Архиепископом Воронежским и Задонским, окончившим курс воспитанницам Епархиального училища 12 июня после Божественной Литургии, перед благодарственным молебствием // Воронежские епархиальные ведомости. – 1911. – № 26. – С. 653-654.
5. Светлой памяти одной из многих матушек // Воронежские епархиальные ведомости. – 1916. – № 32. – С. 823.
6. Устав Епархиальных женских училищ // Воронежские епархиальные ведомости. – 1868. – № 24. С. 783–802.
7. Черкесова Е.А. Идея патриотизма в русской религиозной мысли конца XIX – начала XX веков // Гуманитарные и социальные науки. Политология. – 2015. – № 6. – С. 264-273.

REFERENCES

1. Hymn for Orphan Students of Ecclesiastical Rank // Voronezh Diocesan Gazette. – 1868. – No. 20. – Pp. 589-591.
2. Unofficial Section. Essay on the Pastimes of Students at the Voronezh School for Young Ladies of Ecclesiastical Rank // Voronezh Diocesan Gazette. – 1868. – No. 24. – Pp. 810-817.
3. Unofficial Section. The First Graduation of Students from the Voronezh Diocesan Women's School // Voronezh Diocesan Gazette. – 1869. – No. 17. – Pp. 694-708.
4. Speech Delivered by His Grace Anastasius, Archbishop of Voronezh and Zadonsk, to the Graduating Students of the Diocesan School on June 12, After the Divine Liturgy, Before the Thanksgiving Service // Voronezh Diocesan Gazette. – 1911. – No. 26. – Pp. 653-654.
5. In Memory of One of Many Matushkas // Voronezh Diocesan Gazette. – 1916. – No. 32. – P. 823.
6. Charter of Diocesan Women's Schools // Voronezh Diocesan Gazette. – 1868. – No. 24. – Pp. 783-802.

7. Cherksova E.A. The Idea of Patriotism in Russian Religious Thought of the Late 19th – Early 20th Centuries // Humanities and Social Sciences. Political Science. – 2015. – No. 6. – Pp. 264–273.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_191-198

УДК 379.835

**ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВ
ОБЩЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ
ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ «ДВИЖЕНИЕ ПЕРВЫХ» ПОСРЕДСТВОМ
КОЛЛЕКТИВНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**EDUCATIONAL ACTUALIZATION OF THE VALUE BASES OF THE ALL-RUSSIAN
SOCIO-STATE MOVEMENT OF CHILDREN AND YOUTH «MOVEMENT OF THE FIRST»
THROUGH COLLECTIVE CREATIVE ACTIVITY**

Мамонов М.А., педагог-организатор

МБУДО Центр развития творчества детей и
юношества «Спутник», Воронеж, Россия

Mamonov M.A., teacher-organizer

Center for the Development of Creativity of
Children and Youth «Sputnik», Voronezh, Russia

Аннотация: для гармоничного развития человека и общества основополагающее значение имеет благоприятная социально-педагогическая среда существования, которая сопутствует становлению и проявлению всего лучшего, что в них есть, и формирует культурную основу субъектов познания. Диалектическая взаимообусловленность воспитательно-образовательного процесса всегда нуждается в ценностном согласии старшего и подрастающего поколений. В этом смысле общественные детские объединения и движения представляют собой педагогическое пространство, в котором создаются устойчивые коллективные отношения и возрастает здоровая личность, чему напрямую содействуют познавательные средства коллективной творческой деятельности.

Abstract: For the harmonious development of man and society, a favorable socio-pedagogical environment is of fundamental importance, which accompanies the formation and manifestation of all the best that they have, and forms the cultural basis of the subjects of cognition. The dialectical interdependence of the educational process always needs the value agreement of the older and younger generations. In this sense, public children's associations and movements represent a pedagogical space in which stable collective relationships are created and a healthy personality grows, which is directly facilitated by cognitive means of collective creative activity.

Ключевые слова: воспитание, образование, ценности, коллективная творческая деятельность.

Keywords: upbringing, education, values, collective creative activity.

Более чем вековая история отечественного детского и юношеского движения педагогически состоятельна, методологически содержательна и творчески выразительна. В ней дидактически вариативно осуществляются модели личностного и коллективного воспитания, через согласие основополагающих принципов природосообразности и культуросообразности. Как подчеркивает Владимир Андреевич Кудинов: «Именно духовная

культура, основные формы ее воспроизводства – наука, искусство, нравственность – образуют ядро культуры в целом, определяют характер любой активности молодого поколения, его представителей» [1, с. 256].

В современных условиях ответственное ценностное назначение возложено на Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи «Движение первых». В контексте непрерывной воспитательно-образовательной траектории личностного и общественного развития познавательные инициативы Движения Первых сопутствуют ключевым основам человеческой состоятельности – гуманизации, гуманитаризации и социализации [3].

В едином образовательном пространстве Движением Первых реализуются тематические направления по обогащению участников специальными предметными, межпредметными и метапредметными качествами совершенствования индивидуально-личностных познавательных компетенций. Потому к значимому тематическому комплексу воспитания относятся мероприятия, раскрывающие назначение и содержание деятельности Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых». Для детско-юношеской среды важно знать и понимать реальную жизненную силу от причастности к общему делу, народному культурному и интеллектуальному достоянию, а также своевременно получить необходимую поддержку в процессе творческой самореализации и профессионального самоопределения. Знакомство с возможностями Движения Первых расширяет познавательные горизонты обучающихся, а деятельное участие в жизни Движения способствует их личностному росту.

С этой целью нами разработано коллективное творческое дело «Наш отряд – Команда Первых!», которое позволяет ребятам через личное осмысление в процессе познавательной активности непосредственно для себя определить ценностный смысл и ориентиры жизнедеятельности.

Форма: познавательное творческое дело на сплочение и развитие коллективных, общекомандных инициатив.

Возраст участников: 7-17 лет.

Цель: актуализация личностного самоопределения и творческой активности воспитанников в условиях развивающей коллективной деятельности.

Задачи:

- воспитывать у детей и подростков навыки культуры общения и взаимопонимания;
- совершенствовать когнитивные и деятельностные компетенции воспитанников;
- развивать умение работать в команде;
- способствовать формированию у подрастающего поколения представления о назначении и направлениях деятельности Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых».

Необходимое оборудование (методическое сопровождение): цифры-символы Команды Первых с надписью общекомандных слов-символов (качеств членов Команды Первых) и прикрепленными заданиями с обратной стороны цифр, шаблоны для эмблем,

скрепки, листы бумаги А4 или А3, цветные карандаши, музыкальное оборудование или портативная колонка.

Ход мероприятия (краткое описание):

I. Данное познавательное коллективное творческое дело способствует формированию и развитию качеств сплоченной инициативной команды. Отряд делится на несколько команд. Каждая из команд придумывает название, соответствующее одному из тематических направлений Движения Первых:

- «1. Образование и знания: «Учись и познавай!».
2. Наука и технологии: «Дерзай и открывай!».
3. Труд, профессия и свое дело: «Найди призвание!».
4. Культура и искусство: «Создавай и вдохновляй!».
5. Волонтерство и добровольчество: «Благо твори!».
6. Патриотизм и историческая память: «Служи Отечеству!».
7. Спорт: «Достигай и побеждай!».
8. Здоровый образ жизни: «Будь здоров!».
9. Медиа и коммуникации: «Расскажи о главном!».
10. Дипломатия и международные отношения: «Умей дружить!».
11. Экология и охрана природы: «Береги планету!».
12. Туризм и путешествия: «Открывай страну!»» [4, с. 28].

Например, ребята придумали название «Энтузиасты – Первые в туризме и путешествиях!» или «Умудренные – Первые в дипломатии и международных отношениях!» и так далее. При этом оговаривается, что название следует придумать с учетом возможности его разъяснения при помощи мимики, жестов и лаконичной выразительной фразы. Затем к коллективному размышлению и обсуждению, предлагаются вопросы и задания: «Опишите ваши ассоциации, связанные со словом «команда»?», «Что означает быть командой?», «Какими качествами должны обладать члены команды?». Участники обсуждают вопросы и оформляют ответы на них в форме плаката, записывая варианты ответов и рисуя ассоциации на листе А4 или А3. После этого воспитатель и воспитанники произносят Миссию и Ценности Движения Первых.

Воспитатель: «Миссия Движения Первых: Быть с Россией! Быть Человеком! Быть Вместе! Быть в Движении! Быть Первыми!» [4, с. 21].

Воспитатель: «Ценности Движения Первых: Жизнь и достоинство. Патриотизм. Служение Отечеству. Историческая память. Единство народов России. Созидательный труд. Дружба. Взаимопомощь и взаимоуважение. Добро и справедливость. Мечта. Крепкая семья» [4, с. 22].

II. Воспитатель предлагает на основе Миссии и Ценностей обобщить размышления ребят в словесные ориентиры-качества для их отрядных Команд Первых. Затем проходит демонстрация и защита плакатов. Воспитатель помогает проанализировать и сформулировать названные качества и смысловые ассоциации в общие отрядные лаконичные слова-символы Команды Первых:

- сплоченность;
- целеустремленность;
- коммуникативность;
- организованность;
- креативность.

III. После этого перед командами демонстрируются (или раздаются на каждую команду) Пять отрядных цифр со словами-символами Команды Первых (это могут быть красивые стилизованные цифры с соответствующей надписью слов-символов: сплоченность, целеустремленность, коммуникативность, организованность, креативность). Цифры крепятся на магнитно-маркерной доске или раскладываются на столе, начинается выполнение познавательных творческих заданий (задания озвучиваются воспитателем или прикрепляются скрепкой сзади каждой цифры и зачитываются детьми самостоятельно):

1 цифра (Символ со словом «сплоченность») – задание на совершенствование качеств взаимодействия с командой. Команды с помощью мимики, жестов и лаконичной выразительной фразы презентуют друг другу названия своих Команд Первых!

2 цифра (Символ со словом «целеустремленность») – задание на развитие общекомандного самовыражения. Необходимо коллективно и в выразительной творческой, театрализованной форме представить свою команду.

3 цифра (Символ со словом «коммуникативность») – задание на развитие у детей и подростков навыков выражения собственной мысли, проявления и совершенствования культуры общения и взаимопонимания. Команды сочиняют рассказ на тему «Наш отряд – Команда Первых!». По очереди капитаны команд предлагают по одному предложению и продолжают друг друга в рамках формирующегося единого общего рассказа.

4 цифра (Символ со словом «организованность») – задание на развитие и совершенствование познавательных компетенций воспитанников. Командам необходимо правильно перечислить этапы организации и подготовки проекта или иного общего коллективного (командного) дела.

5 цифра (Символ со словом «креативность») – задание на формирование и развитие основ творческого мышления и самоопределения. Команды рисуют к демонстрационным цифрам со словами-символами свои эмблемы-символы (на заготовленных формах-шаблонах), соответствующие указанным словам-символам на цифрах, после чего прикрепляют их к цифрам на скрепки и объясняют значение изображения на эмблеме. От каждой команды будет по пять эмблем к каждой цифре со словом-символом.

IV. Обобщающие слова от воспитателя. Совместно с воспитанниками для закрепления повторяются Миссия, Ценности Движения Первых (лаконично), отрядные слова-символы, а также демонстрируются эмблемы-символы отряда – Команды Первых! В качестве поощрения уместно подарить ребятам воздушные шарики с символикой Движения Первых. И прочесть прекрасные строки поэта Роберта Ивановича Рождественского:

«Если вы есть – будьте первыми,
Первыми, кем бы вы ни были.

Из песен – лучшими песнями,
 Из книг – настоящими книгами.
 Первыми будьте и только!
 Песенными, как моря.
 Лучше второго художника
 Первый маляр.
 Спросят вас оробело:
 «Кто же тогда останется,
 Если все будут первыми,
 Кто пойдет в замыкающих?»
 А вы трусливых не слушайте,
 Вы их сдуйте как пену,
 Если вы есть – будьте лучшими,
 Если вы есть – будьте первыми!
 Если вы есть – попробуйте
 Горечь зеленых побегов,
 Примериваясь, потрогайте
 Великую ношу первых.
 Как самое неизбежное
 Взвалите ее на плечи.
 Если вы есть – будьте первыми,
 Первым труднее и легче!» [5].

Художественно-эстетический компонент мероприятия придает образовательному содержанию ценностное целеполагание. Образная простота слов Роберта Ивановича, мелодичность рифм и их преобразующая красота оказывают гармонизирующее психологическое действие, что педагогически важно и необходимо. Ведь как напоминает Самуил Яковлевич Маршак: «Слова и сочетания слов связаны в нашем сознании со многим множеством самых сложных ассоциаций и способны поднять со дна нашей души целый мир воспоминаний, чувств, образов, представлений» [2, с. 100-101]. Для нас это еще и вдохновляющая культура мысли, направляющая на творческий путь. В не менее ярком произведении необъятная любовь к человеку, народу и Отечеству, выраженная в чарующем унисоне музыки композитора Давида Федоровича Тухманова и поэтики Роберта Ивановича Рождественского «Родина моя» позволила осмыслить современные целеполагающие контексты воспитания, образования и культуры в нашем стихотворении «Время Первых»:

Мысль, движение, искусство!
 В постижении мечты –
 Посреди друзей уютно,
 С каждым вместе – важен ты –
 Время Первых, озорных,
 Бодрых, ловких, но простых,

Грустных и веселых,
Искренних, смысленых.

Пред тобою горизонты
Знаний и мечты.
Ты надежда и опора
Ближних и страны.
Первый, тот, кто хочет стать добрее,
Первым важно быть чуть-чуть умнее
И для всех примером, Первым, нужно в жизни быть.
Ведь свершением открытий
Родина сильна.
И тебе со всеми вместе
Первым стать пора.
Не противиться и не лениться,
А для будущего потрудиться
И тогда как песня, доблесть Первых, навсегда,
народной станет.

Нам с тобой писать в этом мире много страниц
И реальных картин из палитры солнечных лиц
для жизни.
Путь свой обрати в лоно вдохновенной любви
И подари этот мир для себя и других,
Как прекрасный букет дружных дел и побед!

Мысль, движение, искусство!
В постижении мечты –
Посреди друзей уютно,
С каждым вместе – важен ты –
Время Первых, озорных,
Бодрых, ловких, но простых,
Грустных и веселых,
Искренних, смысленых.

Нас с тобою солнце греет
Россыпью тепла.
С необъятностью в обнимку
За мечтой маня.
Над цветущими в веках краями

И под бережными небесами
На рассвете с Первыми встречается заря.

С новым летом и рассветом
Пробудим себя.
Развиваясь и взрослея –
Родину любя.
И с бескрайними к труду сердцами,
С детской радостью и голосами
Для России каждого Победа, навсегда,
народной станет.

По итогам данного познавательного мероприятия (коллективного творческого дела) нет победителей или проигравших. Есть Команда Первых! Проявляется положительная динамика развития и совершенствования когнитивных способностей и коммуникативных навыков воспитанников. В процессе коллективного творческого дела осуществляется мотивация творческой и учебной активности посредством чего происходит сплочение отряда. Мероприятие легко трансформируется в общелагерное и уместно для смешанной, разновозрастной категории воспитанников. В творческой команде важен каждый. Это пространство с соответствующими воспитательно-образовательными условиями, сопутствующими проявлению индивидуальных познавательных инициатив и реализации общекомандных возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудинов В.А. История детского и юношеского движения в России. – Кострома: КГУ, 2017. – 289 с.
2. Маршак С.Я. Воспитание словом. – Санкт-Петербург: Азбука, 2018. – 416 с.
3. Механизмы и технологии воспитания в Общероссийском общественно-государственном движении детей и молодежи «Движение первых» / под общей редакцией Н.А. Мандровой, Л.С. Львовой. – М.: Методист, 2023. – 76 с.
4. Программа воспитательной работы Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» // Документы: сайт / Методист РФ. – URL: https://методист.рф/upload/iblock/7ec/q32706wf2o3qvas3c6l47k3mjs02nyho/Программа_воспитательной_работы.pdf (дата обращения: 19.04.2025).
5. Рождественский Р.И. Если вы есть – будьте первыми // Стихи: сайт / Культура. РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/42539/esli-vy-est-budte-pervymi> (дата обращения: 19.04.2025).

REFERENCES

1. Kudinov V.A. The history of the children's and youth movement in Russia. – Kostroma: KSU, 2017. – 289 p.

2. Marshak S.Ya. Word education. – St. Petersburg: ABC, 2018. – 416 p.

3. Mechanisms and technologies of education in the All-Russian socio-state movement of children and youth «Movement of the first» / edited by N.A. Mandrova, L.S. Lvova. – Moscow: Methodist, 2023. – 76 p.

4. The program of educational work of the All-Russian socio-state movement of children and youth «Movement of the first» // Documents: website / Methodologist RF. – URL:https://методист.рф/upload/iblock/7ec/q32706wf2o3qvas3c6147k3mjs02nyho/Program_education_work.pdf (date of request: 19.04.2025).

5. Rozhdestvensky R.I. If you are, be the first // Poems: website / Culture. Russian Federation. – URL: <https://www.culture.ru/poems/42539/esli-vy-est-budte-pervymi> (date of request: 19.04.2025).

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_199-204

УДК 316.346.32-053.6

**ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ СПО)
THE ATTITUDE OF YOUTH TO THE MEMORY OF
THE GREAT PATRIOTIC WAR (USING THE EXAMPLE OF STUDENTS OF THE SPO).**

Салманов П.П., преподаватель

Колкунов А.Н., преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, России

Salmanov P.P., teacher

Kolkunov A.N., teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В данной работе был проведен анализ материалов социологического опроса студентов СПО. В опросе приняли участие 300 студентов начальных курсов факультета средне-профессионального образования «Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова». Для проведения исследования, был разработан ряд вопросов, на которые учащимся требовалось дать развернутый ответ. Целью опроса было изучение отношения современного студенчества к исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Abstract: In this paper, the analysis of the materials of the sociological survey of students of the SPE was carried out. 300 primary school students of the Faculty of Secondary Vocational Education of Voronezh State Forestry Engineering University named after G.F. Morozov took part in the survey. To conduct the research, a number of questions were developed to which students needed to give a detailed answer. The purpose of the survey was to study the attitude of modern students to the historical memory of the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, студенчество, социологическое исследование, историческая память.

Keywords: The Great Patriotic War, student life, sociological research, historical memory.

Данная работа приурочена, к грядущему празднованию 80-летия со дня победы в Великой Отечественной войне. Несмотря на то, что многие авторы, так или иначе, обращались к данному вопросу в своих работах [1-5], значимость события и происходящие изменения в мире и стране побуждают авторов обратиться к проблеме памяти поколений. Очевидно, что спустя большое количество времени от события, меняется его восприятие, появляются новые общественные смыслы, сглаживаются старые символы, а новое поколение людей видит в нём своё отражение. На основании этого существует мнение, что по сравнению с более ранними поколениями «историческая память молодежи о войне более противоречива и неоднородна»

[2, с. 58]. Учитывая сложность сложившейся политической ситуации, данная тема особенно актуальна и в наши дни.

С целью изучения отношения современного студенчества к исторической памяти о Великой Отечественной войне был разработан ряд вопросов, на которые учащимся требовалось дать развернутый ответ. В опросе приняли участие 300 студентов начальных курсов факультета средне-профессионального образования «Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова». Результаты опроса отражены в Таблице 1. Неслучайно для исследования была выбрана именно данная категория студентов, так как, обучающиеся по программе средне-профессионального образования, с одной стороны, уже психологически не считают себя старшеклассниками, с другой стороны, по ряду причин отличаются от категории студентов, получающих высшее образование. Этот аспект, характеризующий переходное возрастное состояние данной категории молодежи, повлиял на выбор респондентов для данного исследования.

Первый вопрос опросника был нацелен на выявление восприятия войны молодым поколением и звучал следующим образом: «Какие ассоциации возникают у вас при словах Великая Отечественная война?».

Наибольшее количество ответов содержали следующую информацию: «чувства страха и боли, голода и безысходности», «одиночество», «страх за родных и близких», «слезы матерей», «мучения и крики», «искалеченные люди», «кровь и страдания», «горы трупов, отчаяние, серость», «многочисленные смерти невинных людей», «ожесточенные бои», «ковровые бомбардировки и разрушенные города».

Второе место по количеству занимают следующие ответы: «гордость за страну», «чувство патриотизма», «вера в победу», «мужество и героизм солдат», «смелость и доблесть, стойкость и единство народа», «сплоченность граждан в трудную минуту», «честь и достоинство», «сила русского духа», «чувство ответственности за страну».

На третьем месте по количеству упоминаний оказались ответы, объединяющие в себе героизм и трагедию, такие как: «подвиг ценой собственной жизни», «преодоление невзгод с верой в победу», «страдание и потери ради будущего страны».

Второй вопрос опросника «Ваше отношение к Великой Отечественной войне?» был направлен на определение личного отношения студентов к трагическим событиям 1941-1945 гг.

Лидирующую позицию занимают ответы, где студенты упоминают своих родственников, сражавшихся на фронте, и что оставило неизгладимый след в их семьях. Второе место занимают ответы о том, что победа советского народа в Великой Отечественной войне принесла свободу не только нашей стране, но и странам Европы, находившимся под фашистской оккупацией. Также прозвучал ряд ответов, о ликвидации Советским Союзом мировой угрозы фашизма.

Необходимо отметить, что минимальное количество ответов приходится на индифферентное отношение студенчества к Великой Отечественной войне. Такого характера ответы звучали следующим образом: «Я отношусь к ВОВ нейтрально, так как не связан с этим

событием, и мало этим интересуюсь», «нейтрально отношусь к ВОВ, так как данное событие не затронуло ни меня, ни мою семью».

Третий вопрос «Что для вас значит Победа нашей страны в Великой Отечественной войне?» должен был выявить личное отношение респондентов к победе. Здесь студенты отвечали следующим образом. Максимальное количество ответов содержало: «бойцы Советской Армии, и народ в целом, совершали подвиги, рискуя своей жизнью», «мирное население создавало партизанские отряды для борьбы с врагом», «солдаты добились победы кровью и болью, от чего она навсегда останется в наших сердцах», «каждый погибший за Родину достоин памяти и восхищения», «наше и последующие поколения должны быть благодарны своим предкам за победу, ведь они таким образом, подарили нам жизнь, подчас, за счет собственных».

Меньшее количество студентов ответили следующим образом: «советский народ сокрушил фашизм, отстоял свободу и независимость своего государства, сохранил территориальную целостность», «в разных странах устанавливали памятники советскому воину, как освободителю от фашистской диктатуры», «благодаря победе над фашистской Германией, СССР стал великой державой, к которой стали прислушиваться на мировой арене», «благодаря руководству страны и народу в целом, СССР смог лишить противника территориальной целостности своего государства».

На третьем месте следующие ответы: «для меня победа – это конец кровопролитных сражений и народных страданий, повторение которых, я очень боюсь», «великая Победа принесла народу избавление от горя, страданий и бесчисленных кровопролитий, повторения которых я не хочу», «наши предки, победившие в Великой Отечественной войне, избавили от кровопролития и страданий многие народы мира. Это горе не должно больше повториться».

Анализируя множество полученных ответов, авторы статьи объединили их в определенные группы и распределили с учетом процентного соотношения, в следующей ниже таблице. Таблица содержит данные вопросы и обобщенные ответы в процентном соотношении.

Таблица 1.

Вопросы	Категории ответов	Количество работ и %
1. Какие ассоциации возникают у вас при словах Великая Отечественная война?	1. Великая Отечественная война как тяготы и страдания	40 (47%)
	2. Великая Отечественная война как славная и доблестная страница отечественной истории	3 (32%)
	3. Великая Отечественная война как подвиг и трагедия, оставившая глубокий след в памяти народа	7 (22%)

2. Ваше отношение к Великой Отечественной войне?	1. Великая Отечественная война как знаковое событие в истории моей семьи, оставившее в ней неизгладимый след	48 (49%)
	2. Великая Отечественная война как масштабное событие, оказавшее влияние на ход отечественной и мировой истории	34 (45%)
	3. Индифферентное отношение к Великой Отечественной войне	8 (6%)
3. Что для вас значит Победа нашей страны в Великой Отечественной войне?	1. Гордятся победой, считают ее великим подвигом народа, потребовавшим огромное количество жертв	13 (71%)
	2. Великая Победа как событие, оказавшее огромное влияние на современное мироустройство	7 (16%)
	3. Победа как окончание страданий и кровопролитий, повторения которых не должны повториться	0 (13%)

Результаты ответов характеризуются следующим образом. Группы ответов на первый вопрос: первая – 47%, вторая – 31%, третья – 22%. У большинства опрошенных, Великая Отечественная война оставила тяжелый отпечаток в сердце, из-за перенесенных народом тягот и невзгод, пережить которые помогла вера в победу.

Группы ответов на второй вопрос: первая – 49%, вторая – 45%, третья – 6%. Несмотря на то, что 6% опрошенных, относятся индифферентно к Великой Отечественной войне, для большинства студентов, память об этом событии – это в первую очередь, гордость за достижения и подвиги предков, осознание значимости данной войны, повлиявшей на ход истории.

Группы ответов на третий вопрос: первая – 71%, вторая – 16%, третья – 13%. С одной стороны, есть понимание того, что «патриотизм как мировоззрение нельзя сформировать исключительно на событиях прошлого» [5, с. 32]. С другой, по результатам опроса четко просматривается довольно высокий уровень патриотизма у респондентов. Конечно, респонденты осознают печаль и сожаления из-за цены, которую пришлось заплатить народу за Великую Победу, но для подавляющего количества респондентов значимость этой победы превосходит количество утрат.

Абсолютное большинство опрошенных, демонстрируют в своих работах гордость и восхищение своими предками, героически сражавшихся на фронте, многие из которых принесли в жертву собственные жизни и буквально вырвали победу из лап фашизма.

Нельзя не отметить тот факт, что 24% респондентов, проявив личную инициативу, принесли доклады о своих предках, воевавших на фронте в годы Великой Отечественной войны. В данных работах студенты описывали биографию своих родственников, героически сражавшихся на фронте, среди которых были и погибшие, и пережившие войну, а также без вести пропавшие. Ребята гордятся подвигами, наградами своих предков, а также публикациями в различных изданиях, написанными про некоторых из них. Такие респонденты откровенно и с долей восторга пишут про то, как они отмечают День Победы, как они посещают с семьей памятники Великой Отечественной войны, возлагают цветы к Могиле Неизвестного солдата, а также всей семьей смотрят фильмы, посвященные Великой Отечественной войне, описывают другие семейные традиции, связанные с великим праздником.

История Великой Отечественной войны часто воспринимается молодежью через призму памяти своей семьи о великих событиях прошлого и рассматривается, как период тягот и страданий, которые народ героически преодолевал. Проведенное исследование и его результаты, по мнению авторов, позволяют говорить о важности взаимодействия поколений и о ценностных отношениях внутри семьи. Молодое поколение, таким образом, формирует свою гражданскую позицию, ассоциируя себя со своими предками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аксютина З.А. Отношение студентов педагогического университета к исторической памяти о Великой Отечественной войне // Инновационная экономика и общество. – 2024. – № 4. – С. 86-93.
2. Баранов А.В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия // Наследие веков. – 2017. – № 2. – С. 55-61.
3. Белопольская Т.Н. Современное студенчество о Великой Отечественной войне // Наследие веков. – 2015. – № 1. – С. 105-109.
4. Тавокин Е.П., Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 62-66.
5. Широкалова Г.С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник института социологии. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 19-35.

REFERENCES:

1. Aksyutina Z.A. The attitude of students of the Pedagogical University to the historical memory of the Great Patriotic War // Innovative economy and society. – 2024. – No. 4. – Pp. 86-93.
2. Baranov A.V. Historical memory of the Great Patriotic War as a resource for ensuring interethnic harmony // Heritage of centuries. – 2017. – No. 2. – Pp. 55-61.

3. Belopolskaya T.N. Modern students about the Great Patriotic War // *Legacy of the Centuries*. – 2015. – No. 1. – Pp. 105-109.
4. Tavokin E.P., Tabatadze I.A. On the issue of historical memory of the Great Patriotic War // *Sociological research*. – 2010. – No. 5. – Pp. 62-66.
5. Shirokalova G.S. Historical memory of the Great Patriotic War: the reasons for pluralism // *Bulletin of the Institute of Sociology*. – 2021. – Vol. 12. – No. 2. – Pp. 19-35.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_205-212

УДК 821.161.1

**НИКОЛАЙ РОСТОВ В ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ:
МИАЗМЫ ТИФА И ТЩЕСЛАВИЯ
NIKOLAI ROSTOV IN A MILITARY HOSPITAL:
MIASMA OF TYPHUS AND VANITY**

Волвенкин М.Н., ассистентФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия**Volvenkin M.N.**, assistantVoronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В тезисах анализируется сцена посещения военного госпиталя Николаем Ростовым в романе Льва Толстого «Война и мир». Выявляется специфика госпитального пространства, состоящего из солдатских и офицерских палат. При этом особое внимание уделяется рассмотрению тифа и тщеславия – двух параллельно протекающих в этом пространстве заболеваний. На основе медицинских представлений XIX в. о миазмах, а также миметической теории Рене Жирара изучается логика воплощения и функционирования этих недугов.

Abstract: The thesis analyzes the scene of Nikolai Rostov's visit to a military hospital in Leo Tolstoy's novel War and Peace. The specifics of the hospital space, consisting of soldiers' and officers' wards, are revealed. Particular attention is paid to the consideration of typhus and vanity – two diseases occurring in parallel in this space. Based on the medical concepts of the 19th century about miasmas, as well as the mimetic theory of René Girard, the logic of the embodiment and functioning of these ailments is studied.

Ключевые слова: медицинский дискурс, болезнь в литературе, тиф, тщеславие, миметическая теория, миазм, Лев Толстой, Рене Жирар.

Keywords: medical discourse, disease in literature, typhus, vanity, mimetic theory, miasma, Leo Tolstoy, René Girard.

После Фридландского сражения Николай Ростов отправляется в госпиталь к Денисову, раненному в «мякоть верхней части ноги» во время рекогносцировки. Это лечебное заведение находится в «маленьком прусском местечке», дважды разоренном русской и французской армией и представляющем «мрачное зрелище»: «Именно потому, что это было летом, когда в поле было так хорошо, местечко это с своими разломанными крышами и заборами, загаженными улицами, оборванными жителями и пьяными или больными солдатами, бродившими по нем, представляло особенно мрачное зрелище» [5, с. 133]. Главными признаками «местечка» являются разорение, разруха и беспорядок, являющиеся неизбежными последствиями войны. «Особенно мрачным» его делает время, «когда в поле так хорошо»: в

этом локусе на фоне дышащей здоровьем, наполненной жизненной силой природы отчетливо проявляются симптомы недуга. Само здание госпиталя соответствует общему виду «местечка»: каменный дом с частично выбитыми рамами и стеклами, вокруг которого валяются остатки забора и сидят «бледные и опухшие» солдаты.

По мере продвижения вглубь госпитального пространства черты «зрелища» меняются. Появляется запах, усиливающийся вследствие приближения к сердцевине: «Как только Ростов вошел в двери дома, его обхватил запах гниющего тела и больницы» [5, с. 133]. В коридоре он буквально заставляет Николая остановиться: герой хватается за нос и некоторое время приходит в себя. Место, источающее ужасный запах «мертвого тела», – солдатские палаты. Толстой описывает их так: «В длинной комнате, ярко освещенной солнцем в большие окна, в два ряда, головами к стенам и оставляя проход по середине, лежали больные и раненые. Большая часть из них были в забытьи и не обратили внимания на вошедших. Те, которые были в памяти, все приподнялись или подняли свои худые, желтые лица, и все с одним и тем же выражением надежды на помощь, упрека и зависти к чужому здоровью, не спуская глаз, смотрели на Ростова» [5, с. 134-135]. Разрушение строений, того, что было создано человеком, продолжает разрушение самого человека (гниение тел, забытье). Интересно, что в тексте в обоих случаях присутствует другой полюс: «изувеченному» «местечку» противопоставлено поле, а раненым и больным здоровый Ростов. Здоровье возмутительно, потому что оно больше не норма. Толстой, идеализирующий растительную жизнь, особенно восхищается способностью растений умирать спокойно, открывая дорогу новому рождению, как это было в «Трех смертях». Госпиталь – пространство смерти, не дающее дорогу новой жизни.

Об этом говорит Ростову военный русский доктор еще при входе в госпиталь: «– Вы зачем, ваше благородие? – сказал доктор. – Вы зачем? Или пуля вас не брала, так вы тифу набраться хотите? Тут, батюшка, дом прокаженных.

– Отчего? – спросил Ростов.

– Тиф, батюшка. Кто ни взойдет – смерть. Только мы двое с Макеевым (он указал на фельдшера) тут треплемся. Тут уж нашего брата докторов человек пять перемерло. Как поступит новенький, через недельку готов, – с видимым удовольствием сказал доктор. – Прусских докторов вызывали, так не любят союзники-то наши» (курсив наш. – В.М.) [5, с. 133]. Нужно отметить, что тиф (typhus) в начале XIX в. называли «гнилой горячкой». В качестве примера приведем отрывок из работы доктора Я.В. Виллие, занимавшегося, в частности, организацией военной медицины в России, «О желтой американской горячке» (1805): «Заразы суть двухъ родовъ между собою весьма различныхъ. Первый родъ заключаетъ въ себѣ заразительныя болѣзни отъ повсемственныхъ повѣтрій раждающіяся, которыя черезъ извѣстное время свирѣпствуютъ, а потомъ, по уничтоженіи причинъ имъ споспѣшествующихъ, утихаютъ совершенно... Сюда вообще относятся гнилыя горячки, называемыя въ особенноти тюремными, гошпитальны, корабельными, которыя зараждаются либо отъ вредоносныхъ испареній болотистыхъ водъ; либо отъ весьма стѣсненнаго въ малыхъ покояхъ или хижинахъ народа» [2, с. 57-58]. Под «гнилой горячкой» подразумевается собирательное название ряда заразных («повальных») заболеваний, этиология которых до

появления и утверждения к концу XIX в. микробной теории объяснялась существованием миазмов, особых пахучих веществ, отравляющих организм при вдыхании. Виллие, отметим, слово миазм не употребляет. Вместо него он пишет о «недыхательных гасах» («водотворном», «удушливом» и «угольной кислоты»), появляющихся вследствие брожения растений и гниения животных. При этом вредны и «испарения», исходящие от больных и здоровых людей: организм забирает полезные вещества и «извергает» вредные, потому «рассадником» «гнилой горячки» становятся госпитали, тюрьмы и корабли.

В России второй половины XIX в. теория миазмов еще жива. В научно-популярном издании доктора П.В. Андреевского (Ландсберга) «Как предохранить себя от тифа. Тиф и тифоиды. Пятнистый и кишечный тиф; возвратная горячка; желчный тифоид; холерный и скарлатинный тифоиды. Их происхождение, распознавание, предохранение и лечение» (1878) почти дословно повторяются отмеченные нами положения из работы Виллие с той небольшой поправкой, что «гнилая горячка» в ней названа «тифом», а «гасы» – «миазмами». Очевидно, что Толстой не мог не знать об этом заболевании и само слово, возможно, использовал по памяти о событиях в Севастополе, где сыпной тиф был заметной проблемой в атакующей и обороняющейся армиях. Подчеркнем, что аспект заражения в черновиках был выражен отчетливее, кроме процитированной фразы доктор после объяснения Ростовым цели посещения госпиталя добавлял: «– Тут, батюшка, раненых нету, у нас хоть и *раненый, сейчас тифозным* делается, да и не знаешь всех. Ведь вы подумайте, у меня на одного три гошпиталья, четыреста больных с лишним. Я отчисляю в умершие, за этим дело у нас не стоит, тиф помогает, а мне всё новеньких присылают. Ведь четыреста есть, а? – обратился он к фельдшеру» (курсив наш. – В.М.) [6, с. 636]. Раненый, попадая в палаты, находясь там длительное время, не может не заразиться тифом, а это значит, что он практически обречен на смерть. То, что не довершилось в сражениях, довершается в госпитале.

В черновом варианте ужас, увиденный Ростовым в солдатских палатах, был выписан менее отчетливо. Поначалу Толстой уделил описанию пациентов, их быта всего три предложения. Причем он не концентрировался на ком-то конкретно: «Одни умирали, только хрипением показывая признаки жизни, другие метались в жару, толкая друг друга, третьи слабыми, горячечными глазами смотрели на проходящего мимо их здорового, свежего и чистого человека» [6, с. 636]. Однако позже вся сцена в госпитале была значительно переработана: само слово «ужас», упоминавшееся в черновой версии, было убрано, а авторское внимание полностью сконцентрировалось на «диалектике души» героя, особую роль при этом стал играть запах гниения, «запах мертвого тела», красной нитью проходящий через всю главу (том второй, часть вторая, глава XVII). Врачи-современники Толстого говорили бы здесь о миазмах. Военный русский доктор предостерегает Ростова, неоднократно напоминая ему об угрозе заражения. Физически Николаю удастся избежать его избежать. Но запах преследует, напоминая о себе во время торжества в Тильзите так, что герой оглядывается в поисках его источника.

В заполненной больными и ранеными палате Ростов обращает особое внимание на находящегося при смерти казака и молодого солдата, лицо которого уже покрыто восковой

бледностью. Вообще Толстой склонен подробно описывать состояния человека на границе между жизнью и смертью или (и) сразу после смерти. Причем в фокусе находится и сам умирающий, и тот, кто наблюдает «великое зрелище», сиюсь понять его значение. В казаке Толстой подчеркивает внутреннее напряжение: багрово-красное лицо, закаченные глаза, еще красные руки и ноги, на которых «жилы напряжились как веревки». Глаза его не обращены в мир, а направлены в себя, туда, где что-то вот-вот разорвется, лопнет. Молодой солдат также «с закаченными под веки глазами» уже лишен всякого напряжения. Все эти изменения, наблюдаемые в теле, непроницаемы для наблюдателя. Мертвый среди живых не только, источая миазмы, заражает окружающих тифом. Совершенно не в телесном плане заразительно небытие. Следы такого «заражения» есть, к примеру, в докторе, «с видимым удовольствием», рассказывающим Ростову о царящей в госпитале смерти.

Насмотревшись ужасов в солдатских палатах, Николай Ростов, наконец, попадает в офицерские. Обстановка здесь отличается: нет мертвых тел; пациенты лежат не на полу, а на кроватях; в одной из комнат слышен смех. Хотя остаются и общие признаки госпиталя: героя встречает «худой человек без руки» (Тушин), в лице Денисова есть «бледная опухлость», свойственная всем «гошпитальным лицам». Впрочем, здесь Толстой фокусируется не столько на обстановке, сколько на самом Денисове.

В госпитале он сильно изменился. И дело не в ране, которая была «ничтожной». В нем происходит какое-то внутреннее нарушение, симптоматично проявляющееся в поведении, а особенно – в мимике, голосе и интонации: «...Ростов с грустью заметил, как с этою привычною развязностью и оживленностью *какое-то новое дурное, затаенное чувство проглядывало в выражении лица, в интонациях и словах Денисова*» (курсив наш. – В.М.); «Но не это поразило Ростова; его поразило то, что Денисов как будто *не рад был ему и неестественно ему улыбался*» (курсив наш. – В.М.); «... сказал Денисов *голосом*, которому он хотел придать прежнюю энергию и горячность, но который *звучал бесполезною раздражительностью*» (курсив наш. – В.М.) [5, с. 137]; «Он не договорил и *улыбнулся болезненно-фальшивою улыбкой*» (курсив наш. – В.М.) [5, с. 138].

В этой неестественности, фальшивости, в попытках вести себя как прежде раскрывается неспособность Денисова быть собой. При этом он заикливается на себе: «Ростов заметил даже, что Денисову неприятно было, когда ему напоминали о полке и вообще о той, другой, вольной жизни, которая шла вне госпиталя» [5, с. 137]. Жизнь полка, «общий ход дела», недавно прошедшее Фридландское сражение его не интересуют. Более того – Ростову кажется, что Денисов «старается забыть» все это. Похожие изменения наблюдались в героях «Севастопольских рассказов», зараженных тщеславием: их предельная фиксация на себе есть одновременно утрата себя в чужом желании, утрата подлинного бытия. Смерть от ранения и болезни, которая проявляется в увечьях и «запахе мертвого тела», идет нога в ногу с фальшивой жизнью.

Денисова крайне беспокоит «дело с провиантскими чиновниками». К апрелю 1807 г. из Павлоградского полка выбывает почти половина личного состава из-за голода и болезней и только двое вследствие ранений. Отступление по уже разоренным землям, невозможность

доставки провианта по «непроездным» дорогам и само качество провианта вынуждают голодных солдат питаться корнем «похожего на спаржу растения», который они называют «сладкий машин корень». Весной же в полку появляется новая болезнь – «опухоль рук, ног и лица». Медики видят в «машкином корне» причину болезни и запрещают его, но запрет никак не действует на солдат. Неравнодушный к страданиям подчиненных (к тому же вспыльчивый) ротмистр после очередного известия о нарушении приказа решает проблему радикально, отбив с гусарами провиант, предназначенный для пехотного полка. Однако само это происшествие внутренне Денисова не меняет.

Его поступок мотивирован не соперничеством, о чем свидетельствует его поездка в штаб с целью «уладить дело». Выходя из землянки, он говорит: «– Суди меня там бог и великий государь!» [5, с. 129]. «Бог» и «великий государь» являются для него образцами. Для него и почти для всех военнослужащих. Лучше всего об этом скажет Николай Ростов на празднике в Тильзите: «– Мы не чиновники дипломатические, а *мы солдаты и больше ничего*, – продолжал он. – *Умирать велят нам – так умирать. А коли наказывают, так значит – виноват; не нам судить.* Угодно государю императору признать Бонапарте императором и заключить с ним союз – значит так надо. *А то, коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Этак мы скажем, что ни Бога нет, ничего нет*, – ударяя по столу кричал Николай, весьма некстати, по понятиям своих собеседников, но весьма последовательно по ходу своих мыслей» (курсив наш. – В.М.) [5, с. 151]. Дистанция между «богом» и «великим государем» и «солдатами» непреодолима. Это образцы, о которых принято говорить открыто. В них сосредоточены лучшие качества в высшей их степени. Перед тем, как передать прошение Денисова о помиловании императору, Николай думает так: «Он всё понимает, всё знает. Кто же может быть справедливее и великодушнее его?» [5, с. 143]. Взгляд государя, как-то кажется Ростову, источает свет. Обращаясь к терминологии Рене Жирара, можно с уверенностью утверждать, что все это типичные черты внешней медиации, при которой медиатор, являющийся образцом поведения, находится от героя на недостижимой (в духовном плане) дистанции.

Денисов здоров ровно до того момента, как он встречает на своем пути Телянина, служащего в это время комиссионером. Именно здесь происходит заражение и переключение медиации с внешней на внутреннюю, предполагающую значительное сближение медиатора и субъекта, в котором подражание не приносит славы, побуждая к скрытию акта медиации. Вопрос чести не существенен, пока не произошла эта перемена. Как только медиатор оказывается в достижимом в духовном плане, начинается соперничество, в котором «Я» испытывает заразительное влияние «Другого».

О Телянине в романе говорится мало. В 1805 г. он служил в одном эскадроне с Денисовым и Ростовым. Перед походом его «за что-то перевели из гвардии». Характерной его чертой является то, что он никому не нравится, его присутствие невольно вызывает отвращение: «Он держал себя очень хорошо в полку; но *его не любили*, и в особенности *Ростов не мог ни преодолеть, ни скрывать своего беспричинного отвращения* к этому офицеру» (курсив наш. – В.М.) [4, с. 157]; «Увидав Ростова, *Денисов сморщился* и, указывая через плечо

большим пальцем в комнату, в которой сидел Телянин, *поморщился и с отвращением тряхнул*» (курсив наш. – В.М.); «“Бывают же такие противные лица”, подумал Ростов, входя в комнату» [4, с. 158]. Можно сказать, что Телянин, подобно мертвому телу, лежащему в солдатских палатах, источает миазмы, отравляющие окружающих. Красноречива его частая смена мест службы: от этой «заразы» все стараются избавиться. Внутренняя медиация развивается подобно эпидемии, а потому разумно обезопасить себя от столь заразного субъекта.

Телянин – человек патологически алчный. Он продает Ростову лошадь за 700 рублей, хотя она «не стоит и половины этой цены». Его исключение из Павлоградского полка связано с кражей кошелька Денисова, а сам поступок охарактеризован как «болезнь»: «– Ну, ваша воля, – сказал штаб-ротмистр. – Что же, мерзавец-то этот куда делся? – спросил он у Денисова.

– Сказался больным, завтра велено приказом исключить, – проговорил Денисов.

– Это болезнь, иначе нельзя объяснить, – сказал штаб-ротмистр.

– Уж там болезнь не болезнь, а не попадайся он мне на глаза – убью! – кровожадно прокричал Денисов» [4, с. 165].

Как «работает» эта болезнь, подробно не описано, но есть небольшие симптомы, помогающие понять механизм. Дело в том, что Телянин не просто ворует, но делает это так, что Ростов, спрятавший по просьбе Денисова кошелек под подушку, невольно попадает под подозрение. Лакей Лаврушка даже предлагает Николаю «посмотреть в карманах», объясняя произошедшее забывчивостью юнкера. Кошелек найти не удается. Взгляды падают на того, кто последний раз держал его в руках. Особенно красноречив взгляд эскадронного командира: «Ростов почувствовав на себе взгляд Денисова, поднял глаза и в то же мгновение опустил их. Вся кровь его, бывшая запертою где-то ниже горда, хлынула ему в лицо и глаза. Он не мог перевести дыхание» [4, с. 159]. Ростова задевает не акт воровства, с которым Денисов должен был бы разбираться самостоятельно, ведь кошелек принадлежал ему, а подозрения. Именно поэтому Ростов, выведя Телянина на чистую воду, не забирает деньги, а идет к полковому командиру, чтоб доложить об «этой пакости».

Телятин, будучи алчным, стремится выглядеть хорошо на людях. То неприятное, что чувствуют в нем другие не сама алчность, а желание казаться лучше. Та болезнь, миазмы которой он источает, – тщеславие. Ростов, еще недавно исполненный чувства любви ко всему и всем, радостно кричащий: «Und Vivat die ganze Welt», – вступив с ним в соперничество, испытывает его влияние. Поведение юнкера аналогично поведению Денисова в госпитале. Он замыкается на себе, из-за чего завязывается конфликт уже не только с самим Теляниным, ставшим для него медиатором, но и Богданычем (полковым командиром). Воровство в полку, ставшее делом публичным, «осрамит весь полк» и, нужно полагать, самого командира. Поэтому он, испытав влияние «заразы», обвиняет Ростова во лжи и тут же слышит ответное обвинение.

В следующий раз они встречаются во время отступления русских войск через реку Энс. Николай Ростов лишен спокойствия, постоянно оглядывается, чувствуя на себе взгляд полкового командира. Он озабочен желанием выглядеть лучше в его глазах: «Ростову то

казалось, что Богданыч только притворяется невнимательным, и что *вся цель его теперь состоит в том, чтобы испытать храбрость юнкера*, и он выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что *Богданыч нарочно едет близко, чтобы показать Ростову свою храбрость*. То ему думалось, что враг его теперь нарочно пошлет эскадрон в отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что *после атаки он подойдет к нему и великодушно протянет ему, раненому, руку примирения*» (курсив наш. – В.М.) [4, с. 175]. Любопытно, что возможность примирения юнкер представляет себе лишь в случае ранения, которое всем доказало бы его храбрость.

Однако все происходит наоборот: ранение доказывает тщету славы храбреца. Неожиданное падение и стон гусара, находившегося рядом с еще не бывавшим под обстрелами Ростовым, действует как лекарство от тщеславия и заставляет перевести взгляд от Богданыча к Дунаю и небу. Герой, вновь чувствуя в себе любовь «к солнцу и жизни» и одновременно переживая «страх смерти и носилок», шепчет молитву.

Во время Шенграбенского сражения Николая ранят в руку. Примечательно, что ранение в его сне оказывается неразрывно связано с «историей с Теляниным и Богданычем»: «*Вся эта история была одно и то же, что́ этот солдат с резким голосом, и эта-то вся история и этот-то солдат так мучительно, неотступно держали, давили и все в одну сторону тянули его руку. Он пытался устраниваться от них, но они не отпускали ни на волос, ни на секунду его плечо. Оно бы не болело, оно было бы здорово, ежели б они не тянули его; но нельзя было избавиться от них*» [4, с. 242]. Тщеславие заставляет жить не своей жизнью. Война отнимает руку. Все это сливается во сне Ростова в «одно». Подобным образом Толстой совмещает сцены в солдатских и офицерских палатах госпиталя. «Кричащая» телесность отрезвляет.

К слову, Денисову, только вернувшемуся из штаба, где произошел скандал с Теляниным, не удастся ничего произнести (кроме «непонятных ругательств и угроз») до тех пор, пока вызванный Ростовым полковой лекарь не применяет кровопускание: «Глубокая тарелка черной крови вышла из мохнатой руки Денисова, и тогда только он был в состоянии рассказать всё, что́ с ним было» [5, с. 131]. Такая мера позволяет герою рассказать, что с ним произошло, но, конечно, не сменить медиатора и полностью излечиться. Он мучается «делом с провиантскими чиновниками», в частности, потому, что поступает в госпиталь с «ничтожной раной» и находится в офицерских палатах, а не в ужасающих солдатских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреевский П.В. Как предохранить себя от тифа. Тиф и тифоиды. Пятнистый и кишечный тиф; возвратная горячка; желчный тифоид; холерный и scarlatinный тифоиды. Их происхождение, распознавание, предохранение и лечение. – Москва: Д.И. Преснов, 1878. – 96 с.
2. Виллие Я.В. О Желтой американской горячке. – Во граде С. Петра: Медицинская Типография, 1805. – 161 с.
3. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа / пер. с франц. А. Зигмонта, 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 352 с.

4. Толстой Л.Н. Война и мир. Том первый // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937. – Т. 9. – 519 с.

5. Толстой Л.Н. Война и мир. Том второй // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1938. – Т. 10. – 432 с.

6. Толстой Л.Н. Война и мир. Черновые редакции и варианты // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1949. – Т. 13. – 883 с.

7. Чigareва Н.Г. Сыпной тиф эпидемический – болезнь войны, разрухи, нищеты // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2022. – № 1-2. – С. 150-153.

REFERENCES

1. Andreevsky P.V. How to protect yourself from typhus. Typhus and typhoids. Spotted and intestinal typhus; relapsing fever; bilious typhoid; cholera and scarlet typhoids. Their origin, recognition, prevention and treatment. – Moscow: D. I. Presnov, 1878. – 96 p.

2. Willie Ya.V. About American Yellow Tremendous. – In the city of St. Petra: Medical Printing House, 1805. – 161 p.

3. Girard R. The Lie of Romanticism and the Truth of the Novel / R. Girard; trans. from French. A. Zygmunt, 2nd ed. – Moscow: New Literary Review, 2021. – 352 p.

4. Tolstoy L N. War and Peace. Volume One // Complete Collected Works (“Jubilee”): in 90 volumes. – Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1937. – Vol. 9. – 519 p.

5. Tolstoy L.N. War and Peace. Volume Two // Complete Collected Works (“Jubilee”): in 90 volumes. – Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1938. – Vol. 10. – 432 p.

6. Tolstoy L.N. War and Peace. Rough Editions and Versions // Complete Collected Works (“Jubilee”): in 90 volumes. – Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1949. – Vol. 13. – 883 p.

7. Chigareva N.G. Epidemic typhus – a disease of war, devastation, poverty // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. – 2022. – No. 1-2. – P. 150–153.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_213-220

УДК 72.01

**ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА
ОСВОБОЖДЕННОГО ВОРОНЕЖА (1943-1945 гг.)**
PROBLEMS OF RESTORING THE ARCHITECTURAL APPEARANCE
OF LIBERATED VORONEZH (1943-1945)

Пивоварова Ю.И., кандидат
культурологии, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия

Pivovarova Yu.I., candidate of Cultural
Studies, Senior lecturer,
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация. В статье идет речь о масштабах разрушений Воронежа, полученных в ходе Великой Отечественной войны и сопряженных с этим трудностях его возрождения. Анализируется деятельность выдающегося воронежского архитектора Александра Васильевича Миронова, который внес значительный вклад в восстановление нашего города.

Abstract. The article discusses the scale of destruction of Voronezh during the Great Patriotic War and the associated difficulties of its revival. The work of the outstanding Voronezh architect Alexander Vasilyevich Mironov, who made a significant contribution to the restoration of our city, is analyzed.

Ключевые слова: послевоенные годы, Воронеж, А.В. Миронов, разрушение, восстановление города, архитектурный стиль.

Key words: post-war years, Voronezh, A.V. Mironov, destruction, restoration of the city, architectural style.

Введение. К 1945 г. многие города СССР лежали в руинах. Более двух сотен тяжелых дней и ночей сражался Воронеж с захватчиками, которые, заняв правый берег, разрушили его. После освобождения города впереди было долгое и сложное восстановление уничтоженного. 1 ноября 1945 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление №2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР», а именно 15 крупнейших старинных русских городов, среди которых числился Воронеж [5, Л. 71]. По оценке воронежских исследователей, 95 процентов нашего городского административного, жилого и промышленного фонда находилось в непригодном состоянии. Какие-то объекты оказались стертыми с карты Воронежа безвозвратно, а каким-то повезло чуть больше – от них остались лишь коробки. Среди зданий, избежавших разрушительного воздействия оккупантов, не сохранилось ни одного учебного, культурно-просветительного, лечебного, торгового, административного и производственного направления [9, с. 152].

Так сложилось, что мы часто забываем имена тех, кому обязаны современным состоянием нашего города. А ведь при восстановлении всех этих сооружений перед архитекторами, инженерами, всем советским народом возникало множество трудностей и препятствий, с которыми они вступили в тяжелую, но победоносную схватку. Прежде всего предстояло оценить масштаб разрушений, изучить сопряженные с ним проблемы и начать их планомерное решение. Построить город трудно, но восстановить разрушенный – крайне сложная, порой непосильная задача. Нашим предкам удалось возродить тысячи разоренных зданий, поднять из пепла целые города и деревни. Воронеж – тому яркий пример.

Масштаб разрушений в г. Воронеже и пути его преодоления. В архивных документах находятся «Годовые отчеты о работе Областного отдела по делам архитектуры», которые и явились основополагающим источником этой статьи. В частности, был проведен анализ Отчета за 1945 г.

Освобожденный от оккупации 25 января 1943 г., Воронеж представлял собой «полуразрушенный скелет архитектурного организма» [1, Л. 33]. Многоэтажные дома на всех улицах города были сожжены или подорваны. Основные магистрали города: Проспект Революции, ул. Плехановская, ул. Фридриха Энгельса, ул. Кирова, ул. Пушкинская и др. – превратились в коробки или остова выгоревших и рухнувших от взрывов зданий с закопченными оконными проемами. Именно на этих улицах были расположены значимые сооружения, такие как Облисполком, Государственный университет, Дворец пионеров, и др. – от них остались лишь бесформенные обломки стен, груды камня и щебня, разбор которых сам по себе представлял чрезвычайно сложную и трудоемкую работу. А ведь когда-то на их строительство потребовались серьезные затраты (ввиду высокой стоимости таких материалов, как гранит, мрамор, лабрадор, малахит). Весьма пессимистично выглядели все деревянные части конструктивных элементов зданий, поскольку обгорели или были полностью сожжены.

В начале февраля 1943 г. на «выживших» сооружениях стали появляться надписи: «Проверено. Мин не обнаружено». Так проходила первоочередная работа по разминированию города, которая буквально шаг за шагом его очищала. Архитектор Н.В. Троицкий в своих воспоминаниях писал, что многие высказывались в то время, что «Воронеж надо строить заново и в другом месте» [10, с. 107]. Безусловно, при таких всеобъемлющих масштабах разрушений города было невероятно сложно даже опытным специалистам ответить на главный вопрос: «С чего начать капитальное восстановление города?» [1, Л. 33].

Прежде всего, для ответа на этот вопрос требовался детально разработанный генеральный план восстановления и развития города Воронежа. Однако в 1945 г. такого плана еще не было. В архиве треста Облпроект находились чудом сохранившиеся старые чертежи и разного рода к ним записки, которые, к сожалению, не были пригодны к использованию без тщательных корректировок и дополнений.

В силу сложившихся обстоятельств, еще в январе 1944 г. Комитетом по делам архитектуры при СНК СССР было решено поручить составление генеральной схемы планировки Воронежа Мастерской академии архитектуры, которой тогда руководил действительный член академии архитектуры Лев Владимирович Руднев. Однако составление

генплана значительно затянулось: «В соответствии с протоколом №7 от 03.03.1945 г. Комитета по делам архитектуры, мастерская академика Л.В. Руднева была обязана доработать схему генплана Воронежа до стадии генплана к 1 июня 1945 г., обеспечив выполнение проектных работ по генеральному плану на месте, и закончив детальный проект планировки центра Воронежа к 1 августу 1945 г. Обе порученные работы мастерской академика Руднева Л.В. не выполнены к установленному сроку» [1, Л. 34].

Осложняли сложившуюся ситуацию и некоторые нарушения. Во-первых, неправильное размещение промышленности в центральной жилой части города. Во-вторых, неправильная застройка центральной части города и берегового бульвара малоэтажным строительством. В-третьих, сосредоточение восстановления крупных объектов строительства на окраине и мелких улицах. Похожие трудности с размещением промышленности встречались и в других городах области, например Борисоглебске, в котором на центральной площади развивался чугунолитейный завод.

Проблемы восстановления города. В Отчете указано несколько категорий проблем, препятствовавших возрождению Воронежа. Разберемся поподробнее.

1. Строительный мусор. Из-за сильного разрушения на улицах Воронежа лежало огромное количество бесформенных нагромождений камня, перемешанного с горелым железом. Всюду торчали искорёженные железобетонные конструкции. Пустыри, засыпанные щебнем и битым стеклом, были повсюду. Прежде чем приступить к строительным работам требовалось очистить город от всего этого.

2. Отсутствие генплана тормозило процесс реконструкции. Масло в огонь подливала оторванность проектирования города от места его строительства.

3. Кадры и техническое обеспечение. Маломощность проектных организаций, их ведомственная раздробленность, недостаток квалифицированных архитектурных и инженерных кадров, плохая оснащённость инструментами, бумагой, приспособлениями и помещениями – не давали возможности своевременно и качественно обеспечить технической документацией подконтрольное строительство.

4. Строительные организации часто не придавали значения благоустройству участка на восстанавливаемых объектах, а строящие организации не предъявляли соответствующих требований к ним на проведение работ по благоустройству.

5. В свою очередь, неудовлетворительность качеством строительных и архитектурно-отделочных работ была следствием целого ряда причин. Во-первых, отсутствие достаточного количества квалифицированной рабочей силы у строительных организаций. Во-вторых, слабая квалификация технического персонала на строительных объектах, их загруженность не профильными работами. В-третьих, недостаточность авторского надзора как на крупных и ответственных стройках, так и полное отсутствие такового на остальных объектах. Более того строительные организации в своей работе часто отступали от существующих чертежей, и игнорировали требование исправить допущенные ошибки. В-четвертых, низкое качество строительных материалов, слабая оснащённость инструментами и ненадлежащий уход за ними. В-пятых, отсутствие борьбы за качество работ со стороны застройщиков (приемка работ

производства без оценки их качества). В-шестых, полное отсутствие принятия мер и борьбы за соблюдение строительного законодательства со стороны органов и прокуратуры. В-седьмых, недостаточность контроля за строительством со стороны органов госархстройконтроля, объяснявшаяся малым штатом работников и их загруженностью.

6. Облегченное строительство. Под данным термином имелись в виду сборные дома, которые обладали рядом преимуществ: готовые детали, быстрая сборка, возможность разобрать и собрать в другом месте. Но их недостатки значительно превосходили их достоинства: архитектурные, теплотехнические и конструктивные показатели были низкими. Иными словами, такой формат жилья не отвечал минимальным бытовым требованиям и не был принят в качестве массового, считаясь «примитивным жилищем». В частности, к облегченному строительству относились 44 щитовых круглых засыпных дома поставленных Управлением строительно-восстановительных работ ЮВЖД.

Были еще так называемые «финские дома», полученные УСВР ЮВЖД в июле 1945 г. от Ленинградского главснаблеса (в количестве 9,5 шт.): «Из прибывших домиков один передан для сборки заводу «Глинозем». В настоящее время детали остальных 8,5 домов находятся на 10-м ж.д. пути станции Воронеж I и хранятся на открытом воздухе в хаотическом состоянии без должной охраны. Все элементы домов (стеновой материал, стропила, оконные переплеты, двери) портятся и разрушаются» [1, Л. 37].

7. Ввод зданий в эксплуатацию. Начатое строительство, а потом законсервированное, часто не сохранялось от разрушения и не охранялось от расхищения.

8. Заканчиваемые строительством объекты в городе как городского, так и ведомственного подчинения заселялись как правило без предварительной сдачи их в эксплуатацию, это приводило к тому, что большое количество недоделок и дефектов оставалось неисправленным.

9. Что же касалось основных строительных организаций (которых в 1945 г. насчитывалось 12), то и они не справлялись с поставленными задачами, так же по причине отсутствия рабочих кадров, квалифицированного техперсонала, слабой оснащенности инструментами, транспортом, и пр.

10. В связи с этим, крайне медленные темпы восстановительных работ влекли за собой дальнейшее разрушение объектов архитектуры, еще и оттого, что нарушалась сама очередность застройки, поскольку начинали с окраин, а не центра. Ко всему прочему, отсутствие генплана и крайняя нужда населения в жилье вели к появлению хаотичной застройки. Индивидуальное строительство было некачественным, ввиду отсутствия надлежащего материала.

Воронежские зодчие, внесшие огромный вклад в восстановление города. Новый генеральный план развития Воронежа и проект реконструкции его центра создавался при участии Академии архитектуры СССР и Воронежского Облпроекта. В составе последнего были архитекторы: А.В. Миронов, И.В. Ткаченко, П.П. Штеллер, В.В. Лебедев, Г.А. Тимме; инженеры: Л.А. Волков и В.С. Семенов. Они боролись за «жизнь» каждого дома. Руководил всем этим процессом приглашенный из Москвы академик архитектуры Л.В. Руднев.

По мнению профессора архитектуры Чеснокова Г.А. [7, с. 263-267], в процессе восстановления города отчетливо прослеживаются три этапа. Первый этап начался в 1943 г. и был связан с массовым восстановлением зданий, от которых остались лишь полуразрушенные коробки. Второй этап начался в конце 40-х гг. и представлял собой массовое строительство больших жилых кварталов с типовыми двухэтажными домами. И третий, завершающий этап начался в 50-е гг., ознаменовав собой дальнейшее развитие центра Воронежа и его заполнение общественными и многоэтажными жилыми зданиями.

За 1945 г. в области было проведено обследование 22-х памятников архитектуры, из которых лишь три находились в Воронеже: Путевой дворец, бывший дом Вигеля и здание магистрата [1, Л. 21]. Лишь только в августе 1948 г. Исполком Областного Совета утвердил список памятников подлежащих государственной охране и обязал проектировщиков при их восстановлении строго «следовать исторической правде». Однако так было не всегда исполнено в силу разных причин.

Вместе с реставрационными работами по восстановлению знаковых сооружений Воронежа целый ряд из них претерпел разного рода изменения как фасадов, так и внутренних помещений. Такая радикальная необходимость объяснялась разными причинами. Первоочередной задачей было увеличение масштабов застройки, обеспечение народа жильем. Например, здания на проспекте Революции достраивали несколькими этажами, которых должно было быть не менее трех. Другим шагом стал поворот к «стилистической переквалификации», то есть внедрению социалистического реализма в архитектуру, что, в силу неоднозначности трактовки положений последнего, было трудноисполнимой задачей.

«Советский неоклассицизм» или «сталинский ампи́р» – это стилевое направление, развивающееся в 1930-1950-е гг. в СССР, и опирающееся на античные традиции в искусстве. В целом, послевоенный неоклассицизм характеризуется тяготением к масштабным, монументальным объёмам с использованием героической тематики и военной атрибутики – темой победы в Великой Отечественной войне. «...Своеобразный символ разгрома врага несет на себе ограда Первомайского сада в Воронеже, построенная самим народом в момент, когда город был еще разрушен, когда жители его ютились в землянках и подвалах, в лестничных клетках взорванных и разрушенных домов», Н.В. Троицкий так отзывался о работе своего коллеги Александра Васильевича Миронова [4, Л. 9].

Подчеркнем, что именно зодчий А.В. Миронов внес неоценимый вклад в восстановление нашего города. Важное участие в работе бригады принимал и Николай Владимирович Троицкий как главный архитектор города. Но именно А.В. Миронова академик Л.В. Руднев признавал своим соавтором [6, с. 12]. Да и сам Троицкий в своих воспоминаниях писал, что «ведущим воронежским архитектором я считал и считаю архитектора-художника Александра Васильевича Миронова, вложившего много своего труда, знаний и художественного такта в свои архитектурные работы. Это архитектор с большим кругозором, отличный художник, талантливо рисовавший акварельные и графические портреты и этюды. Он обладает весьма индивидуальной и яркой манерой своих работ» [10, с. 123]. Еще среди документов Троицкого есть письмо, в котором он обращается к ректору с просьбой

премировать А.В. Миронова по случаю 25-летия освобождения Воронежа, в «восстановлении и развитии которого он [Миронов А.В. – П.Ю.] принимал основополагающее участие» [2, Л. 26].

Сразу после начала войны, 29 июня 1941 г. А.В. Миронов был командирован на Урал для проектирования на месте ряда авиационных сооружений [3, Л. 1]. После освобождения Воронежа от захватчиков, в августе 1943 г. по вызову Воронежского облисполкома вернулся назад, заняв должность главного архитектора треста «Облпроект». Как говорилось ранее, недостаток квалифицированных кадров тормозил строительный процесс, а поэтому «областной отдел по п/д архитектуры настоял перед облисполкомом на переводе высококвалифицированного архитектора А.В. Миронова из Облпроекта в Архитектурную мастерскую при Управлении главного архитектора г. Воронежа» [1, Л. 23]. Так Александр Васильевич стал начальником и творческим руководителем этой мастерской и начал вести проектные работы по восстановлению разрушенного города. Он подошел к своей работе очень ответственно, умело сочетая указания руководства и художественную специфику того или иного сооружения, не в ущерб друг другу.

Так, например, *Казенная палата, на проспекте Революции, 21* была построена по проекту Дж. Кваренги архитектором И.И. Волковым. При восстановлении этого здания зодчий А.В. Миронов попытался учесть две задачи: сохранить его стилистическое своеобразие таким, какое оно было изначально и в то же время, следуя инструкции свыше (о расширении масштабов застройки), надстроил его двумя этажами [8, с. 63-64].

Дом на проспекте Революции, 26/28 построил А.И. Попов-Шаман, восстанавливал А.В. Миронов. В Воронеже первой трети XX в. страстным любителем конструктивизма был архитектор Александр Иванович Попов-Шаман. Именно он взялся спроектировать на главной магистрали города многоквартирный дом. В 1931 г. строительство было завершено. Однако сооружение получилось некомфортным из-за узких лестниц и неудачной планировки, да и было лишено всякой эстетики. Тем не менее, войну это здание пережило, поскольку было наполнено железобетоном. Восстанавливал его в 1948-1949 гг. Александр Васильевич Миронов. Он основательно его переделал, исправив планировку и добавив ему классицистические черты.

Здание на проспекте Революции, 48 (Аптека №15) восстанавливал А.В. Миронов. Поскольку во время войны и этот дом серьезно пострадал, при реконструкции он подвергся значительным изменениям. В 1948 г. добавили третий этаж, дизайн преобразовали в соответствии с последними веяниями архитектуры, а также соединили флигели с центральным корпусом [7, с. 262].

Выводы. Несмотря на то, что город сильно пострадал, и высказывалось мнение, что его не скоро восстановят или он вовсе не подлежит реконструкции, советским гражданам удалось вновь собрать всю силу и волю воедино, как когда-то перед нашествием врага, и возродить родной город в достаточно короткие сроки. Трудности, сопряженные со строительством и реставрацией, кирпичик за кирпичиком, шаг за шагом талантливо решались местными архитекторами и инженерами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. 731. – Оп. 1. – Д. 16 (Годовой отчет Областного отдела по делам архитектуры за 1945 г.).
2. ГАВО. – Ф. Р-3138. – Оп. 1. – Д. 24 (Характеристика на сотрудников и студентов ВИСИ, составленные Н.В. Троицким 1951-1972 гг.).
3. ГАВО. – Ф. Р-1660. – Оп. 1. – Д. 2 (Афтобиография Миронова А.В. и личные фото).
4. ГАВО. – Ф. Р-3138. – Оп. 2. – Д. 5 (Конспекты лекций по дисциплине «Архитектура». 1974-1976 гг.).
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5446. – Оп. 106. – Д. 165 (Постановление СНК СССР № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Смоленска, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Пскова, Севастополя, Воронежа, Новгорода, Великих Лук, Калинина, Брянска, Орла, Курска, Краснодар и Мурманска»).
6. Барсуков Е. М. Моцарт и Сальери воронежской архитектуры // Строительство и недвижимость в Воронежском регионе. – Воронеж: 2022. – № 34-35.
7. Чесноков Г. А. Архитектура Воронежа: история и современность. – Воронеж: ВГАСУ. – 1999. – 396 с.
8. Чесноков Г. А. Каменная летопись: Воронеж. – Воронеж: «Альбом», 2011. – 100 с.
9. Перцев В. А. Восстановление социальной сферы города Воронежа в 1943-1945 гг. // Вестник ВГУ: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 151-155.
10. Троицкий Н. В. Я – коренной воронежец: воспоминания архитектора / публикация вступ. ст. и примеч. Акиньшина А.Н., Чеснокова Г.А.; предисл. Суровцева И.С. – Воронеж: «Альбом», 2005. – 208 с.

REFERENCES

1. The State Archive of the Voronezh Region (GAVO). – F. 731. – Op. 1. – D. 16 (Annual report of the Regional Department of Architecture for 1945).
2. SAVO. – F. R-3138. – Op. 1. – D. 24 (Characteristics of the employees and students of VISI, compiled by N.V. Troitsky in 1951-1972).
3. SAVO. – F. R-1660. – Op. 1. – D. 2 (Biography of A.V. Mironov and his personal photos).
4. SAVO. – F. R-3138. – Op. 2. – D. 5 (Lecture notes on the discipline "Architecture". 1974-1976).
5. State Archives of the Russian Federation (SARF). – F. R-5446. – Op. 106. – D. 165 (Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 2722 "On measures to restore the cities of the RSFSR destroyed by the German invaders: Smolensk, Vyazma, Rostov-on-Don, Novorossiysk, Pskov, Sevastopol, Voronezh, Novgorod, Velikiye Luki, Kalinin, Bryansk, Orel, Kursk, Krasnodar and Murmansk").
6. Barsukov E. M. Mozart and Salieri of Voronezh architecture // Construction and real estate in the Voronezh region. – Voronezh: 2022. – No. 34-35.

7. Chesnokov G. A. Architecture of Voronezh: history and modernity. – Voronezh: VSUACE, 1999. – 396 p.
8. Chesnokov G. A. Stone Chronicle: Voronezh. – Voronezh: "Album", 2011. – 100 p.
9. Pertsev V. A. Restoration of the social sphere of the city of Voronezh in 1943-1945 // Bulletin of VSU: History. Political Science. Sociology. – 2015 – No. 3. – Pp. 151-155.
10. Troitsky N. V. I am a native Voronezh resident: memoirs of an architect / publication of the introduction. article and notes by A.N. Akin'shin, G.A. Chesnokov; foreword by I.S. Surovtsev. – Voronezh: "Album", 2005. – 208 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_221-225

УДК 947.085

**МЕСТА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ВОРОНЕЖСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:**

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

**PLACES OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN VORONEZH STATE
UNIVERSITY OF FORESTRY AND TECHNOLOGIES: FORMATION AND EVOLUTION**

Разиньков М.Е., кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Razinkov M.E., Candidate of Historical Sciences, associate professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: формирование мест памяти о Великой Отечественной войне началось в Воронежском лесотехническом институте с 1965 г. За это время существенно расширился комплекс материальных средств, позволяющих осуществлять военно-патриотическую и историко-просветительскую работу в рамках гражданского воспитания: стационарная экспозиция на 2-м этаже вуза, экспозиция в Лесотехническом музее, памятная доска на фасаде ВГЛТУ, мемориальный комплекс на воинском захоронении № 17.

Abstract: The formation of places of memory about the Great Patriotic War began at the Voronezh Forestry Institute in 1965. During this time, the range of material resources allowing for military-patriotic and historical-educational work within the framework of civic education has significantly expanded: a permanent exhibition on the 2nd floor of the university, an exhibition in the Forestry Museum, a memorial plaque on the facade of VGFTU, a memorial complex at military burial site No. 17.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, места памяти, Воронежский государственный лесотехнический университет

Keywords: Great Patriotic War, places of memory, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov

Для того, чтобы память о значимых событиях прошлого сохранялась и могла использоваться в назидание современникам и потомкам, должна сложиться мемориальная система, имеющая материальное отражение в долговременных конструкциях, содержание которых (в т.ч. символическое) будет понятно окружающим. Сохранением памяти о Великой Отечественной войне озаботились сразу после ее окончания. Перезахоронения погибших, происходившее одновременно с созданием мемориалов на братских могилах; сохранение зданий с отметинами боевых действий; музейные экспозиции; портретные галереи участников

войны – все это возникало в Воронеже в 1945-1965 гг. [1, 2], т.е. первые послевоенные десятилетия.

История мемориализации Великой Отечественной войны, в т.ч. в рамках вуза, является примером того, как могут совместно действовать две политические силы – общество и государство [6]. Однако решающее слово в СССР было все же за государством, и в государственных учреждениях процесс создания сколько-нибудь заметных мест памяти мог начаться только после указаний из Москвы.

О создании мест памяти, посвященных Великой Отечественной войне, в Воронежском лесотехническом институте известно, на данный момент, только с 1965 г., т.е. сравнительно поздно. Именно в этом году круглая дата – 20-летие Победы – была широко отпразднована в вузе. Помимо торжественного заседания коллектива института, был «установлен большой стенд с именами и фотографиями сотрудников и воспитанников института, участвовавших в Великой Отечественной войне, проведены встречи с ветеранами войны» [5, с. 249]. На Доску почета были занесены имена 122 ветеранов войны.

Следующим крупным юбилейным годом стал 1975 г. К этому времени, вероятнее всего, относится создание первой мемориальной комнаты – прообраза музея института. Содержание этой комнаты не вполне известно. Старожилы вспоминают пулемет «Максим», чью-то военную форму. Однако эти экспонаты в музее не сохранились. Кроме того, в Лесотехническом музее сохранились элементы фотовыставки 1975 г., состоявшей из не менее чем 42-х элементов, и включавшей фотографии боев за Воронеж, в т.ч. в районе сельскохозяйственного института, бойцов и командиров 121-й и 195-й стрелковых дивизий, воевавших в окрестностях институтского городка.

В 1975 г. был открыт мемориал на братской могиле № 17, который с тех пор является местом возложения венков преподавателями, сотрудниками и студентами ВГЛТУ в День освобождения Воронежа, День Победы и День памяти и скорби. Созданию памятника предшествовала кропотливая работа по уточнению списков погибших. В последующие годы сюда добавлялись новые фамилии, т.к. происходили дозахоронения. На момент формирования памятника список захороненных насчитывал 277 фамилий, сейчас – 448. По воспоминаниям профессора В.С. Волкова, мемориал после 1975 г. достраивался, т.е. памятник был не закончен к юбилею. Он же рассказал о существовании более раннего памятника – небольшого обелиска: вначале деревянного, потом – металлического.

Строительству памятника посвящена заметка в газете «За лесные кадры»: «Близится к завершению реконструкция братской могилы, расположенной неподалеку от главного корпуса ВЛТИ. Прделана большая работа: выстроен по новому эскизу обелиск, расширена прилегающая к братской могиле площадь, обновлен зеленый массив, ведется асфальтирование дорог. Хорошо потрудились над выполнением важного задания представители кафедры технологии конструкционных материалов Е.П. Гончаров, С.В. Кондратенко, П.И. Бекетов, Ю.В. Щерблюкин, А.И. Алиев, М.Н. Орлов, Л.И. Ткачев. Все они работают под руководством зав. мастерскими В.В. Огонькова. Много труда вложили в реконструкцию братской могилы штукатуры Н.Г. Волосных, П.Ф. Чикина, Ф.И. Звягинцева, Г.П. Первушина, М.Д. Выставкина,

плотники В.Р. Щербатых, Д.А. Гудков, А.Н. Савельев, Н.И. Наумов. Большую помощь оказали работающим директор учебно-опытного лесхоза В.И. Струков и доцент кафедры лесных культур Е.Н. Науменко» [3, с. 1]. Как видим, памятник создавался силами самого института.

В январе 1983 г. институт отпраздновал 40-летие освобождения Воронежа. Помимо торжественного заседания ветеранов – сотрудников вуза, была проведена встреча-митинг перед входом в институт с участием ветеранов 121-й стрелковой дивизии, открыта памятная доска, сообщавшая о том, что в здании института в 1942 – начале 1943 г. размещался командный пункт дивизии. Мероприятие хорошо задокументировано в фотоматериалах, которые идентифицируются по зимней одежде собравшихся, наличию на фотографиях ректора А.К. Артюховского и начальника разведки 121-й дивизии А.Ф. Яковенко.

Судя по всему, встреча с бывшими бойцами и командирами 121-й сд была организована при деятельном участии ветерана этой дивизии – Е.И. Крестниковой. Екатерина Ильинична Крестникова – заметная фигура в ветеранском движении 1970-х гг., связистка артиллерийской батареи, телефонистка штаба 121-й сд, инвалид войны, орденосец, неоднократно участвовавшая во встречах ветеранов, в т.ч. с молодежью, на территории Воронежской и Курской областей, автор небольших воспоминаний [4].

Важным юбилеем стало 40-летие Победы, когда «возрастные» (60–65-летние), но все еще бодрые ветераны составили заметное представительство на мероприятиях: возложение венков у братской могилы № 17, торжественное заседание в актовом зале института. Событие было очень подробно зафиксировано на фото пленку, настолько подробно, что из этих фотографий можно смело делать отдельный альбом.

Тогда же, в 1985 г., была несколько изменена композиция оформления братской могилы № 17. Списки погибших, ранее расположенные на основном памятнике, были перенесены на особые доски, идущие перпендикулярно монументу. Эта композиция в обновленном виде сохраняется до сих пор, лишь кроме большой звезды на памятнике был помещен при реконструкции 2010 г. орден «Отечественной войны».

На страницах этой работы мы можем сообщить о прискорбном факте, касающемся истории памятника. В 1990-е гг. бронзовая звезда, надпись бронзовыми буквами «Светлой памяти героев ратных подвигов», а также цифры 1941-1945 гг. были похищены вандалами. Произошло это накануне Дня Победы, что говорит об абсолютном бескультурье, невежестве людей, которые это сделали. Быстрыми темпами звезда и цифры были восстановлены из более простых материалов и покрашены под бронзу.

В рамках реконструкции внутреннего пространства вуза, производимого в честь его 50-летия и юбилеев Победы, была создана большая межэтажная экспозиция из металлических барельефов и фотографий. Создание ее курировал декан лесоинженерного факультета В.К. Курьянов.

В таком же межэтажном пространстве были размещены мраморные стенды с фамилиями погибших ветеранов-студентов. Фотографий этих стендов не сохранились, однако перечень фамилий был воспроизведен на досках современной памятной экспозиции на 2-м этаже университета (установлены в 2020 г.).

С 1987 по начало 1990-х гг. шло оформление помещения Музея трудовой и боевой славы института (на данный момент – Лесотехнический музей). На специальном стенде, посвященном ветеранам – преподавателям и сотрудникам вуза, были перечислены фамилии 117 человек. Судя по всему, эта часть выставки создавалась несколько раньше, поскольку на центральном стенде присутствовала надпись «40 лет Победы».

В начале 2000-х в межэтажном пространстве были размещены более современные (оформленные в цвете) стенды с фотографиями ветеранов. В 2010 г. значительно обновлен мемориальный комплекс на могиле № 17. Памятная доска, напоминающая о присутствии в корпусе института командного пункта 121-й стрелковой дивизии, была перенесена с левой части фасада к входу в университет.

В 2019-2020 гг. на втором этаже университета был поставлен выполненный из дерева памятник воинам Великой Отечественной войны. На мраморных досках рядом размещен максимально полный памятный список студентов и преподавателей, погибших в ходе боевых действий 1941-1945 гг. Значительная экспозиция, посвященная событиям Великой Отечественной войны, сохраняется в Лесотехническом музее. Она включает фотографическую и текстовую информацию об истории вуза в годы войны, боях в районе института, фотографии ушедших на войну и погибших студентов, список преподавателей-ветеранов, многочисленные экспонаты военного времени: предметы вооружения, экипировки, награды и т.п. Вместе с памятником и списками погибших студентов, расположенными напротив входа в музей, они составляют единый мемориальный комплекс. К 80-летию Победы (2025 г.) пространство, рядом с памятником было дополнено обширной экспозицией, посвященной истории развития танковой техники в годы войны.

Современный комплекс средств, позволяющий сохранить память о Великой Отечественной войне, развивался в течение десятилетий. Он является весьма обширным и информативным, дает возможность транслировать память о войне как через визуально-образный ряд, так и через текстовый материал. Максимальный эффект, конечно, достигается проведением специальных экскурсий. Однако созданный комплекс способен создавать полноценный образ и без них. Значение комплекса в тех возможностях, которые он предоставляет для военно-патриотического воспитания. Вместе с тем, на данный момент актуальна модернизация его в сторону освещения военных событий второй половины XX – начала XXI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринько А.И. Линия Ратной Славы. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988. – 176 с.
2. Гринько А.И. Солдаты в каменных шинелях. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1969. – 98 с.
3. За лесные кадры. 28 апреля 1975 г.

4. Крестникова Е. У стен Воронежа // Ради жизни на земле: очерки о героизме наших земляков в годы Отечественной войны / сост. Л.И. Суслов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970. – С. 113-117.

5. Раскатов П.Б. История Воронежского ордена Дружбы народов Лесотехнического института. – Воронеж, 1987. – Т. 2. – 432 с.

6. Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны: народное движение в авторитарном государстве, 1941-1991. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 480 с.

REFERENCES

1. Grinko A.I. Line of Military Glory. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1988. – 176 p.

2. Grinko A.I. Soldiers in Stone Greatcoats. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1969. – 98 p.

3. For Forest Cadres. April 28, 1975.

4. Krestnikova E. At the Walls of Voronezh // For the Sake of Life on Earth: Essays on the Heroism of Our Fellow Countrymen During the Patriotic War / compiled by L.I. Suslov. – Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1970. – Pp. 113-117.

5. Raskatov P.B. History of the Voronezh Order of Friendship of Peoples of the Forestry Institute. – Voronezh, 1987. – Vol. 2. – 432 p.

6. Edele M. Soviet veterans of World War II: a popular movement in an authoritarian state, 1941-1991. – М.: New Literary Review, 2023. – 480 p.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_226-231

УДК 93/94

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ БЫВШИХ
КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ
ПОЛИТИКИ ПО ДЕЛАМ ВЕТЕРАНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОЙ
ГОРОДСКОЙ КОМИССИИ)**

FUNCTIONING OF COMMISSIONS ON FORMER RED GUARDSPERSONS AND RED
PARTISANS AS INSTANCE OF VETERAN AFFAIRS POLITICS IMPLEMENTATION
(BASED ON PRIMARY SOURCES RELATED TO VORONEZH CITY COMMISSION)

Товстопят К.И., аспирант
ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Tovstopyat K. I., postgraduate student
Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1930-1935 гг.) на примере Воронежской городской комиссии. Основное внимание уделяется социальным и культурным функциям, которые они реализовывали по отношению к бывшим участникам Гражданской войны в России.

Abstract: In the article, functioning of Commissions on former Red Guardspersons and Red Partisans (1930-1935) is explored using instance of Voronezh city Commission. Their social and cultural functions, being realized towards former Russian Civil War participants, are pivotal point of attention.

Ключевые слова: красногвардейцы; красные партизаны; Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан; Гражданская война в России; ветераны.

Keywords: Red Guardspersons; Red Partisans; Commission on former Red Guardspersons and Red Partisans; Russian Civil War; veterans.

Гражданская война в России стала значительным фактором формирования в стране новой крупной социальной группы ветеранов её боевых действий. Основное внимание при изучении этой социальной группы традиционно уделялось бывшим красноармейцам и краснофлотцам, воевавшим в регулярных подразделениях РККА и РККФ. Однако не менее важную политическую и военную роль в ходе боевых действий, особенно на начальном этапе, играли представители нерегулярных добровольческих частей, именовавшихся Красной гвардией, а также многочисленные партизанские отряды, участники которых получили название красных партизан. Советская власть, по окончании боевых действий, не могла не принимать во внимание эту новую социальную группу и не могла не преступить к реализации определённого комплекса мер, направленных на предоставление её определённых социальных

гарантий, а также на культурно-просветительскую работу по созданию положительного образа их участия в боевых действиях. Это также подкреплялось определёнными ожиданиями со стороны самих бывших красногвардейцев и красных партизан, которые определённо ожидали предоставления определённых льгот. Одним из инструментов реализации политики по делам этой части ветеранов Гражданской войны стали Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, начавшие создаваться на разных административно-территориальных уровнях в 1930 г. Они не были первыми институтами такого рода [9], однако оставили после себя наиболее широкую базу источников как относительно количественного и качественного состава бывших красногвардейцев и красных партизан, так и относительно мер их социальной поддержки и популяризации их боевого пути в пропагандистских целях.

Таким образом, объектом исследования здесь полагается Деятельность комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, а предметом – применяемые ими меры социальной и культурной поддержки этой категории ветеранов Гражданской войны. В рамках данной работы объект и предмет будут рассмотрены на основе местных источников города Воронежа, хранящихся в Государственном архиве Воронежской области, что определяет рамки исследования.

Цель данной работы – исследовать деятельность Комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан как инструмент политики советской власти по делам ветеранов Гражданской войны в России. Исходя из цели исследования, определены его задачи: исследовать основные функции красногвардейской и краснопартизанской комиссии города Воронежа; установить приоритетность в этих функциях при работе комиссии; изучить вопрос материально-технической и организационной обеспеченности выполнения комиссией своего функционала.

В историографии указанная проблематика хорошо разработана именно в рамках исследований по региональной истории. В качестве примера современной локальной историографии этого вопроса можно отметить работы С.А. Хубуловой, посвящённые деятельности Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, основанные на североосетинском региональном историческом материале. Она рассматривает эволюцию политики североосетинских властей в отношении бывших участников добровольческих отрядов на протяжении 1924-1935 гг. В её работах, данный вопрос в большей степени рассматривается в институциональном, а не функциональном отношении, а упоминания о функциях партизанских комиссий ограничиваются только общим указанием на основную функцию данных органов - проверку подлинности сведений об участии тех или иных лиц в боевых действиях Гражданской войны в качестве красногвардейца или красного партизана [10, с. 136]. Также на североосетинском материале рассматривается социальная политика по отношению к ветеранам-красногвардейцам и красным партизанам в статье А.Б. Бичилова [8, с. 15].

Изучив исторические источники, относящиеся к воронежской городской Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан, можно составить профиль форм деятельности этого органа и определить основные направления его работы с ветеранами

Гражданской войны. Однако сначала представляется дать некоторую историческую справку его работы. Начало работы комиссий было положено постановлением ЦИК и СНК СССР о льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам [5, с. 64]. Как и во всей РСФСР в Воронеже и в районах, относящихся к Воронежской области, Комиссии появились в 1930 г. в связи с Постановлением Совнаркома РСФСР как комиссии по выдаче удостоверений бывшим красногвардейцам и красным партизанам [7, с. 78], а своё окончательное название комиссии получили в 1932 г. Таким же образом, как и во всей остальной стране, они были ликвидированы уже через пять лет после своего создания в 1935 г., формально по причине выполнения ими своих задач, с передачей полномочий органам Народного комиссариата социального обеспечения, который должен был оказывать социальную помощь «действительно нуждающимся» бывшим красногвардейцам и красным партизанам [6, с. 388].

Перечислим основные направления деятельности Воронежской городской комиссии. Два таких направления были главными и следовали из самого первоначального названия этого органа.

Во-первых, первом и основном направлением её работы была проверка фактов участия претендентов на статус ветерана Гражданской войны – участника Красной гвардии и краснопартизанских отрядов, на предмет реально участи в боевых действиях в этом статусе [2, Л. 74]. Иными словами, проверка подлинности сведений о боевом опыте в качестве участника красногвардейских и краснопартизанских отрядов. Проверка, как правило, осуществлялась методом выявления подлинности документов, биографических данных и свидетельств третьих лиц относительно фактов участия того или иного человека в деятельности отрядов. Сюда же можно отнести деятельность по выдаче и замене ранее выданных другими уполномоченными органами удостоверений красногвардейца и красного партизана, а также ведению списков бывших красногвардейцев и красных партизан, проживающих в Воронеже [1, Л. 1-8]. Относительно деятельности по проверке подлинности сведений об участии того или иного лица в Гражданской войне как красногвардейца или красного партизана или проверке на совершение в период войны актов дезертирства и перехода на сторону белых нужно отметить, что есть основания предполагать, что не всегда её механизмы были достаточно тщательными. Хотя имеются примеры достаточно подробного изучения как военной, так и послевоенной биографии потенциальных ветеранов [2, Л. 135].

Во-вторых, важным направлением работы Воронежской комиссии была материальная помощь бывшим участникам боевых действий, особенно в части предоставления льготного жилья, что, если судить по материалам деятельности Комиссии, было достаточно важно для тех, в интересах кого она должна была функционировать [4, Л. 19]. Источники свидетельствуют о крайней ограниченности ресурсов, которые Комиссия могла бы использовать для этих целей. Имеются прямые отказы в прошениях о материальной помощи по причине недостаточности средств. Кроме того, количество заявок на получение льготного жилья явно превышало возможности Комиссии его предоставить, по причине чего её деятельность на этом направлении ограничивалась исключительно констатацией плохого состояния жилищ [4, Л. 19] бывших красногвардейцев и красных партизан, их ремонтом и

просьбами к профсоюзным и государственным органам оказать содействие в этом вопросе [3, Л. 12]. Сюда же можно отнести выплату специальных стипендий детям бывших красногвардейцев и красных партизан, приуроченных к 15-й годовщине Октябрьской революции [4, Л. 38], и выдачу хлебных карточек, хотя их характер опять же был весьма ограниченным [4, Л. 42].

Другие направления работы были менее важными для работы Комиссии.

Во-первых, среди таковых её функций можно отметить культурно-просветительскую деятельность. Особенно это стало важным в преддверии 15-й годовщины Октябрьской революции, а также в связи с годовщинами ключевых дат в ходе боевых действий на территории бывшей Воронежской губернии. В целом, мероприятия по увековечению памяти участников и ветеранов Гражданской войны, которые планировала Воронежская комиссия, носили стандартный характер. Среди них были установка памятников и мемориальных табличек, создание музеев, создание памятных уголков с портретами и биографиями погибших красногвардейцев и красных партизан, присвоение имён школам, проведение памятных собраний с участием выдающихся организаторов Красной гвардии и краснопартизанских отрядов, организация тематических детских очагов, а также массовая кампания в печати [4, Л. 3-6].

Во-вторых, сюда можно отнести дисциплинарное воздействие на имеющих статус бывшего красногвардейца и красного партизана или претендующего на него. Нельзя сказать, что обеспечение дисциплинарного воздействия было широко реализуемой функцией Воронежской комиссии, но факты подобного также имели место. Дисциплинарные меры применялись к тем, кто занимался противоправной деятельностью, используя при этом свой ветеранский статус (вне зависимости от его реальности) как предлог для того, чтобы избежать наказания и ограничивались лишением красногвардейского или краснопартизанского удостоверения, а также освящением этих мер в печати [3, Л. 40-41].

В-третьих, информирование населения города о постановлениях органов государственной власти РСФСР о предоставлении льгот бывшим участникам Красной гвардии и краснопартизанских отрядов.

В-четвёртых, привлечение к работе непосредственно в Комиссии бывших красногвардейцев и красных партизан и их родственников в качестве общественной работы [4, Л. 19].

Таким образом, на примере Воронежской городской комиссии, можно говорить о том, что Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан претендовали на роль полноценного органа работы с данной категорией ветеранов Гражданской войны и охват широкого круга полномочий. Деятельность Воронежской комиссии, как можно было увидеть, вышла за пределы простого кадрового документооборота и стала, если не всеохватывающей, но достаточно разнонаправленной, включающей не только выдачу или отзыв удостоверений участника красных добровольческих отрядов, но и полноценно участвующей в увековечивании их памяти, информировании, материальном обеспечении и социализации в советском обществе.

На примере Воронежской комиссии можно также выявить некоторые проблемы, которые были присущи этому типу учреждений. Прежде всего, сюда можно отнести отсутствие полноценного финансового и имущественного обеспечения их деятельности, что не позволяло отвечать на основной запрос бывших участников Гражданской войны – запрос на оказание материальной помощи, в том числе в такой достаточно сложной области как обеспечение жильём. На примере Воронежской комиссии видно, как уже было упомянуто, что ресурсы, которыми располагали эти учреждения, были недостаточными и не соответствовали тем ожиданиям помощи, которые имели участники боевых действий. Это, как представляется стало, в итоге одной из причин ликвидации Комиссий и передачи их полномочий непосредственно к полноценному органу исполнительной власти, располагающему возможностями выделения бюджетных ресурсов. Сюда же можно отнести трудности с определением правового статуса Комиссий и порядка их взаимоотношений с иными организациями, учреждениями и предприятиями. Всё это, как представляется, стало основанием для мер по реорганизации механизмов помощи упомянутой категории ветеранов Гражданской войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. Р-905. – Оп. 1. – Д. 1 (Документы (доклады, отчёты, письма) об участии жителей Воронежа в боях за советскую власть).
2. ГАВО. – Ф. Р-905. – Оп. 1. – Д. 2 (Протоколы заседаний комиссии по выдаче удостоверений на льготы бывшим красногвардейцам и красным партизанам исполкома Воронежского горсовета).
3. ГАВО. – Ф. Р-905. – Оп. 1. – Д. 24 (Заявления и переписка о выдаче жилой площади бывшим красногвардейцам и красным партизанам).
4. ГАВО. – Ф. Р-905. – Оп.1. – Д. 38 (Заявления бывших красногвардейцев и красных партизан и переписка по вопросу ремонта и предоставления им жилой площади).
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1930 г. – Ч. 1. – Отдел первый. – М., 1930. – 338 с.
6. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1935 г. – Отдел Первый. – М., 1947. – 529 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1930 г. № 1-26. Отдел первый. – М.: Гос. юридич. изд-во РСФСР, б. г. – 358 с.
8. Бичилов О.А. Социальная адаптация «красных партизан» Осетии после Гражданской войны // Вестник СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ. – 2012. – № 4. – С. 15-19.
9. Морозова О.М. От сумы, от тюрьмы и от сумасшедшего дома: деятельность «партизанских комиссий» (1919-1935 гг.) // Relga: Научно-культурологический журнал. – 30.05.2010. – № 7 (205) [Электронный журнал] – URL: <https://relga.ru/articles/2622/> (дата обращения: 23.04.2025 г.).

10. Хубулова С.А. Деятельность Северо-Осетинской Комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1924-1935 гг.) // Известия СОИГИСИ. Владикавказ. – 2017. – № 23 (62). – С. 136-164.

REFERENCES

1. State Archive of Voronezh Oblast' (further – SAVO). – F. R-905. – Op. 1. – D. 1 (Documents (reports, accounts, letters) on participation of Voronezh City residents in rebellions and fights for soviet authorities).

2. SAVO. – F. R-905. – Op.1. – D. 2 (Protocols of sessions of the commission on issue of exemption license towards former Red Guardspersons and Red Partisans related to executive committee of Voronezh City Counsel).

3. SAVO. – F. R-905. – Op.1. – D. 24 (Claims and correspondence on rendering of housing to former Red Guardspersons and Red Partisans).

4. SAVO. F. – R-905. – Op. 1. – D. 38 (Claims of former Red Guardspersons and Red Partisans and correspondence about repair of their housing and rendering it towards them).

5. A collection of Acts and Orders by the USSR Labor and Peasant Government for 1930. Part 1. – Section One. – M., 1930. – 338 p.

6. A collection of Acts and Orders by the USSR Labor and Peasant Government for 1935. Section One. – M., 1947. – 529 p.

7. A collection of Acts and Orders by the RSFSR Labor and Peasant Government for 1930. № 1-26. Section One. – M.: State juridical publishing house of the RSFSR, no year specified. – 358 p.

8. Bichilov O.A. The Social adaptation of «Red Guerillas» of Ossetia after the Civil War. // Bulletin of NOSU named after K.L. Khetagurov. Vladikavkaz. – 2012. – № 4. – Pp. 15-19.

9. Morozova O.M. From the purse, from the prison and from the madhouse: functioning of «Partisan Commissions» (1919-1935) // Regla: Academic Culturology Journal. – 30.05.2010. – № 7 (201). [e-journal] – URL: <https://relga.ru/articles/2622/>

10. Khubulova S.A. Functioning of North-Ossetian Commission on former Red Guardspersons and Red Partisans (1924-1935) // Izvestiya SOIGISI. Vladikavkaz. – 2017. – № 23 (62). – Pp. 136-164.

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_232-240

УДК 46 (19)

КИЕВСКИЙ КЛУБ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (1908-1919 ГГ.)
KIEV CLUB OF RUSSIAN NATIONALISTS (1908-1919)

Востриков П.В., кандидат исторических наук
 ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Vostrikov P.V., Candidate of Historical Sciences
 Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia

Аннотация: Клуб русских националистов Киева был создан в 1908 г. после революционных событий 1905-1907 гг. Это была внепартийная, умеренно-правая организация, целью которой было объединение национально-мыслящих русских людей для противостояния революционным, польским, украинофильским идеям и распространения идей патриотизма, национального самосознания, выявление нужд населения края и удовлетворения их законными путями. Киевский клуб продвигал двойную миссию: «пробудить в русском народе национальную чувствительность и углубить его национальное сознание» и обеспечить «господство русского народа в государственном порядке». После занятия Киева большевиками некоторые члены клуба были выявлены чекистами и расстреляны между 15 и 25 мая 1919 г.

Ключевые слова: Малороссия, патриотизм, национализм, правое движение, мазепинство.

Abstract: The Club of Russian Nationalists of Kyiv was created in 1908 after the revolutionary events of 1905-1907. It was a non-partisan, moderate-right organization, the purpose of which was to unite nationally-minded Russian people to oppose revolutionary, Polish, Ukrainophile ideas and to spread the notions of patriotism, national self-awareness, identifying the needs of the region's population and satisfying them by legal means. The Kiev Club promoted a dual mission: “to awaken national sensitivity in the Russian people and deepen their national consciousness” and to ensure “the dominance of the Russian people in the state order.” After the Bolsheviks occupied Kyiv, some club’s members were identified by the Chekists and shot between May 15 and 25, 1919.

Keywords: Malorossia, patriotism, nationalism, right-wing movement, Mazepinism.

В создании клуба активное участие приняли журналист, писатель, общественный и политический деятель крупный специалист в области политической экономии и прикладной экономики профессор Дмитрий Иванович Пихно (1853-1913 гг.), журналист Анатолий

Иванович Савенко (1894-1922 гг.) и ученый-медик и политик Василий Егорович Чернов (1852-1912 гг.). Устав Клуба был принят 19 марта 1908 г.

Устав ККРН утверждал: «Русскому народу, своими трудами, страданиями и кровью создавшему великое Российское государство принадлежат в России державные права по отношению к другим народам. Посему не должно быть даруемо никаких других автономий, ибо это был бы первый шаг к расчленению России на части...Русский народ существует только один... Украинофильское движение представляет собой явление в такой же степени вредное, как и беспочвенное». Лица, желающие вступить в клуб, принимались с согласия Совета, который был создан самими учредителями; члены клуба подразделялись на членов-учредителей, почетных, пожизненных, действительных и сотрудников. «Пожизненными членами клуба считаются те члены клуба, которые внесли единовременно не менее 200 руб. Члены-учредители и действительные члены вносят ежегодно на нужды Клуба членский взнос в размере 12 руб. в год, члены-сотрудники не менее 6 руб. в год» [15, с. 2-3]. Высокий вступительный взнос превращал ядро Клуба в элитарное собрание, хотя в течение полутора лет с момента своего основания клуб собрал почти восемьсот членов из всех слоев общества. В списки членов также входили активисты СРН с более скромным достатком, и большой контингент женщин и рабочих. Интересно отметить, что в списке членов клуба значатся десятки неславянских имен: несколько лютеран немецкого происхождения играли активную роль в клубе, как даже некоторые сочувствующие поляки, которые отказались от польского националистического дела и обратились в православие [20, с. 217].

Помимо ККРН в Киеве в рассматриваемый период возникли многочисленные монархические организации, такие, например, как Киевская монархическая партия, Киевский союз русских рабочих, киевское русское собрание [16, с. 249-252].

В управляющий совет ККРН входили 18 членов и 2 кандидатов. Выборы в Совет проводились каждый год. К 1913 г. в клубе было уже 738 членов. Большинство (свыше 700 человек) составляли малороссы. В их числе: успешный предприниматель, инженер В.Я. Демченко – строитель Киево-Полтавской железной дороги, организатор уличного и транспортного благоустройства Киева; известный филолог-славист, византист, член-корреспондент Императорской Академии наук Т.Д. Флоринский; профессор-педиатр В.Е. Чернов; профессор кафедры геологии Киевского университета и директор Высших женских курсов П.Я. Армашевский, благодаря работам которого было обеспечено артезианское водоснабжение Киева и разработана система защиты от оползней вдоль берега Днепра. Таким образом, среди его наиболее активных деятелей были городские интеллектуалы, которые представили малороссийский патриотизм и антиреволюционные идеи как основу русской национальной идентичности [8, с. 38].

Члены клуба выступали против того, что они считали систематической и многовековой эксплуатацией русского населения поляками и евреями, которая только усилилась после 1905 г., когда могущественные группы меньшинств использовали свои новые приобретенные политические права, «чтобы попирали интересы детей Руси». И. Сикорский охарактеризовал продолжающуюся борьбу за контроль над пограничными территориями как расовую войну

между «арийскими» восточными славянами с одной стороны и поляками и евреями с другой. Савенко настаивал на том, что неправославные меньшинства юго-запада неспособны играть позитивную роль в социальной, политической и экономической жизни империи. «Любовь поляков и евреев к России более чем сомнительна», – утверждал он. «[Они] не хотят свободы и прав для русского народа, а хотят господствовать над [русскими], поработить их» [20, с. 217-218].

На регулярных собраниях зачитывались доклады, проводились обсуждения наиважнейших текущих вопросов. Клуб проводил широкую общественную деятельность, Группа энтузиастов клуба спонсировала археологические раскопки памятников периода Киевской Руси и публичные лекции, в которых большое внимание уделялось православной церкви, достижениям восточнославянской культуры и народным традициям, были налажены связи с церковными и общественными региональными организациями (например, галицких русинов). Клуб организовывал паломничества галичан в Россию летом 1908 г., практиковались и семейные литературно-музыкальные вечера. Клуб рассматривал проблему представительства в Государственном Совете от 9 губерний Западной Руси. В избе-читальне Клуба можно было ознакомиться с такими газетами, как «Киевлянин», Русское знамя», «Вече», «Кремль» и журналами – «Исторический вестник», «Мирный труд». Клубы интеллигентов, подобные киевскому, возникли в те годы в Чернигове, Каменец-Подольске, Полтаве, Кременчуге. Они также состояли из высокообразованных и обеспеченных граждан, общий процент которых в общей массе черносотенцев и националистов был невелик (среди 200 000 малороссийских черносотенцев, самой многочисленным слоем были крестьяне). Правобережная Украина справедливо считалась опорой Союза русского народа [1, с. 25]. Историки О. Платонов и А. Пыжиков отмечали, что родиной российского политического черносотенства стала Почаевская Лавра, а местным и самым крупным отделением Союза русского народа руководили архимандрит Виталий (В.И. Максименко) и архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (А.А. Храповицкий) [12, с. 423].

12 мая 1908 г. по поводу законопроекта 37 членов Думы о введении преподавания в школах Малороссии на украинском языке была выработана резолюция, которая, отмечала, что «украинский язык, о введении которого в школы хлопчут 37 членов Государственной Думы, создан в последнее десятилетие галицкими украинофилами с М. Грушевским во главе. Этот язык построен совершенно искусственно на почве той обильной польской примеси, которая внедрилась в малороссийские говоры во время многовекового подчинения Малороссии и Юго-Западного края... Польше, и не только по духу, но и по словарю, фразеологии и синтаксису стоит ближе к языку польскому, нежели к русскому». Отторгающий программу украинских сепаратистов законопроект так и не был в итоге принят. Все резолюции и заявления КРН всегда доносились до сведения правительства и имели влияние на решения, принимаемые в Государственной Думе. Например, правительство разработало законопроект о введении земства в Западном крае [19].

В июле 1912 г. Клуб решал проблему выборов в IV Государственную Думу и принял решение о создании единого блока правых и националистов. Киевские националисты не

ставили цели стать массовой, народной партией, но, так как среди них было много образованных, талантливых людей, то они пользовались авторитетом и оказывали влияние на выборы в Думу [7, с. 48].

В национальном вопросе Клуб, несмотря на некоторую умеренность, оставался непреклонным. С.Н. Щеголев различал сепаратизм политический (государственная измена Выговского и Мазепы) и культурно-этнографический или украинофильский (Максимович, Костомаров, Кулиш) [18, с. 7]. В.В. Шульгин выделял три вида сепаратистов: «Как и другие виды сектантов, украинствующие могут быть разделяемы на три категории: 1) Честные, но незнающие. Это те, которых обманывают; 2) Знающие, но бесчестные, призвание сих – обманывать «младшего брата»; 3) Знающие и честные. Это маньяки раскола. Они обманывают сами себя» [17, с. 1]. А.Я. Савенко писал: «Националисты великоросского происхождения встревожены украинофильством. И насколько мы здесь преуменьшаем размеры этого движения, настолько великороссы преувеличивают его. Совершенно забывая, что в переживаемые годы тяжкой смуты именно Малороссия послужила оплотом национально-патриотического движения, некоторые политические деятели Великороссии дошли до признания малороссов инородцами, наравне с поляками, финляндцами, грузинами и т. д.: все, мол, это сепаратисты [10]».

26 марта 1913 г. собрание членов КРН по итогам обсуждения доклада И.А. Садчикова «О новой практике Сената в отношении евреев-купцов I гильдии в Киеве» приняло резолюцию, адресованную, прежде всего, министрам и членам Государственной Думы. Ее текст сводился к просьбе «... опротестовать и перенести в общее собрание Сената последние решения департаментов Сената о допущении евреев свободно брать первогильдейские купеческие свидетельства в г. Киеве...» [3].

Впрочем, относительная умеренность членов Клуба в отношении еврейства выразилась в том, что его члены старались не допустить погрома после убийства Столыпина в киевском театре. «Большая ошибка считать националиста погромщиком... Мужа я почти не вижу, он все среди своих националистов, где много работы, чтобы энергично противодействовать погромному настроению толпы», - писала жена одного из членов Клуба в те дни [9, с. 278].

В начале 1914 г. собрание Клуба направило телеграмму в МВД после получения известия о «суде над карпато-руссами в Мармарош-Сигете, где судят русский народ и приговаривают его к национальной смерти, считая государственной изменой самое исповедание культурно-национального единства русского народа»: «На территории всей южной России ведется яростная пропаганда идеи украинского сепаратизма. Многочисленные агитаторы, как закордонные, так и здешние, всеми способами и с громадной настойчивостью доказывают, что малороссы – это совершенно особый народ, который должен иметь самостоятельное существование, как культурно-национальное, так и политическое. Планы мазепинцев заключаются в том, чтобы оторвать от России всю Малороссию до Волги и Кавказа и включить ее в состав Австро-Венгрии на федеративных началах в качестве автономной единицы. Вся эта деятельность мазепинцев, открыто направленная к разрушению единства и целостности Российской империи и опирающаяся на австро-польский Галицийский

Пьемонт, не встречает абсолютно никакого противодействия со стороны русского правительства. Многие мазепинцы даже состоят на государственной службе, особенно к крайнему прискорбию, в большом числе по учебному ведомству, с другой стороны, в то время как Австро-Венгерское правительство грозит графу Владимиру Бобринскому арестом в случае прибытия его в пределы Австро-Венгрии. Закордонные вожди мазепинства свободно приезжают в Россию для агитационной и организационной работы и пользуются у нас полной неприкосновенностью и гостеприимством. А глава всего мазепинско-украинского движения, направленного к разрушению Российской империи и пользующегося громадной поддержкой внешних врагов России, львовский профессор Грушевский состоит даже в русском подданстве и живет то во Львове, то в Киеве, беспрепятственно руководя опасной и губительной для России работой мазепинского лагеря» [13, с. 314-315].

Выходцам из Малороссии принадлежало лидерство среди русских националистических организаций в империи. Это можно было отметить, в частности, по избирательным мероприятиям. Лидер ККРН А. Савенко в 1908 г. писал: «...В то время как великорусские губернии отправили даже и в Третью думу значительное число революционеров, Малороссия посылала в Таврический дворец почти исключительно русских националистов. В то время как великорусские Москва и Санкт-Петербург являются рассадниками революции, центр Малороссии Киев – это центр русского патриотического движения» [10].

Он призывал к невмешательству в борьбу правительства против украинского движения и настаивал на корректности малорусской версии идентичности, не переставая осуждать украинское движение как раскольническое [6, с. 423-424].

Во время Первой мировой войны те члены ККРН, что не ушли на фронт, занимались активной благотворительностью, прежде всего, направленной на поддержку Русской армии. В сентябре 1914 г. Клуб передал свое довольно обширное помещение на улице Б. Васильковской под госпиталь, который был впоследствии расширен за счет средств членов Клуба и Всероссийского земского союза. За пять месяцев 1915 через него прошло 404 раненых. Многие члены Клуба отправились в действующую армию, некоторые из них, как, например, Г.И. Рудич, геройски пали на полях сражений [3].

До 1913 г. в Клубе состояли как люди умеренно правых взглядов, так и крайне правые черносотенцы. В 1913-1914 гг. Клуб потрясли, несколько расколов — из него вышли как крайне правые, недовольные политикой нового председателя Клуба Анатолия Савенко, так и ряд умеренных деятелей, например Шульгин, поругавшийся со своими соратниками из-за дела Бейлиса. В 1917 г. Киевский клуб русских националистов был переименован в Клуб прогрессивных русских националистов по инициативе А.И. Савенко, что многим не понравилось и вызвало новые размежевания среди членов Клуба. 21 сентября 1917 г. состоялось последнее годовое собрание Клуба. Клуб, во время немецкого присутствия в городе (весна-осень 1918 г.), не собирался. После поражения Германии Анатолий Савенко пытался восстановить собрание, но приход петлюровцев разрушил все планы. Имеются сведения, что у Клуба была некоторая подпольная деятельность в конце 1918 – начале 1919 г. Так Клуб и прекратил свое существование. После Февральской революции его деятели

участвовали в различных выборах в составе Внепартийного блока русских избирателей (ВБРИ). Например, В.В. Шульгин, был избран депутатом украинского Учредительного собрания, а ВБРИ получил более 30 % голосов киевлян, в то время как украинские эсеры набрали чуть более 20%. Впрочем, ситуация менялась стремительно [3].

В Киеве в период революционной смуты власть переходила из рук в руки 14 раз. Князь Н.Д. Жевахов вспоминал: «Киев...еще не был во власти большевиков, и экономическая жизнь протекала в нем сравнительно нормально. Но в отношении политическом город представлял собой нечто до крайности нелепое, ибо находился в руках так называемых «украинцев», бездарных и глупых людей, мечтавших о самостийной «Украине» и не знавших ни истории Малороссии, ни того австрийско-польского русла, из которого вытекала самая идея украинизации Малой Руси. Царил неимоверный хаос в речах и убеждениях, и над Киевом доминировала глупость, осуществляемая «Радою», возглавляемой австрийским агентом профессором М. Грушевским и его правительством. Трудно было представить себе нечто более бессмысленное... По приезде в Киев я застал работу «правительства» по украинизации города в самом разгаре, но даже не был удивлен, увидев, что такая работа началась и кончилась только заменой городских вывесок на русском языке «украинской мовой», рождавшей крайне нелепые сочетания слов и выражений и вызывавшей смех» [2, с. 39-40]. В.К. Винниченко, возглавлявший правительство Центральной Рады и петлюровской Директории в январе 1918 г., спасался от наступающих красных отрядов, бежал из Киева под видом обычного гражданина, провел восемь дней в поезде, разговаривал с разными людьми. Он вынес для себя неутешительные впечатления: «Я в то время уже не верил в особую симпатию народа к Центральной Раде. Но я никогда не думал, что, могла быть в нём такая ненависть...с каким презрением, злостью, с каким мстительным издевательством говорили они о Центральной Раде, о генеральных секретарях, об их политике. Но что было в этом действительно тяжёлое и страшное, так это то, что они вместе высмеивали и всё украинское: язык, песню, школу, газету, книгу украинскую» [4, с. 59]. Как и ранее, на одном из заседаний ККРН профессор И.А. Сикорский отмечал: «Неудивительно, что такой украинской речи, по словам проф. Грушевского, не желают брать в руки...он жалуется, как слабо распространяются украинские газеты и журналы, все вообще украинские издания» [11, с. 47]. Но и ККРН был в незавидном положении – его ненавидели очень многие политические группы – «украинствующие», либералы, большевики. И русские патриоты Киева, как и все патриотическое движение в целом, сопротивляясь до последнего, не смогли остановить революционный поток. Силы были неравны. Патриотизм и национализм в определенных кругах интеллигенции воспринимался как признак дремучести, отсталости, зашоренности. В 1919 г., когда в руки большевиков попал полный список членов Клуба, все, до кого сумели дотянуться, были расстреляны [5, с. 354]. Никаких обвинений задержанным не предъявлялось, главной виной их была принадлежность к русским националистам, а также социальное и имущественное положение. Помещение Клуба было разгромлено, погибла вся документация. Показательно, что, прежде всего, были арестованы и казнены люди, давно уже не имевшие никакого отношения к Клубу, бывшие его члены, которые политикой давно не занимались, в Гражданской не участвовали, даже

опасности никакой для себя не видели. Активные деятели ККРН как, например, А. Савенко, сразу же после появления в городе петлюровцев поняли, что те долго не продержатся, после придут большевики, и сразу переехали в Одессу. Следует отметить, что этнический состав киевской ЧК сыграл свою зловещую роль. Клуб оказался объектом мести и для евреев-большевиков, и для украинских левых эсеров, члены клуба воспринимались как классовые, так и национальные враги [14].

Расстрел деятелей Киевского клуба русских националистов стал для русского Киева потрясением, после которого русское национальное движение больше не возродилось. Предстояла тотальная большевистская украинизация, которая и завершила государственное строительство в ходе многоэтапного украинского проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков С. Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. – М., 2020.
2. Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Священного синода Князя Н.Д. Жевахова. – Том II. – Март 1917-январь 1920. – СПб., 2006.
3. Кальченко Т. Киевский Клуб русских националистов. Патриотическая организация. – URL: <https://web.archive.org/web/20160304112803/http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=5880> (дата обращения: 18.04.2025).
4. Каревин А. Русь нерусская. Как рождалась ридна мова. – М., 2006.
5. Медведев А.А. Подлинная история русского и украинского народа. – М., 2015.
6. Миллер А. Соперничество русского и украинского национализма накануне и во время Первой мировой войны: история и политика памяти // Quaestio Rossica. – Т. 6. – 2018. – № 2. – С. 420-437.
7. Омельчук И.В. Черносотенное движение на территории Украины (1904-1914 гг.). – Киев, 2000.
8. Родин С. «Украинцы». Антирусское движение сепаратистов в Новороссии. – М., 2006.
9. Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII- начало XX вв. – М., 2007.
10. Савенко А.Я. Заметки по поводу 100-летия с дня рождения Гоголя // Киевлянин. – 16.11.1908. – № 320.
11. Сикорский И.А. Русские и украинцы. Доклад в Клубе русских националистов в Киеве 7 февраля 1913 г. – Киев, 1913.
12. Спицын Е.Ю. Российская империя XVIII-начала XX в. – М. 2019.
13. Телеграмма председателя Киевского клуба русских националистов А.И. Савенко министру внутренних дел Н.А. Маклакову о притеснениях угро-руссов в Австро-Венгрии, пропаганде идей украинского сепаратизма на юге России и связях лидеров «мазепинского лагеря» с Австро-Венгрией. 11 января 1914 г. / Об историческом единстве русских и украинцев. Документы. – М., 2023.

14. Чемакин А. Смерть русского Киева: к 100-летию расстрела Киевского клуба русских националистов. – URL: <https://ukraina.ru/20190522/1023641561.html>. (дата обращения: 14.04.2025).
15. Устав Клуба русских националистов в Киеве. – Киев, 1912.
16. Черная сотня. Историческая энциклопедия. – М., 2008.
17. Шульгин В.В. Украинствующие и мы. – Белград, 1939.
18. Щеголев С.Н. Истоки украинского сепаратизма. Происхождение и язык. – М., 2022.
19. Яременко Н. ККРН. Русские националисты. – URL: <https://zavtra.ru/blogs/kkrn>. (дата обращения: 16.04.2025).
20. Hillis F. Children of Rus'. Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. – Ithaca and London, 2013.

REFERENCES

1. Belyakov S. Vesna narodov. Russkie i Ukraitsi mezhdubulgakovim i Petlyuroi. – М., 2020.
2. Zhevakhov N.D. Vospominaniya tovarischa ober-prokurora Svyaschennogo Synoda. Tom 2. Mart 1917- yanvar' 1920. – Saint Petersburg. 2006.
3. Kal'chenko T. Kievsky Klub russkikh natsionalistov. Patrioticheskaya organizatsia. – URL: <https://web.archive.org/web/20160304112803/http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=5880> (date of request: 18.04.2025).
4. Karevin A. Rus' nerusskaya. Kak rozhdalas' ridna mova. – М., 2006.
5. Medvedev A.A. Podlinnaya istoriya russkogo i ukrainskogo naroda. – М., 2015.
6. Miller A. Sopernichestvo russkogo i ukrainskogo natsionalisma nakanune I vo vremya Pervoi mirovoi voini: istoria I politika pamyati // Quaestio Rossia. – Т.6. – 2018. – № 2. – s. 420-437.
7. Omel'chuk I.V. Chernosotennoe dvizhenie na territorii Ukraini (1904-1914 гг.). – Киев, 2000.
8. Rodin С. «Ukraitsi». Antiruskoe dvizhenie separatistov v Novorossii. – М., 2006.
9. Rosental' I.S. I vot obschestvennoe mnenie! Klubi v istorii rossiiskoi obschestvennosti. Konets XVIII – nachalo XX vv. – М., 2007.
10. Savenko A.Ya. Zametki po povodu юо-letiya so dnya rozhdeniya Gogolya // Kiyavlyanin. – 16.11.1908. – № 320.
11. Sikorsky I.A. Russkie I ukraitsi. Doklad v klube russkikh natsionalistov v Kieve 7 fevralya 1913 g. – Киев, 1913.
12. Spitsin E.Yu. Rossiiskaya imperiya XVIII – nachala XX v. – М. 2019.
13. Telegramm predsedatelya Kievskogo kluba russkikh natsionalistov A.I. Savenko ministru vnutrennikh del N.A. Maklakovu o pritesneniyakh ugro-russov v Avstro-Vengrii, propaganda idei ukrainskogo separatism na yuge Rossii I svyazyakh liderov «mazepinskogo lagerya»

s Avstro-Vengrii. 11 yanvarya 1914 g. / Ob istoricheskom edinstve russkikh I ukraintsev. Dokumenti. – M., 2023.

14. Chemakin A. Smert' russkogo Kieva: k 100-letiyu rasstrela Kievskogo kluba russkikh natsionalistov. – URL: <https://ukraina.ru/20190522/1023641561.html>. (date of request: 14.04.2025).
15. Ustav Kluba russkikh natsionalistov v Kieve. – Kiev, 1912.
16. Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopedia. – M., 2008.
17. Shul'gin V.V. Ukrainstvuyuschie i mi. – Belgrad, 1939.
18. Schegolev S.N. Istoki ukrainskogo separatism. Proiskhozhdenie i Yazik. – M., 2022.
19. Yaremenko N. KKRN. Russkie natsionalisti. – URL: <https://zavtra.ru/blogs/kkrn>. (date of request: 16.04.2025).
20. Hillis F. Children of Rus'. Right-Bank Ukraine and the Invention of a Russian Nation. – Ithaca and London, 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арасланова Светлана Салаватовна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, a.ra-svet@mail.ru.

Балабаев Михаил Владимирович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, Poloskun.enot2014@yandex.ru.

Башкатов Дмитрий Валерьевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, dima_bashkatov_2001@mail.ru.

Белянская Татьяна Эдуардовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, tabel71@mail.ru.

Беляев Михаил Викторович – магистр, Религиозная духовная образовательная организация высшего образования «Новосибирская Библейская Богословская семинария», belyaev.mikhail1712@yandex.ru.

Волвенкин Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, mvolvekin@mail.ru.

Востриков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, sortavala2015@inbox.ru.

Гришин Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, iamaphilosopher@yandex.ru.

Емельянова Наталия Николаевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Донецкий государственный университет, emeljanova.n.n@bk.ru.

Кандыбина Елена Львовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, selena26a@mail.ru.

Квасов Олег Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, kvasovoleg@yandex.ru.

Китаева Алла Викторовна – преподаватель, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, k.alla99@mail.ru.

Ключников Никита Викторович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, nikit010501@mail.ru.

Колкунов Андрей Николаевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, kolkunov.an@mail.ru.

Кострова Екатерина Николаевна – преподаватель, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), katrinepr@mail.ru.

Крючкова Наталья Юрьевна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, maximus777kr@rambler.ru.

Ксенофонов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук, Военная академия Республики Беларусь, nksena777@gmail.com.

Кульбашная Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), elenakulbashnaja@rambler.ru.

Мамонов Михаил Анатольевич – председатель Совета первичного отделения Движения Первых, руководитель Творческой лаборатории этики и эстетики, педагог-организатор дополнительного образования МБУДО Центр развития творчества детей и юношества «Спутник» (Воронеж), muthosmsotum@yandex.ru.

Машина Анжелика Вячеславовна – научный сотрудник, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), mashinaanzhelika@gmail.com.

Мещерякова Елена Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), elenamsol@yandex.ru.

Мязин Владислав Андреевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, v_myazin@mail.ru.

Никонова Татьяна Юрьевна – педагог дополнительного образования МБУДО Центр развития творчества детей и юношества «Спутник» (Воронеж), tatianayurievna@yandex.ru.

Панин Дмитрий Альбертович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, da.panin@yandex.ru.

Панова Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, гражданского и уголовного права, Воронежский государственный аграрный университет, natida2011@yandex.ru.

Петряева Татьяна Андреевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, tanyapetryaeva@yandex.ru.

Пивоварова Юлия Игоревна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, pjifromm@mail.ru.

Подлесных Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, agera3@yandex.ru.

Полеводов Георгий Валериевич – соискатель, член Российского философского общества, Донецкий государственный университет, Grach-25SM@mail.ru.

Попов Александр Сергеевич – кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, popov.jour@yandex.ru.

Потрашкова Виктория Викторовна – студентка, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, potraschkova@mail.ru.

Разиньков Михаил Егорович – кандидат, исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, razinkov_mihail@mail.ru.

Романихин Артём Романович – студент, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, etr1969@yandex.ru.

Руссу Александр Викторович – кандидат технических наук, старший преподаватель, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, arussu@mail.ru.

Салманов Павел Павлович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, pavel.salmanov@mail.ru.

Семёнова Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, elenaviktor2014@mail.ru.

Семьнина Елена Владимировна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, semynina.lena@gmail.com.

Сергеев Станислав Сергеевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, sergeev.j47325@yandex.ru.

Сухоруких Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, sukhorukikh.al@yandex.ru.

Титов Олег Юрьевич – курсант, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), katrinepr@mail.ru.

Титова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, olgatitova1983@yandex.ru.

Товстопят Кирилл Иванович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, tovstopiat.kir@yandex.ru.

Удалых Евгения Юрьевна – кандидат философских наук, преподаватель, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), losevo7@mail.ru.

Чучупал Вячеслав Васильевич – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова, erbium@yandex.ru.

Научное издание

МЕТАФИЗИКА ПАТРИОТИЗМА:
ВОСПИТАНИЕ ДУХА И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНИНА

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Воронеж, 24 апреля 2025 г.

Ответственный редактор О.Н. Квасов

Материалы издаются в авторской редакции

Подписано к изданию 04.06.2025. Объем данных 1,92 Мб
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет
имени Г.Ф. Морозова»
394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8